Графъ М. В. Толстой.

ХРАНИЛИЩЕ
МОЕЙ ПАМЯТИ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. букьв.
1891.

„Пров Зк“

(Отдѣльный оттискъ изъ №№ 7, 8, 9, 10, 11 и 12 1890 г.
и изъ №№ 1, 2, 3 и 4 1891 г. „Душеполезнаго Чтенія“).

2941
27

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Аграѳена Васильевна, няня..... 36
Агнія, монахиня... 134
Аиша́-Надя. 47
Александръ II, императоръ..... 8
Алексій, архіепископъ Литовскій..... 112
Анастасій, іеромонахъ..... 110
Антоній, архимандритъ..... 79
Арсеній, митрополитъ Кіевскій..... 95
Аѳанасій, архіепископъ..... 87
Аѳанасій, архимандритъ..... 44
Волотовъ, Павелъ Андреевичъ..... 109
Волконская, княгиня Александра Петровна..... 48
Володя, сынъ мой..... 25
Гагаринъ, князь Сергій Ивановичъ. 88
Горскій, Александръ Васильевичъ..... 99
Голубинскій, Ѳеодоръ Александровичъ..... 137
Делицынъ, Петръ Спиридоновичъ..... 155
Димитрій, архіепископъ Херсонскій..... 4
Досиѳей, архіепископъ Грузинскій..... 43
Евлампій, архіепископъ..... 41
Евреиновъ, Михаилъ Михаиловичъ..... 77
Ждановъ, Иванъ Львовичъ..... . 18
Зубова, графиня Наталія Александровна..... 26
Зубова, графиня Екатерина Александровна..... 45
Ивановъ, Александръ Павловичъ..... 2
Игнатій, монахъ..... 56
Иннокентій, архимандритъ..... 8
Іеремія, епископъ..... 12
Іона, іеромонахъ..... 58
Коризна, Александра Станиславовна..... 105
Костомаровъ, Николай Ивановичъ.... 150

Стр.

Лаврова, Марія Николаевна... 92
Лежнева, вдова лекаря..... 108
Леонтій, монахъ..... 10
Ляпидевскій, Павелъ Стефановичъ..... 176
Марія Александровна, императрица..... 11
Марія (Тучкова), игуменія..... 120
Маслова, Екатерина Богдановна..... 90
Матѳей, схимникъ. 52
Минервинъ, Алексѣй Ивановичъ..... 6
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ..... 61
Никаноръ, архіепископъ Херсонскій..... 135
Николай Александровичъ, въ Бозѣ почившій Цесаревичъ. 84
Нилъ, архіепископъ Ярославскій..... 178
Носовъ, Иванъ Гавриловичъ..... 94
Перхуновъ, солдатъ..... 56
Поликарпъ, архимандритъ..... 37
Попова, Евѳимія Герасимовна..... 167
Спириты..... 152
Смирновъ, Сергій Константиновичъ 158
Стаховичъ, Надежда Михайловна..... 91
Текутьева, Елисавета Степановна..... 106
Тихвинскій, Андрей Тимоѳеевичъ..... 104
Толстая, графиня Аграфена Степановна..... 60
Толстой, графъ Владиміръ Степановичъ, мой отецъ.... 30
Толстой, графъ Андрей Степановичъ..... 54
Уваровъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ..... 171
Филаретъ, митрополитъ Московскій..... 19
Харитонъ, схимникъ..... 52
Черкасскій, князь Владиміръ Александровичъ..... 146
Эстергази, свѣтлѣйшій князь..... 12

ХРАНИЛИЩЕ МОЕЙ ПАМЯТИ.

(Вмѣсто предисловія).

Старики любятъ вспоминать прошлое. По мѣрѣ лѣтъ, въ памяти ихъ накопляется такое множество лицъ и событій, что она, постепенно ветшающая и притупляющаяся, уже не въ силахъ удерживать ихъ въ своемъ запасѣ. Вѣроятно, эта причина побуждаетъ многихъ изъ нихъ прибѣгать къ изложенію своихъ былыхъ впечатлѣній на письмѣ, чтобы сохранить хотя немногія, но болѣе дорогія для нихъ воспоминанія.

Для этой цѣли употребляются разные способы. Наиболѣе употребительно изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ, но оно неудобно, потому что при продолжающейся нити жизненныхъ событій, многія лица не находятъ себѣ приличнаго мѣста въ разсказѣ или совсѣмъ исчезаютъ.

Извѣстный писатель начала нынѣшняго вѣка, князь И. М. Долгоруковъ принялъ другой порядокъ для своихъ воспоминаній. Въ его воспоминаніяхъ, неоднократно напечатанныхъ подъ заглавіемъ: «*Капище моего сердца*», онъ описываетъ отдѣльно всѣ лица, почему-либо ему памятныя. Принимая его сочиненіе за образецъ, я не могу одобрить заглавія. Что за капище? Мы не язычники, поклоняемся единому Богу и не должны имѣть идоловъ.

Попытаюсь изложить воспоминанія о лицахъ всякаго званія, память о которыхъ желаю сохранить для себя и оставить моимъ дѣтямъ, подъ названіемъ: «хранилище моей памяти». Но при этомъ ставлю себѣ правиломъ — не говорить ни слова о лицахъ, еще живущихъ, чтобы не подвергаться подозрѣнію въ лести, или не обидѣть кого-либо правдивымъ отзывомъ.

ИВАНОВЪ

Александръ Павловичъ, врачъ и учитель физики и химіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Отецъ его, служившій въ канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, промоталъ ввѣренныя ему казенныя деньги и застрѣлился. Семейство, состоящее изъ жены его, сестры и двухъ сыновей, осталось на рукахъ старшаго сына, 15 лѣтняго гимназиста. Положеніе семьи казалось безъисходнымъ, но Саша не унывалъ. Не смотря на свою молодость, онъ какъ лучшій ученикъ въ старшемъ классѣ гимназіи, давалъ уроки не только ученикамъ младшихъ классовъ, но и постороннимъ, и получалъ хорошую плату. Квартира въ генералъ-губернаторскомъ домѣ была оставлена семьѣ Иванова года на два и движимость его не была конфискована, по милости князя Д. В. Голицына. Вообще семейство Иванова жило хотя бѣдно, но очень пристойно.

А. П. Ивановъ, очень даровитый, живой и бойкій юноша, моложе меня двумя годами, вмѣстѣ со мною поступилъ на медицинскій факультетъ въ Московскомъ Университетѣ въ началѣ января 1831 года. По веселому и доброму нраву, онъ былъ весьма любимъ товарищами, не возбуждая въ нихъ зависти; хотя былъ постоянно по всѣмъ предметамъ ученія первымъ между нами. Часто приходилъ онъ ко мнѣ по вечерамъ; я училъ его французскому языку и ботаникѣ, а онъ меня—своимъ любимымъ предметамъ—физикѣ и химіи.

Первую онъ изучилъ еще въ гимназіи, а химіей занимался постоянно и усердно, посѣщая лекціи и опыты профессора Геймана на математическомъ факультетѣ.

Въ 1834 году мы съ нимъ окончили медицинскій курсъ и получили званіе лѣкаря перваго отдѣленія, причемъ Ивановъ удостоенъ званія эминента, какъ получившій по всѣмъ предметамъ высшій баллъ. А въ 1837 году приступили къ докторскому экзамену вмѣстѣ съ двумя изъ нашихъ товарищей— съ Калинниковымъ и Плаховымъ. По окончаніи экзамена, продолжавшагося слишкомъ годъ, Ивановъ, выбравшій себѣ для докторской диссертаціи тему о мышьякѣ, не принимался за дѣло, откладывалъ съ года на годъ и, наконецъ, вовсе отложилъ мысль о диссертаціи и не получилъ степени доктора медицины, которой онъ больше всѣхъ насъ заслуживалъ. Впрочемъ, винить его въ этомъ нельзя: обязанный содержать семейство, онъ вовсе не имѣлъ свободнаго времени. Еще до начала докторскаго экзамена, онъ принялъ на себя преподаваніе физики и химіи въ кадетскомъ корпусѣ, въ межевомъ институтѣ и еще въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда въ Москвѣ онъ былъ лучшимъ учителемъ по этимъ предметамъ. Сверхъ того, у него была обширная медицинская практика, и притомъ всегда безплатная, по особенной причинѣ. Изъ любви къ отцу, который (какъ выше сказано) лишилъ себя жизни, Ивановъ, какъ человѣкъ вѣрующій, постоянно мучился мыслію,—чѣмъ бы помочь душѣ несчастнаго самоубійцы. Священники, съ которыми онъ совѣтывался, отвѣчали ему единогласно, что церковь запрещаетъ молиться о самоубійцахъ и поминать ихъ при совершеніи литургіи. По просьбѣ любимаго моего товарища, я ѣздилъ съ нимъ къ Митрополиту. Выслушавъ внимательно недоумѣнія молодаго человѣка, Филаретъ похвалилъ сыновнюю любовь его къ умершему отцу и сказалъ: «Поминать самоубійцу на литургіи не дозволено; но вы можете и должны молиться о немъ, прибавляя къ молитвѣ: «Господи, не постави мнѣ молитву сію во грѣхъ». А главная помощь несчастной душѣ — дѣла милосердія. Вы не имѣете средствъ давать

нуждающимся деньги; помогайте имъ усердно вашими познаніями, охотно лечите бѣдныхъ и, на сколько можете, безмездно. Этимъ вы облегчите участь души, о которой скорбите, и на себя привлечете благословеніе Божіе».—Съ того времени Ивановъ далъ себѣ слово никогда и ни съ кого не брать денегъ за леченіе и остался вѣрнымъ этому обѣту до конца своей жизни.

Выслуживъ пенсію, Ивановъ вышелъ въ отставку съ чиномъ д. ст. совѣтника и поселился въ деревнѣ, гдѣ вскорѣ и скончался. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ извѣстнаго писателя Достоевскаго,—Вѣрѣ Михайловнѣ и оставилъ послѣ себя семейство.

ДИМИТРІЙ

Муретовъ, бывшій ректоромъ Кіевской Духовной Академіи, затѣмъ кіевскимъ викаріемъ, епископомъ тульскимъ, архіепископомъ волынскимъ и наконецъ херсонскимъ. Онъ отличался необыкновеннымъ милосердіемъ и неистощимою щедростію къ бѣднымъ. Я впервые познакомился съ нимъ въ Кіевѣ въ 1873 году—на юбилеѣ митрополита Арсенія. Здѣсь слышалъ я замѣчательный разсказъ его о перенесеніи мощей священномученика, вселенскаго патріарха Григорія, изъ Одессы въ Аѳины.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія Грековъ противъ турецкаго ига первосвятитель Григорій сдѣлался первою жертвою, положивъ душу свою за овцы, какъ добрый пастырь. Онъ былъ повѣшенъ въ самый день Пасхи 1821 года. Тѣло его, брошенное въ море и узнанное греческимъ шкиперомъ Склавосомъ, взято на корабль и привезено въ Одессу, гдѣ пролежало въ карантинѣ болѣе мѣсяца, не подвергаясь тлѣнію. По волѣ императора Александра I, изъ Московской Синодальной (бывшей патріаршей) ризницы были присланы—богатое патріаршее облаченіе и митра съ короною и кре-

стомъ, принадлежавшія патріарху Никону, для возложенія на мощи священномученика, при погребеніи ихъ въ греческой церкви въ Одессѣ. Съ того времени прошло 50 лѣтъ. Въ 1871 году, по ходатайству греческаго правительства, разрѣшено было допустить перенесеніе мощей изъ Одессы въ Аѳины, къ торжеству полустолѣтія Эллинской независимости. Дѣпутація, въ числѣ которой находился престарѣлый архіепископъ (имени его не упомню), родной племянникъ патріарха Григорія, собралась, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ и мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ, въ греческой церкви. Согласно указу Св. Синода, слѣдовало вынуть изъ могилы гробъ святителя, вложить, не раскрывая, въ другой гробъ и передать присланнымъ Грекамъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Когда сводъ могилы былъ разобранъ, облаченія и митра, присланныя изъ Москвы въ 1821 году, оказались лежащими на крышкѣ гроба, который истлѣлъ и развалился. Лежавшія въ немъ мощи найдены вполнѣ нетлѣнными, но безъ всякой одежды и бѣлья, какъ были вынуты изъ моря; только по чресламъ были онѣ препоясаны полотномъ сохранившимся въ цѣлости. Удивленные этимъ зрѣлищемъ, очевидцы сначала не могли угадать причину наготы мощей; но когда захотѣли облачить ихъ, то убѣдились, что нельзя сдѣлать это иначе, какъ ломая окоченѣвшіе составы. На такое насиліе, конечно, не рѣшились, и нетлѣнныя мощи, въ томъ же обнаженномъ состояніи, только обернутыя въ простыню, были вложены въ новый гробъ и переданы греческимъ депутатамъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что мощи, по привезеніи ихъ въ Аѳины, положены открыто въ соборномъ храмѣ, облаченныя въ мантію, поручи, омофоръ и митру. Два послѣдніе предмета—изъ Московской Синодальной ризницы, найденные въ могилѣ патріарха. Въ честь прославленнаго нетлѣніемъ священномученника составлена тамъ особая служба. А въ одесской греческой церкви надъ опустѣлою гробницею патріарха поставлено изображеніе его, вылитое изъ серебра.

Преосв. Димитрій скончался въ 1885 году и погребенъ въ правой сторонѣ Одесскаго собора, рядомъ съ могилою знаменитаго нашего проповѣдника, преосв. Иннокентія.

МИНЕРВИНЪ,

Алексѣй Ивановичъ, приходскій священникъ с. Каменокъ, Владимірской епархіи Александровскаго уѣзда. Это село, принадлежавшее покойной моей матери, долгое время не имѣло хорошаго священника. Нѣсколько лѣтъ занималъ это мѣсто священникъ Павелъ Абрамовъ, вполнѣ недостойный своего сана. По просьбѣ прихожанъ, онъ подвергся суду и былъ низведенъ въ должность причетника въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Владимірской епархіи, а мѣсто предоставлено его зятю, — о. Назарію Добронравову, очень доброму человѣку, но слабому здоровьемъ и неспособному къ сельскому хозяйству. Убѣдившись въ своей неспособности къ приходскому служенію, онъ перешелъ въ военное вѣдомство, а на Каменскій приходъ поступилъ о. Алексій Минервинъ, уже опытный пастырь, прослужившій нѣсколько лѣтъ священникомъ въ селѣ Кушкахъ, гдѣ онъ вытерпѣлъ много неудовольствій отъ помѣщика, мстившаго ему за отобраніе церковной земли, которою помѣщикъ завладѣлъ насильно. По совѣту преосв. Парѳенія, о. Алексій перешелъ въ с. Каменки. Здѣсь своимъ безкорыстіемъ и прямодушіемъ онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе, начиная съ помѣщицы до послѣдняго бобыля. Онъ улучшилъ свое хозяйство, запущенное прежними священниками, завелъ плодовитый садъ и ревностно заботился о нашей деревянной церкви, уже не ветхой, какъ было прежде, но прекрасно обновленной имъ. Этому, дорогому для меня, храму не долго пришлось существовать: 29 августа 1829 года въ Каменкахъ произошелъ пожаръ отъ неосторожности одной крестьянки. Село, окру-

жавшее церковь со всѣхъ сторонъ, загорѣлось почти все одновременно. Въ церкви шла литургія; священникъ, не прерывая службы, распоряжался выносомъ и сохраненіемъ церковныхъ вещей. Предъ глазами его пылалъ стоявшій за алтаремъ собственный его домъ недавно отстроенный, со всѣмъ его имуществомъ: но отецъ Алексѣй не тронулся съ мѣста; и только тогда, когда стѣны храма уже загорѣлись, онъ вынесъ священные дары изъ объятаго пламенемъ села, поставилъ ихъ на большомъ камнѣ, подостлавъ антиминсъ; причастился и докончилъ литургію. Между тѣмъ имущество его сгорѣло но тла, а все церковное сохранилось, кромѣ большаго паникадила и верхнихъ рядовъ иконостаса Послѣ пожара, священникъ, діаконъ и причетникъ переселились въ нашъ уцѣлѣвшій домъ, туда же перенесены были иконы и ризница, покуда не было построено особое зданіе, въ видѣ большой часовни, для совершенія всѣхъ службъ, кромѣ литургіи. Это строеніе обращено потомъ въ домъ для священника.

При помощи Божіей, своими неусыпными трудами о. Алексій успѣлъ соорудить на мѣсто сгорѣвшаго трехпрестольный каменный храмъ. Только кирпичъ для этого храма былъ приготовленъ въ Каменкахъ на счетъ моей матери; все остальное, какъ объяснялъ самъ о. Алексій, неизвѣстно откуда взялось, по пословицѣ: «Церковь сама себя строитъ.» Вскорѣ потомъ храмоздатель оставилъ приходъ, выдалъ замужъ дочь и передалъ мѣсто зятю, а самъ поступилъ въ число братіи Троицко-Сергіевой Лавры и принялъ монашество съ именемъ Аверкія. Скончался 9 мая 1845 года и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ Лавры.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

Государь Императоръ.

Хотя я съ 1843 года носилъ придворный мундиръ, но, живя и служа въ Москвѣ, не имѣлъ случая представиться Его Величеству и только въ 1856 году, во время торжествъ коронаціи, Государь сталъ знать меня немного, но узналъ ближе въ 1862 году въ Новгородѣ, гдѣ я имѣлъ счастіе сопровождать его и августѣйшую его супругу при осмотрѣ мѣстныхъ древностей. Съ того времени Государь, при всякомъ свиданіи со мною, говорилъ мнѣ: «здравствуй Толстой!» Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ тотъ самый вечеръ, когда злоумышленниками сдѣланъ былъ взрывъ при проѣздѣ царскихъ экипажей. Государь, выходя въ генералъ-губернаторскомъ домѣ изъ малой гостиной въ большую, остановился, осмотрѣлся кругомъ и, увидѣвъ меня, кивнулъ головою и сказалъ: «здравствуй!» но не назвалъ по имени и прошелъ далѣе. Вѣроятно, онъ забылъ, какъ меня назвать, потому что былъ очень разстроенъ въ этотъ вечеръ.

ИННОКЕНТІЙ,

архимандритъ Ростовскаго Іаковлевскаго ставропигіальнаго монастыря. Два раза въ годъ, на праздники преп. Сергія, пріѣзжалъ въ Лавру отецъ Иннокентій, и всякій разъ посѣщалъ мою матушку, иногда съ отцемъ-намѣстникомъ Аѳанасіемъ, иногда съ Ѳ. А. Голубинскимъ, котораго онъ очень любилъ. Онъ началъ свое служеніе церкви священникомъ въ селѣ Порѣчьѣ, на берегу озера, напротивъ города Ростова, гдѣ дѣдъ и прадѣдъ его удостоились принять рукоположеніе отъ

святителя Димитрія. Овдовѣвъ послѣ двадцатилѣтняго священства, онъ постригся, подвизаясь въ трудахъ духовной жизни, подъ руководствомъ роднаго дяди своего отца Амфилохія. Еще при жизни старца, Иннокентій вступилъ въ обязанности архимандрита обители и около 30 лѣтъ несъ бремя настоятельства, назидая и братію, и богомольцевъ всякаго званія—отъ вельможи до простолюдина не столько словами, сколько примѣромъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Въ особенности отличался онъ терпѣніемъ и любовію ко всѣмъ. Много лѣтъ сряду страдалъ старецъ тяжкими, неизлѣчимыми недугами: каменною болѣзнію и страшными ранами на ногахъ. При мнѣ случилось однажды, что, послѣ обѣда у намѣстника Лавры, отецъ Иннокентій освободился отъ большаго остраго осколка камня, безъ сомнѣнія съ жестокимъ страданіемъ. Но не только стона или крика жгучей боли не слыхали мы изъ устъ его, но онъ даже не прерывалъ веселой дружеской бесѣды. Только замѣтна была перемѣна въ лицѣ: оно то блѣднѣло, то краснѣло. Такъ пріучилъ себя старецъ къ терпѣнію выше силъ человѣческихъ! О ранахъ своихъ онъ говорилъ: «Еслибы не эти раны, гдѣ бы найти мнѣ такихъ будильниковъ? Лѣность влечетъ ко сну, а онѣ напоминаютъ о молитвѣ.» Какъ стражъ у гроба святителя, онъ всѣхъ принималъ съ неистощимою любовью и радушіемъ, не разбирая различій житейскихъ; во всякое время дня стекались къ нему богомольцы, и никто не отходилъ безъ благословенія, безъ живаго слова назиданія. На вопросъ одного знатнаго гостя, который дивился такому неутомимому гостепріимству, старецъ отвѣчалъ: «не смѣю не принять Христа, а въ чьемъ лицѣ придетъ Онъ, не вѣдаю.» Отецъ Иннокентій скончался въ 1847 году, на 77 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на паперти соборной церкви Яковлевскаго монастыря.

ЛЕОНТІЙ,

монахъ родомъ изъ Болгаръ, постриженникъ монастыря Хиландаря на Аѳонѣ, едва ли не тайный схимникъ, жилъ въ Лаврѣ съ 1812 года. Объ немъ я слышалъ любопытный разсказъ отъ преосвященнаго Самуила, епископа Костромскаго бывшаго намѣстникомъ Лавры при митрополитѣ Платонѣ. «Весною 1812 года (такъ говорилъ при мнѣ Ѳеодору Александровичу Голубинскому преосв. Самуилъ) я поѣхалъ въ Виѳанію къ владыкѣ съ докладомъ, кого прикажетъ онъ поставить въ часовню Божіей Матери, на мѣсто умершаго монаха? Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ непонятными рѣчами о какомъ-то монахѣ, который идетъ къ намъ съ Аѳонской горы. Чрезъ нѣсколько времени я опять доложилъ владыкѣ о томъ же и получилъ тотъ же отвѣтъ. Признаюсь, я подумалъ, что владыка нашъ отъ старости забывается и не помнитъ, что́ говоритъ, тѣмъ болѣе, что тогда у насъ была война съ Турками, и всѣ пути сообщенія были прерваны. Но что же вышло? Вдругъ является ко мнѣ монахъ-Болгаринъ, по имени Леонтій, съ паспортомъ отъ генерала Кутузова (въ послѣдствіи князя Смоленскаго). Оказалось, что этотъ монахъ отправился изъ Аѳонской Лавры въ нашу, по особому откровенію во снѣ, и сверхъ всякаго чаянія благополучно прошелъ мимо турецкой арміи въ главную квартиру къ главнокомандующему. Когда я доложилъ о томъ владыкѣ, онъ сказалъ: «помнишь, я говорилъ тебѣ объ аѳонскомъ монахѣ?» Тогда только я понялъ, что слова нашего великаго архипастыря были не безсознательны, а пророчественны, и поставилъ Леонтія въ часовню.» Такъ разсказывалъ при мнѣ преосв. Самуилъ, въ своемъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ іюлѣ 1825 года. Отецъ Леонтій прослужилъ въ часовнѣ до глубокой старости. Иногда видали его по ночамъ молящимся подъ окномъ запертой часовни снаружи, при свѣтѣ лампады, которая неугасимо теплится предъ чудотворною ико-

ною. По глубокому смиренію, онъ жилъ и умеръ простымъ монахомъ, хотя братія Лавры желала имѣть его духовникомъ и митрополитъ Филаретъ былъ согласенъ на рукоположеніе.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

Государыня Императрица, супруга Императора Александра II.

До 1856 года я не имѣлъ счастія быть лично извѣстнымъ Ея Величеству; но во время торжествъ коронаціи, будучи при ней дежурнымъ на балѣ князя Эстергази, какъ одинъ изъ старшихъ камеръ-юнкеровъ, я удостоивался разговаривать съ нею. Государыня, вѣроятно, слышала отъ кого-нибудь о моихъ историческихъ занятіяхъ и заговорила со мною о Борисѣ Годуновѣ. Послѣ, въ 1862 году, я имѣлъ счастіе лично поднести Государю и Государынѣ, при торжествѣ тысячелѣтія, мою книгу о святыняхъ Новгорода и былъ назначенъ сопровождать Ея Величество при обозрѣніи новгородскихъ древностей. Здѣсь Государыня Императрица вполнѣ обнаружила всю глубину своихъ историческихъ и археологическихъ познаній. Между прочимъ она просила показать ей въ Софійскомъ соборѣ древнюю артосную панагію и когда старикъ-ключарь подалъ ей вмѣсто того наперсную панагію владыки Пимена, она обратилась ко мнѣ и сказала по-французски: «Можетъ-быть, я не такъ выразилась; не нужно ли сказать панагіаръ?» Много ли найдется русскихъ дамъ, которыя знали бы такое техническое слово? При входѣ въ Грановитую Палату (гдѣ нынѣ церковь святителя Іоанна) Государыня изволила спросить: «это здѣсь Грозный царь закричалъ и велѣлъ начать грабежъ?» — Императрицѣ Маріи Александровнѣ все русское какъ языкъ, такъ и исто-

рія, были всегда близки къ сердцу, а потому она говорила по-русски, какъ природная русская женщина.

Черезъ нѣсколько лѣтъ въ одинъ изъ пріѣздовъ Двора въ Москву Государыня изволила призвать меня во дворецъ и сама показывала мнѣ рисунки своего археологическаго альбома—числомъ до 30, рисованные акварелью Н. А. Мартыновымъ и другими художниками. Она приказала передать ихъ мнѣ, поручая составить къ нимъ описанія. Конечно, я поспѣшилъ исполнить порученіе и послалъ Ея Величеству цѣлую тетрадь описаній; за этотъ трудъ я былъ награжденъ великолѣпною табакеркою. И послѣ того, при каждомъ общемъ представленіи, Императрица удостоивала меня разговоромъ.

ЭСТЕРГАЗИ

свѣтлѣйшій князь, венгерскій магнатъ, австро-венгерскій посолъ при коронаціи Императора Александра II. Австрійское правительство, оказавшее себя враждебнымъ и неблагодарнымъ во время Крымской войны, вѣроятно, опасалось, что парадное его посольство будетъ холодно принято. Въ этихъ видахъ былъ назначенъ посломъ Эстергази, лично знакомый нашему Двору и давно уже носившій Андреевскую ленту. Онъ занялъ прекрасный домъ Толмачева на Пречистенкѣ и пристроилъ къ нему большую деревянную галлерею для танцевъ, отдѣлавъ ее внутри бѣлымъ атласомъ.

Въ день коронаціи онъ подъѣхалъ къ рѣшеткѣ Успенскаго собора въ одно время съ англійскимъ посольствомъ. Когда всѣ вмѣстѣ пошли по переходу, устланному краснымъ сукномъ, вдругъ у супруги англійскаго посла—леди Гренвиль порвалась на шеѣ нитка жемчугу, и нѣсколько жемчужинъ упало на сукно; она не умѣла удержаться, заплакала и закричала. Разумѣется, жемчужины были подобраны, а старикъ Эстергази смотрѣлъ и лукаво улыбался.

Въ торжественныхъ случаяхъ онъ наряжался великолѣпно, соотвѣтственно своему громадному богатству; на немъ была венгерка чернаго бархата и сверху такой же ментикъ. Пуговицы изъ огромныхъ брилліантовъ, брилліантовое перо на киверѣ, такіе же каменья на поясѣ, застежкѣ ментика, рукояткѣ сабли и орденѣ Золотаго Руна на шеѣ довершали убранство, стоившее, какъ говорятъ, болѣе полумилліона рублей. Въ день именинъ Государя, когда еще шла литургія въ Верхо-Спасскомъ соборѣ, всѣ посольства собрались въ Александровской залѣ; здѣсь Эстергази, любезничая съ дамами, зацѣпился за что-то, причемъ воротъ ментика порвался, застежка упала и изъ нея выпало нѣсколько брилліантовъ. Камеръ-лакей сейчасъ же собралъ ихъ и подалъ на тарелкѣ, но старый князь не взялъ ихъ, сказавъ хладнокровно: «Возьмите себѣ на чай.» А самъ между тѣмъ смотрѣлъ съ улыбкою на леди Гренвиль.

Балъ у князя Эстергази былъ самый великолѣпный изъ всѣхъ баловъ того времени; были заблаговременно закуплены всѣ стерляди въ садкахъ на Москвѣ-рѣкѣ; въ томъ числѣ и знаменитая стерлядь слишкомъ въ $1^1/_2$ аршина, заранѣе публикованная въ газетахъ и проданная за 600 р. На другихъ посольскихъ балахъ стерлядей уже не было. Ужинъ на 60 приборовъ въ большой гостинной для Императорской фамиліи и значительнѣйшихъ лицъ — на золотой посудѣ, а въ танцовальной галлереѣ—для публики на 500 приборовъ—на серебряной. Старое венгерское текло рѣками.

Во время коронаціоннаго богослуженія, Эстергази, хотя римскій католикъ, усердно молился, что было замѣчено окружающими и очень ихъ удивляло. Нѣсколько дней спустя я сопровождалъ его при подробномъ осмотрѣ Успенскаго собора: онъ молился передъ иконами и мощами и прикладывался къ нимъ; при выходѣ изъ собора онъ сказалъ мнѣ: «Наши вѣры очень сходны; разница только въ папской власти, а она для насъ — Венгерцевъ — бездѣлица (pour nous autres hongrois c'est une bagatelle).» Онъ былъ съ визитомъ

у митрополита Филарета, принялъ его благословеніе и цѣловалъ руку святителя. Замѣчательно, что такъ поступалъ посолъ государя, носящаго жалованный папою титулъ «Апостолическаго величества».

ВОЛОДЯ,

третій сынъ мой, родившійся 30 января 1856 года. Въ 1871 году онъ перешелъ въ V классъ гимназіи. Когда экзамены въ гимназіи, гдѣ учились сыновья мои, кончились, мы отправились по обыкновенію своему, на лѣто въ Каменки (деревня близъ Сергіева посада). Въ окрестностяхъ появилась холера, впрочемъ не сильная, но у насъ въ деревнѣ ея еще не было. Утромъ 22 іюля я поѣхалъ въ Сергіевъ посадъ повидаться съ знакомыми, пріятно провелъ тамъ день и ночевалъ въ гостинницѣ. На другой день, выѣхавъ рано въ обратный путь, я встрѣтилъ на дорогѣ жену мою съ Володей, котораго она везла для леченія въ Посадъ. При первомъ взглядѣ на него я ужаснулся: онъ былъ едва живъ, въ сильнѣйшемъ припадкѣ холеры. Мы пріѣхали въ гостинницу, изъ которой я только-что выѣхалъ. Призванный докторъ, Нилъ Петровичъ Страховъ, сказалъ мнѣ откровенно, что не имѣетъ надежды спасти больнаго, но употребилъ всѣ средства, какія только возможны. Мы поспѣшили призвать священника. Володя въ полной памяти исповѣдался и причастился Св. Таина. Въ три часа пополудни онъ тихо скончался.

Не найду словъ для описанія нашего тяжкаго горя, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно пришло къ намъ совершенно неожиданно. Родители, испытавшіе несчастіе терять дѣтей, поймутъ всю глубину нашей скорби; для другихъ она необъяснима. Ненаглядный нашъ отрокъ былъ сильно привязанъ къ родителямъ. Прекрасная наружность его, сходство съ матерью, ласковость и нѣжность сердца съ дѣтскаго возраста невольно сдѣлали его моимъ любимцемъ. Я любилъ

его больше всѣхъ дѣтей; мнѣ казалось тогда, что для меня легче было бы потерять ихъ всѣхъ, нежели одного Володю. Но за это чувство упрекала меня совѣсть: смерть Володи представлялась мнѣ наказаніемъ за несправедливость мою къ остальнымъ дѣтямъ. Словомъ, я находился въ такомъ состояніи духа, что ни прежде, ни послѣ не испытывалъ ничего подобнаго. Почтенный старецъ М. М. Евреиновъ, (см. это слово) сильно любившій Володю, поспѣшилъ къ намъ при извѣстіи о его кончинѣ. Намѣстникъ Лавры о. Антоній, въ тотъ же день, пришелъ въ гостинницу и, увидѣвъ тѣло Володи на столѣ, внезапно заплакалъ и сказалъ какъ будто самъ себѣ: «Это онъ! Его я видѣлъ во снѣ». Послѣ того онъ зашелъ къ намъ и, увидѣвшись съ Евреиновымъ, какъ съ старымъ своимъ знакомымъ, разсказалъ ему, что наканунѣ утромъ, задремавъ предъ совершеніемъ литургіи, видѣлъ Св. Марію Магдалину, проходившую съ сонмомъ дѣвственницъ, мимо обильной яствами трапезы. Подлѣ стоялъ прекрасный отрокъ. Старецъ сказалъ ему: «Я готовлюсь къ служенію и не могу вкушать пищи, а тебѣ можно.» Тогда услыхалъ онъ голосъ Маріи Магдалины: «оставьте его: онъ уже отозванъ ко мнѣ.» — «Увидѣвъ покойника, прибавилъ отецъ Антоній, я узналъ въ немъ того отрока, котораго видѣлъ во снѣ, и не могъ удержаться отъ слезъ.»

Мы похоронили Володю въ Сергіевой Лаврѣ, близъ алтаря Успенскаго собора. Отпѣваніе совершилъ о. намѣстникъ съ многочисленнымъ соборомъ братіи, въ трапезной церкви.

Спустя два мѣсяца (въ ночь съ 28 на 29 сентября), я видѣлъ замѣчательный сонъ. Мнѣ снилось, будто я стою у себя въ залѣ, близъ двери въ гостинную. Слышу изъ гостинной голоса дѣтей; они проходятъ мимо меня въ залу и между ними Володя. Я съ радостію кинулся къ нему; онъ улыбается мнѣ своею прежнею ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: «Володя, это ты?» Онъ кинулся мнѣ на шею и крѣпко, крѣпко обнялъ меня. «Гдѣ ты, моя радость, ты у Бога?» «Нѣтъ, я еще не у Бога; я скоро буду

у Бога.» «Хорошо ли тебѣ?» «Хорошо, лучше чѣмъ у васъ. А у васъ я часто, около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ скучно». «Когда тебѣ скучно?» «Особенно, когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Вотъ Сережѣ спасибо за пріятеля. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ такъ,—крѣпко, крѣпко...» «Ты бы съ нею повидался, моя радость.» «И повидаюсь, и повидаюсь». «Когда же?» «Когда плакать перестанетъ». Тутъ послышался мнѣ голосъ жены моей изъ корридора; я обернулся туда къ ней, потомъ взглянулъ назадъ,—на то мѣсто, гдѣ стоялъ Володя: его ужъ нѣтъ...

Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержать громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену мою. Въ ту же минуту я набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ.

Что это за сонъ? Думаю, что онъ не изъ числа простыхъ сновъ, не дѣйствіе волнующейся крови, не мечта воображенія. Нѣтъ! Я смотрю на него, какъ на особенную милость Божію, какъ на свиданіе загробное съ нашимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, обильное утѣшеніями и назиданіями.

Нашъ милый отрокъ говоритъ, что онъ «еще не у Бога, а скоро будетъ у Бога». Сердце Володи было исполнено любви ко всѣмъ; онъ старался помочь всякому, кому только могъ, доставить каждому удовольствіе. Даже въ послѣдній день своей краткой жизни онъ заботился о мальчикахъ-сиротахъ, ходившихъ по міру, просилъ мать чтобы она взяла ихъ на свое попеченіе. На шестнадцатомъ году жизни онъ сохранилъ полную чистоту своей дѣвственной души; даже всякое нечистое слово было для него отвратительно. Наконецъ—въ послѣдніе часы—онъ принялъ въ полной памяти съ вѣрою и благоговѣйною молитвою напутствіе святѣйшаго изъ таинствъ, удостоился соединиться съ Самимъ Христомъ Спасителемъ въ причащеніи пречистаго тѣла Его и крови.

А между тѣмъ нашъ милый отрокъ говоритъ, что онъ еще не наслаждается тѣмъ блаженствомъ, которое обѣщано чистымъ сердцемъ; онъ еще не у Бога, хотя скоро уповаетъ достигнуть блаженнаго пребыванія у Отца Небеснаго. Что же ожидаетъ насъ, такъ долго и такъ безплодно пребывающихъ на землѣ? Какой отчетъ дадимъ мы, грѣшные, во всѣхъ дѣлахъ нашей жизни? — Слова отшедшаго отъ насъ чистаго отрока заставляютъ насъ крѣпко подумать о нашей вѣчной будущности.

Милый нашъ отрокъ бываетъ «часто у насъ, около насъ», хотя мы не видимъ его. Онъ молится непрестанно о всѣхъ насъ, — близкихъ сердцу его на землѣ; онъ утѣшается нашею молитвою о немъ, радуется, когда любящіе его помогаютъ бѣднымъ отъ его имени. Какое живое свидѣтельство общенія отшедшихъ душъ съ остающимися на землѣ, какое утѣшеніе для скорбящихъ и плачущихъ!

Замѣтимъ, впрочемъ, что наши слезы огорчаютъ усопшаго. Онъ видитъ нашу слабость тамъ, гдѣ онъ теперь, земная жизнь представляется ему столь краткою и ничтожною, что наша скорбь о разлукѣ съ нимъ для него не понятна. Онъ желаетъ насъ видѣть плачущими не о немъ, (ему, по словамъ его, «хорошо, лучше чѣмъ у насъ») но о себѣ, — о грѣховной нечистотѣ нашей, желаетъ, чтобы мы заботились объ очищеніи душъ своихъ и готовились къ радостной встрѣчѣ и къ вѣчному общенію съ нимъ за предѣлами гроба.

Взгляните еще на одну черту моего сновидѣнія: нашъ ненаглядный отрокъ, сохраняя и въ вѣчной жизни свою прежнюю благотворительность, благодаритъ старшаго брата своего «за пріятеля», — за помощь, оказанную впавшему внезапно въ бѣдность сверстнику его. Это обстоятельство случилось уже послѣ его кончины. Видно отшедшіе отъ насъ въ вѣчность знаютъ и видятъ, что здѣсь случается между нами; видно что наши поступки могутъ радовать или огорчать ихъ. О, какое сильное побужденіе къ тому, чтобы наблюдать за собою и не позволять себѣ такихъ поступковъ, которые могли бы огорчить дорогихъ намъ усопшихъ!

ЖДАНОВЪ

Иванъ Львовичъ, вольноотпущенный дворовый человѣкъ моей бабушки, — графини А. Н. Толстой. Онъ былъ прежде камердинеромъ моего отца; когда мнѣ минуло восемь лѣтъ, онъ поступилъ ко мнѣ въ дядьки, смотрѣлъ за моими ребячьими играми и берегъ мое здоровье. Вскорѣ потомъ я началъ учиться; въ свободное отъ классовъ время онъ занималъ меня приготовленіемъ разныхъ вещей (домовъ, церквей и т. п.) изъ картона. Искренно набожный, любитель церковнаго богослуженія, честный, скромный и трезвый, онъ имѣлъ большую охоту къ чтенію житій святыхъ и мнѣ передалъ охоту къ тому же чтенію.

ІЕРЕМІЯ,

бывшій епископъ Ставропольскій, аскетъ и подвижникъ; онъ жилъ на покоѣ въ тѣсной кельѣ Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Тамъ представилъ меня ему знакомый мнѣ нижегородскій помѣщикъ И. А. Лыкошинъ, предваривъ меня, что преосвящ. Іеремія тяготится продолжительными посѣщеніями, и мы условились пробыть у него нѣсколько минутъ. Но когда старецъ узналъ изъ разговора, что разсказы изъ исторіи Русской Церкви и другія статьи въ *Душеполезномъ Чтеніи* писаны мною, онъ обрадовался моему посѣщенію, угошалъ насъ чаемъ (что бываетъ у него очень рѣдко) и продержалъ насъ у себя болѣе часа. По выходѣ отъ него, спутникъ мой удивлялся этому и увѣрялъ, что никогда не видалъ бывшаго владыку Ставропольскаго столько веселымъ и разговорчивымъ. Послѣ узнали мы, что утромъ того самаго дня, когда мы сидѣли въ кельѣ архіерея-отшельника,

у него было украдено все его богатство: золотые часы, подзорная труба, стоявшая на окнѣ, изъ котораго прекрасный видъ на Нижегородскую ярмарку и кошелекъ съ 15 полуимперіалами. Окружающіе его смутились этою покражею, но аскетъ остался совершенно спокоенъ и сказалъ имъ: «Часы указывали мнѣ время, а мнѣ пора думать о вѣчности. Въ трубу смотрѣлъ я на суету мірскую, а мнѣ должно смотрѣть внутрь себя. Деньги были приготовлены на мое погребеніе; теперь, когда у меня ничего нѣтъ, похоронятъ меня и даромъ. Зачѣмъ же безпокоиться объ этихъ вещахъ?» Впрочемъ, вскорѣ все отыскалось, и преосвящ. Іеремія просилъ, чтобы не преслѣдовали вора.

ФИЛАРЕТЪ,

митрополитъ Московскій.

Обстоятельства жизни, труды и подвиги Филарета настолько всѣмъ извѣстны, что было бы излишне говорить о нихъ. Я ограничусь только личными отношеніями моими къ приснопамятному святителю, и тѣми чертами изъ жизни его, которыхъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ.

Еще въ дѣтствѣ я много слышалъ отъ отца моего о Филаретѣ, какъ знаменитомъ проповѣдникѣ. Двѣ отдѣльно напечатанныя его проповѣди—одна надгробная по князѣ Кутузовѣ, а другая при вступленіи на московскую паству, лежали постоянно на письменномъ столѣ у моего отца; онъ по нѣскольку разъ читалъ ихъ и меня заставлялъ читать, такъ что я десяти лѣтъ отъ роду разсказывалъ наизусть по цѣлымъ страницамъ, особенно изъ надгробнаго слова

Въ 1822 году я въ первый разъ видѣлъ преосв. Филарета, уже архіепископа московскаго. Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій (профессоръ), по просьбѣ моей, взялъ меня на частный экзаменъ Московской Духовной Академіи, при окон-

чаній третьяго учебнаго курса. Тутъ кромѣ мѣстнаго владыки было еще два архіерея: Симеонъ Ярославскій и Парѳеній Владимірскій. Нѣсколько часовъ просидѣлъ я, слушая внимательно и весьма мало понимая, а послѣ экзамена, въ кельяхъ ректора Кирилла, когда я принималъ благословеніе преосвященнаго Филарета, онъ спросилъ Ѳедора Александровича: «что за мальчикъ?» и послѣ прибавилъ: «слушалъ внимательно, но понялъ ли что?» Я сначала сконфузился, потомъ сказалъ, что понялъ разсказъ о Моисеѣ и о странствіяхъ Израильтянъ въ пустынѣ. Владыка съ улыбкою замѣтилъ: «довольно и того для его возраста.» Мнѣ было десять лѣтъ, но я былъ малъ ростомъ и казался моложе. Возвратясь въ деревню, я все это разсказалъ моему отцу; онъ былъ въ восхищеніи и сказалъ мнѣ: «ты счастливѣе меня, видѣлъ Филарета, а я не видалъ и можетъ быть не увижу его.» Такъ дѣйствительно и случилось.

Вскорѣ послѣ кончины батюшки въ 1825 году, началось мое постоянное пребываніе въ Сергіевскомъ Посадѣ и ученіе у Ѳедора Александровича Голубинскаго. Здѣсь я уже нерѣдко видалъ владыку и бывалъ у него съ покойною матушкой. На экзаменахъ въ Академіи я бывалъ постоянно и очень ими интересовался, по близкому знакомству съ профессорами и студентами того времени. Глубина, острота и мѣткость замѣчаній владыки были поистинѣ изумительны; ихъ, какъ огня боялись тѣ, до кого касалось дѣло. Впослѣдствіи, приближаясь къ старости, преосвященный Филаретъ совершенно переработалъ свой характеръ и сдѣлался снисходительнымъ и кроткимъ. Но въ то время, о которомъ я говорю, было еще далеко до этой перемѣны. Въ теченіи болѣе полувѣка, многое позабылось; но и теперь еще помню, что на экзаменахъ чаще и сильнѣе доставалось наставникамъ, нежели студентамъ. Особенно часто сыпались замѣчанія на ректора Поликарпа; инспектору Евлампію, назвавшему полемическое богословіе воительнымъ, владыка сказалъ: «Отчего же не назвать солдатскимъ богословіемъ?» Въ другой разъ замѣтилъ ему же, при трактатѣ объ аріанахъ: «Ты

сражаешься съ тѣнями.» На экзаменѣ изъ всеобщей словесности разбиралось однажды, какъ образцовое произведеніе, извѣстная надпись Рубана къ памятнику Петра I (колоссъ Родосскій и пр.). Владыка разбиралъ и мысли, и слова со свойственною ему остротою и доказалъ почтенному профессору Платону Ивановичу Доброхотову, что эта надпись вовсе не образцовое произведеніе. Способности студентовъ владыка умѣлъ оцѣнять почти съ перваго взгляда; объ одномъ изъ нихъ онъ отозвался: «Этотъ весь плоть.» Слово оказалось совершенно мѣткимъ.

Зимою 1826 года владыка пріѣхавъ изъ Москвы въ Лавру для пріема принца Оранскаго, разсказывалъ моей матери о перенесеніи чрезъ Москву тѣла императора Александра I. Въ Москвѣ составлена была коммиссія для устройства печальной церемоніи, собиравшаяся въ залѣ Кремлевской Экспедиціи. «Въ коммиссіи сидѣли, говоритъ владыка, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, графъ Петръ Александровичъ Толстой и я. Князь Юсуповъ предложилъ, чтобы, по тѣснотѣ Архангельскаго собора, постлать помостъ поверхъ всѣхъ гробницъ тамъ находящихся и на этомъ помостѣ поставить катафалкъ. Я отвѣчалъ, что князю Николаю Борисовичу, проведшему цѣлую жизнь при дворѣ, лучше меня должно быть извѣстно,—прилично ли попирать ногами царскія гробницы. Объ этомъ я спорить не буду, но попирать св. мощей не позволю. Полъ былъ настланъ поверхъ гробницъ, но надъ раками царевича Дмитрія и Черниговскихъ чудотворцевъ прорѣзаны отверстія, окруженныя рѣшетками. Въ другой разъ князь Юсуповъ предложилъ въ коммиссію рисунокъ балдахина, покрытаго сверху флеромъ; надъ нимъ, почти уже въ куполѣ, должны были горѣть огни, представляющіе вѣнецъ изъ звѣздъ. Я замѣтилъ, что отъ этихъ звѣздъ можетъ произойти пожаръ и пожалуй придется приводить въ соборъ команду съ трубами и насосами. Меня не послушали, но послѣ флеръ дѣйствительно вспыхнулъ и надѣлалъ тревоги. Князь очень гнѣвался на мои замѣчанія, и гнѣвъ его до-

шелъ до Петербурга, такъ что Государь поручилъ князю Дмитрію Владиміровичу примирить князя съ архіепископомъ; я отозвался, что вовсе не желалъ прогнѣвать князя, но только исполнялъ свою обязанность.»

Во время коронаціи императора Николая Павловича мнѣ случилось быть въ Москвѣ, и отецъ Поликарпъ, назначенный къ служенію литургіи, какъ настоятель старшаго изъ ставропигіальныхъ монастырей Новоспасскаго и ректоръ Духовной Академіи, провелъ меня съ собою въ соборъ. Литургію готовились служить два митрополита: Серафимъ Новгородскій и Евгеній Кіевскій и архіепископъ Московскій Филаретъ, которому въ тотъ же день пожалованъ былъ бѣлый клобукъ.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ происходили торжества коронаціи, въ Лаврѣ случилось грустное происшествіе. Оконченъ былъ 5-й учебный курсъ въ Академіи; списокъ студентовъ былъ составленъ академическою конференціею и ученыя степени назначены. Кончившіе курсъ воспитанники разъѣзжались каждый на свою родину и проводы товарищей сопровождались иногда дружескимъ угощеніемъ. Послѣ одного изъ этихъ проводовъ студентъ Михаилъ Лаговскій, которому уже назначена была степень кандидата, пришелъ ко всенощной въ Успенскій соборъ (это было подъ 29 августа) и сталъ пѣть безобразно. По окончаніи службы, Лаговскій, на выговоръ инспектора, отвѣчалъ ему какою-то грубостью, за что запертъ былъ въ карцеръ. Въ ту же ночь послано было къ митрополиту донесеніе о происшествіи. На другой день призвалъ митрополитъ ректора Поликарпа, находившагося въ Москвѣ, и сказалъ ему: «знаешь ли, что дѣлается у тебя въ академіи? Вотъ прочти письмо инспектора». Пораженный неожиданной новостью, отецъ Поликарпъ старался смягчить гнѣвъ архипастыря и вымолить пощаду виновному. Для этого онъ нѣсколько разъ поклонился въ ноги митрополиту, чего прежде никогда не дѣлалъ. И Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій нарочно поскакалъ въ Москву съ тою же цѣлью, но всѣ просьбы остались тщетными. Владыка рѣшилъ, что

въ настоящее время нельзя оставить такого поступка безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что слухъ объ немъ можетъ дойти до Двора, находившагося въ Москвѣ. Бѣдный Лаговскій выпущеный изъ Академіи студентомъ съ дурнымъ аттестатомъ, возвратился на родину въ Кострому, гдѣ года черезъ три умеръ отъ чахотки. До конца жизни своей онъ получалъ ежегодно пособіе отъ отца Поликарпа.

По пріѣздѣ въ Москву, я уже гораздо рѣже видалъ владыку. Сначала университетскія занятія, потомъ мірскія дѣла и утѣхи отвлекали меня совершенно въ другую сторону. Но позднѣе, когда я обратился къ занятіямъ духовно-исторической литературою, милостивое вниманіе владыки встрѣтило меня одобреніемъ на новомъ поприщѣ. Одинъ изъ первыхъ моихъ опытомъ: «Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божьей Матери»—было разсмотрѣно митрополитомъ прежде напечатанія. Онъ перемѣнилъ въ немъ нѣсколько выраженій и совершенно исключилъ описаніе другой Иверской иконы, находящейся въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря, и принадлежавшей царевнѣ Софіи. — Когда я поднесъ ему другую книгу: «О древностяхъ Ростова», онъ сказалъ мнѣ, что, будучи архіепископомъ Ярославскимъ, имѣлъ намѣреніе откладывать каждый годъ изъ своихъ доходовъ для возобновленія Ростовскаго Кремля, но не успѣлъ привести въ исполненіе эту мысль, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переведенъ въ Москву, не успѣвъ и побывать въ Ярославской епархіи. Разсказы мои изъ исторіи Русской Церкви имѣли счастіе понравиться владыкѣ; онъ принялъ отъ меня первую и вторую книжку съ милостивымъ одобреніемъ и особенно похвалилъ тѣ главы въ послѣдней изъ нихъ (поднесенной ему незадолго до его кончины), гдѣ говорится о преподобномъ Сергіи и ученикахъ его; владыка находилъ полезнымъ напечатать эти главы отдѣльно для продажи въ Лаврѣ.

Съ глубокою признательностію вспоминаю объ участіи, какое принималъ иногда владыка во мнѣ и въ моемъ семействѣ. Когда я готовился вступить въ бракъ и просилъ бла-

гословенія у митрополита, онъ спросилъ: «развѣ есть родство или какое препятствіе?» Я отвѣчалъ, что препятствій никакихъ нѣтъ, но я прошу его благословенія, какъ видимаго знака благословенія Божія. Разспросивъ о качествахъ невѣсты и семейства, въ которое я вступаю, онъ приказалъ мнѣ побывать въ другой разъ и назначилъ день. Въ этотъ день нашелъ я владыку больнымъ; онъ принялъ меня въ спальнѣ и благословилъ иконою Спасителя на убрусѣ. Когда я представилъ митрополиту новобрачную жену мою, онъ сказалъ ей: «я давно знаю графа и прошу васъ: успокоивайте его. Помните слова Апостола: *яко Сарра почиташе Авраама, господина того зовущи.*

На страстной недѣлѣ 1857 года я тяжко заболѣлъ. У меня открылся сильный ревматизмъ во всѣхъ членахъ, подагра поднялась кверху и развилась тифозная горячка. Словомъ, я былъ весьма близокъ, но, увы! вовсе не готовъ къ переходу въ вѣчную жизнь. Въ тяжкой болѣзни я сохранилъ память, хорошо понималъ свое положеніе; но у меня не было и мысли о покаяніи, о приготовленіи къ смерти. Только одна глубокая скорбь тяготила мою душу, скорбь о предстоящей разлукѣ съ женой и съ дѣтьми. Нѣсколько сутокъ я вовсе не спалъ; только подъ утро, на понедѣльникъ свѣтлой недѣли Пасхи, измученный жестокою болью, я заснулъ на нѣсколько часовъ и увидѣлъ во снѣ, что къ постелѣ моей подходитъ митрополитъ Филаретъ и говоритъ мнѣ: «Ты напрасно смущаешься; отъ этой болѣзни ты не умрешь. А тебѣ нужно подумать о грѣхахъ своихъ. Помнишь ли?..» Тутъ явившійся исчислилъ мнѣ многіе грѣхи мои, давно мною забытые, и даже разъяснилъ нѣкоторыя прошедшія обстоятельства моей жизни, которыя до того времени оставались для меня неясными. Я проснулся въ сильномъ волненіи и со слезами разсказалъ знаменательный сонъ женѣ моей, которая сидѣла у моей постели, возвратясь отъ ранней литургіи. Она въ тоже утро поѣхала къ архипастырю и привезла мнѣ отъ него на благословеніе небольшую финифтяную икону Спасителя. Съ того самаго дня

прекратились тифозное состояніе и соединенная съ нимъ опасность, но ревматическія страданія продолжались еще два мѣсяца. Когда я получилъ возможность владѣть правою рукой, тотчасъ же написалъ къ милостивому архипастырю благодарственное письмо и удостоился получить отъ него весьма милостивый и назидательный отвѣтъ.

Дѣти мои сохраняютъ залоги милостиваго вниманія къ нимъ покойнаго владыки; они получили отъ него на благословеніе иконы. Два старшихъ мальчика по вступленіи въ гимназію были представлены мною владыкѣ и получили отъ него краткое наставленіе.

Приснопамятный святитель Филаретъ преставился 19 ноября 1867 года. Тѣло его погребено въ Лаврѣ Сергіевой рядомъ съ древнею Сошественскою церковію, и надъ нимъ сооружена новая церковь во имя праведнаго Филарета.

ВСЕВОЛОДЪ,

пятый сынъ мой, родился 15 апрѣля 1871 года. Одаренный прекрасными способностями, степенный и любознательный не по лѣтамъ, началъ развиваться ранѣе всѣхъ нашихъ дѣтей и подавалъ самыя лучшія надежды... Въ концѣ зимы 1873 года онъ простудился; развился дифтеритъ, сопровождаемый эпилептическими припадками, и Сеша видимо угасалъ съ каждымъ днемъ. Въ сонномъ бреду онъ говорилъ самъ о себѣ: «Сеша умретъ, его похоронятъ, и всѣ его позабудутъ.» Во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ Пасхи страшный припадокъ прекратилъ едва разцвѣтавшую жизнь его. Мы похоронили нашего Всеволода подлѣ Володи; тамъ, рядомъ съ ними, легла послѣ мать ихъ, непрестававшая до конца жизни оплакивать сыновей своихъ, подобно древней Рахили (Мѳ. гл. 2, ст. 18). Нѣтъ, милый ребенокъ: никогда не позабудутъ тебя твои родители, до тѣхъ поръ, пока сами ни лягутъ рядомъ съ тобою въ общей нашей усыпальницѣ!

Много горя принесли намъ эти два года, съ лѣта 1871 до весны 1873 года. Для меня съ того времени наступила полная, дряхлая старость.

—

О, дѣти милыя! Вы съ самыхъ первыхъ лѣтъ
Отрадой были мнѣ и сердце веселили.
Лишившись васъ, я старъ и сѣдъ,
И силы измѣнили,
И тяжко мнѣ... Но вашъ привѣтъ
Я слышу изъ могилы.
Не говорю съ тоской: „ихъ нѣтъ,“
А съ благодарностію: „были.“

ЗУБОВА,

графиня Наталья Александровна, дочь великаго Суворова, супруга оберъ-шталмейстера графа Николая Александровича Зубова. Имя покойной графини, какъ дочери безсмертнаго полководца, сдѣлалось достояніемъ исторіи еще при жизни ея. Кому неизвѣстны письма героя къ нѣжнолюбимой дочери,— эти письма, въ которыхъ такъ живо высказывается сердце стараго воина, сердце закаленное въ битвахъ, неумолимое къ врагамъ отечества и въ тоже время великодушное?

Кратковременный отдыхъ послѣ первой Турецкой войны и усмиренія пугачевскаго бунта былъ эпохою женитьбы Суворова. На слѣдующій годъ (1 августа 1775 г.) онъ былъ обрадованъ рожденіемъ дочери. Чуждый покоя и въ войнѣ, и въ мирѣ, проводя жизнь въ безпрерывной, изумительной дѣятельности, вдали отъ мирной семейной жизни, герой не могъ заняться самъ воспитаніемъ дочери. По просьбѣ его, она была принята въ Смольный монастырь и тамъ воспитывалась подъ надзоромъ самой государыни Екатерины II, желавшей доказать свое благоволеніе къ «своему генералу»

(какъ называла она Суворова) особенною заботливостію о воспитаніи его дочери.

Между тѣмъ герой Сѣвера и на поляхъ брани не забывалъ своей *Наташи*, своей *Суворочки*, какъ называлъ онъ любимую дочь. Послѣ Кинбурнской битвы, въ октябрѣ 1787 года, онъ писалъ къ ней: «У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете. И какъ мы танцовали; въ боку картеча, на рукѣ отъ пули дырочка да подо мною лошади мордочку оторвало. Письмомъ ты меня такъ утѣшила, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слову учитъ? Боюсь, меня перещеголяешь!—Посмотрѣлъ бы я на тебя въ *бѣломъ платьицѣ!* При свиданіи не забудь разсказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности. Голубушка Суворочка, цѣлую тебя! радъ говорить съ тобою о герояхъ,—научи имъ послѣдовать.»—Прошло еще два года; съ береговъ Рымника, этой знаменитой рѣки, которой имя навсегда слилось съ именемъ Суворова, герой, украшенный первой степенью Св. Георгія, возведенный въ графское достоинство обѣихъ имперій (Русской и Римской), спѣшилъ подѣлиться радостью съ своей Суворочкой. «Comtesse des deux empires, любезная Наташа Суворочка,» писалъ онъ ей: «á cela айда надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу, да кто и выдержитъ? Слышала, сестрица, душа моя, еще de ma Magnanime Mère рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ да выше всего, голубушка, первый классъ св. Георгія. Вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце; чуть право отъ радости не умеръ. Божіе благословеніе съ тобою!»

Въ 1792 году графиня Наталія Александровна вышла изъ Смольнаго монастыря и пожалована фрейлиною государыни. Великая Екатерина, всегда умѣвшая достойно награждать заслуги, приблизила къ своей особѣ дочь побѣдоноснаго полководца. Суворовъ, возвратясь въ Петербургъ сокрушителемъ Праги и завоевателемъ Польши, нашелъ юную дочь

свою въ чертогахъ императрицы, помѣщенною близъ самой ея спальни. Онъ уже заботился тогда объ ея замужествѣ и, всегда шутя съ своей Суворочкой, писалъ къ ней изъ Варшавы:

„Коли любишь отца,
Полюби молодца.“

Въ 1796 году Рымникскій герой отпраздновалъ въ Петербургѣ свадьбу своей дочери съ графомъ Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ.

Когда Суворовъ, возвращенный изъ деревенскаго уединенія для командованія русскими и австрійскими войсками противъ Французовъ, пользовался особою милостью императора Павла, произошелъ слѣдующій случай, слышанный мною отъ самой графини Однажды государь послалъ Ростопчина къ придворному ювелиру съ приказаніемъ доставить перстень съ большимъ брилліантомъ для подарка графу Суворову. Когда брилліантщикъ отозвался, что не имѣетъ въ готовности такого камня, а выпишитъ его изъ Голландіи, императоръ прогнѣвался и объявилъ, что сошлетъ его туда, гдѣ никто никогда его не найдетъ. Къ удивленію, перстень съ огромнымъ солитеромъ былъ представленъ на другой же день. Получивъ этотъ подарокъ отъ Павла I, Суворовъ подарилъ его дочери, а самъ уѣхалъ къ арміи. Спустя нѣсколько дней напуганный брилліантщикъ неожиданно явился къ графинѣ. «Бога ради не погубите меня, сказалъ онъ ей, камень у васъ поддѣльный; я получилъ за него деньги изъ кабинета и выписалъ настоящій солитеръ изъ Голландіи. Вы получите его мѣсяца черезъ два, а до тѣхъ поръ умоляю васъ сохранить тайну. Если государь узнаетъ, я погибшій человѣкъ.» Дѣйствительно графиня получила въ назначенный срокъ настоящій брилліантъ превосходной воды—величиною въ 20-тикопѣечную монету. Я видѣлъ этотъ камень; его цѣнили въ 12.000 руб. сер. Графиня недолго наслаждалась счастьемъ брачной жизни: въ 1805 г. скончался мужъ ея графъ Н. А. Зубовъ, оставивъ ее вдовою съ шестью малолѣтними дѣтьми—тремя сыновьями и тремя дочерьми.

Съ того времени жизнь графини Натальи Александровны была исключительно посвящена обязанностямъ матери. Почти сорокъ лѣтъ провела она въ тихомъ семейномъ кругу, утѣшаясь любовію и заботливостью дѣтей и внучатъ. Добрая христіанка, рѣдкая мать семейства, всегда сострадательная къ бѣднымъ и нуждающимся, ласковая, внимательная и радушная ко всѣмъ, кто только имѣлъ счастіе знать ее, она была чужда всякаго тщеславія, суетности, мелкаго честолюбія. Уважаемая тремя монархами Россіи, дочь Суворова никогда ничего не искала ни для себя, ни для своего семейства.

Всѣ знавшіе и умѣвшіе цѣнить покойную графиню надѣялись, что мирная, благословенная старость ея будетъ продолжительна. Самая крѣпость силъ и свѣжесть здоровья въ преклонныхъ лѣтахъ — послѣдствія правильной и добродѣтельной жизни—ручались, повидимому, за долговѣчность. Но судьбы Вышняго неисповѣдимы: внезапная вѣсть о ранней, неожиданной кончинѣ нѣжно любимой ею невѣстки сильно и глубоко огорчила ее. Съ того времени здоровье покойной графини стало видимо ослабѣвать, появились признаки болѣзни, которая сначала не казалась опасною, но, постепенно усиливаясь, произвела совершенное изнуреніе и приблизила ее къ дверямъ гроба.

Не задолго до кончины ей было ниспослано послѣднее утѣшеніе, достающееся въ удѣлъ немногимъ: утѣшеніе *зрѣть чада чадъ своихъ, даже до четвертаго рода.* Уже на смертномъ одрѣ она имѣла радость обнять и благословить новорожденнаго правнука.

Кончина покойной графини была достойна жизни ея, тиха и безмятежна, какъ кончина праведницы. Кроткая душа ея прошла мрачные врата смерти среди свѣтлыхъ дней Воскресенія и сладко почила въ селеніяхъ Небеснаго Отца, какъ младенецъ въ объятіяхъ матери. Она скончалась 30 марта 1844 года въ четвертокъ Св. Пасхи. Тѣло ея погребено въ Сергіевской пустыни, близъ Петербурга, въ семейной усыпальницѣ графовъ Зубовыхъ.

ТОЛСТОЙ,

графъ Владиміръ Степановичъ, мой отецъ. Былъ старшимъ сыномъ въ богатой семьѣ, состоявшей изъ девяти сыновей и трехъ дочерей. Онъ родился въ Кіевѣ, куда родители его— графъ Степанъ Ѳедоровичъ и графиня Александра Николаевна пріѣзжали на богомолье, 28 марта 1778 г. Дѣдушка ничего не щадилъ для воспитанія своего первенца: главнымъ наставникомъ его съ семилѣтняго возраста былъ ученый аббатъ Эперне (abbé d'Epernay, docteur en Sorbonne, ci-devant chanoine de Saint Denis), а по смерти этого старика другой аббатъ-эмигрантъ Верноп, изъ числа послѣдователей школы энциклопедистовъ. На сколько первый изъ нихъ могъ быть полезнымъ своему питомцу глубокою ученостью, соединенною съ искреннимъ благочестіемъ, на столько послѣдній былъ вреденъ безбожіемъ и безнравственностію. И то, и другое вліяніе впослѣдствіи отразилось на отцѣ моемъ. При отличныхъ способностяхъ и необыкновенной любознательности, онъ учился очень быстро и удивлялъ своихъ сверстниковъ множествомъ свѣдѣній изъ разныхъ наукъ и знаніемъ языковъ: французскаго, итальянскаго, англійскаго, даже латинскаго и греческаго. Двухъ послѣднихъ языковъ не зналъ тогда никто, кромѣ семинаристовъ. Замѣчательно, что обладая классическимъ образованіемъ и эстетическимъ вкусомъ, отецъ мой плохо учился математикѣ и терпѣть не могъ нѣмецкаго языка. Записанный въ дѣтствѣ, по тогдашнему обычаю, въ гвардію, онъ былъ произведенъ изъ сержантовъ въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка въ концѣ 1796 года, при вступленіи на престолъ Павла I, а во время коронаціи этого государя былъ прикомандированъ, въ числѣ немногихъ офицеровъ гвардіи, знакомыхъ съ нѣсколькими иностранными языками, къ пріему иностранныхъ посольствъ, за что награжденъ чиномъ подпоручика. Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку, когда второй

братъ его Степанъ Степановичъ былъ разжалованъ въ солдаты за какую-то дерзость во фронтѣ. Съ того времени началась для отца моего праздная свѣтская жизнь. Красивый, ловкій, умный, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что слылъ любимымъ сыномъ богача, у котораго каждое воскресенье былъ вечеръ съ танцами и ужиномъ, иногда на сто человѣкъ и болѣе. Въ 1805 году онъ женился по любви на дѣвицѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Сумароковой, дочери бригадира Николая Андреевича Сумарокова. Семейства обоихъ моихъ дѣдовъ были въ родствѣ между собою: отецъ моей бабушки, графини Александры Николаевны, князь Николай Осиповичъ Щербатовъ, былъ родной братъ княгини Варвары Осиповны Долгоруковой, матери другой моей бабки — Сумароковой Такимъ образомъ обѣ бабки мои были двоюродныма сестрами, а дѣти ихъ находились въ троюродномъ или внучатномъ родствѣ. Когда отецъ мой былъ помолвленъ на моей будущей матери, это родство, въ настоящее время легко разрѣшаемое архіерейскою резолюціей, составляло почти неодолимое препятствіе. Митрополитъ Платонъ на поданномъ ему прошеніи надписалъ: «не дерзаю разрѣшить столь непозволительнаго и незаконнаго брака.» И родная бабушка матери моей, княгиня Варвара Осиповна Долгорукова, не хотѣла благословить внучку, несмотря на просьбы отца ея. «Съ ума сошелъ ты, батюшка! И невѣста мнѣ внучка, и женихъ внукъ: стану ли я благословлять такую беззаконную свадьбу!» Несмотря на всѣ эти препятствія, бракъ состоялся; вѣнчаніе происходило въ церкви Тихвинской Богородицы, въ Сущевѣ, 5 іюля 1805 года. Говорятъ, будто священникъ-старикъ, собиравшійся уже на покой, получилъ тысячу рублей. Бракъ, совершившійся при такихъ обстоятельствахъ, не обѣщалъ особеннаго счастія, и дѣйствительно оно было непродолжительно. Новобрачные поселились въ домѣ графа Степана Ѳеодоровича, въ третьемъ этажѣ, въ комнатахъ, великолѣпно отдѣланныхъ въ долгъ. А доходовъ было очень мало. Къ сожалѣнію, покойный отецъ мой не умѣлъ отказывать себѣ въ своихъ прихотяхъ: каж-

дый вечеръ игралъ въ клубѣ и любилъ пить шампанское съ пріятелями. Долги росли ежедневно. Менѣе нежели черезъ годъ послѣ свадьбы, мать моя прежде времени родила мертваго младенца. За этимъ выкидышемъ послѣдовали еще три сряду, не смотря на попеченіе знаменитыхъ въ то время врачей.

Въ февралѣ 1807 года скончался дѣдъ мой, графъ Степанъ Ѳедоровичъ и, по завѣщанію его, погребенъ въ Задонскѣ, подлѣ могилы преосв. Тихона, чтимаго нынѣ въ ликѣ святыхъ. Дѣдушка зналъ великаго святителя при жизни его, пользовался его наставленіями и глубоко чтилъ его память. Мать моя лежала тогда въ постели послѣ перваго выкидыша, но слышала все надгробное пѣніе, потому что тѣло ея свекра лежало въ залѣ подъ ея спальнею. Когда она нѣсколько поправилась, то съ отцомъ моимъ переѣхала на Прѣсню, въ деревянный домъ, подаренный имъ отцемъ моей матери, и вскорѣ послѣ того они поѣхали на лѣто въ село Красное, (Костромской губ.) принадлежавшее дѣдушкѣ Сумарокову, который вскорѣ скончался 4 мая 1810 года.

Прошлю два года; родители мои продолжали жить зимою въ Москвѣ въ своемъ Прѣсненскомъ домѣ, а лѣтомъ въ доставшейся отъ отца дядѣ Петру Николаевичу Сумарокову деревнѣ Подвязной, близъ села Рахманова, по Троицкой дорогѣ. Въ тоже время понемногу отстраивали они свою усадьбу въ Каменкахъ.

Въ концѣ лѣта 1811 года мать моя сдѣлалась беременною; по счастію былъ приглашенъ къ ней опытный и внимательный докторъ, профессоръ акушерства въ медико-хирургической академіи, Гавріилъ Петровичъ Поповъ. Не смотря на крайнюю слабость, она 23 мая 1812 года благополучно родила сына, живущаго до сихъ поръ и пишущаго эти строки. По обѣщанію родителей дать младенцу имя того святаго, въ день памяти котораго онъ явится на свѣтъ, я былъ названъ Михаиломъ. Воспріемниками при крещеніи были: дядя Сумароковъ съ моей бабушкой, графиней Александрой Николаевной, и другой дядя, также несовершенно-

лѣтній, графъ Петръ Степановичъ съ теткой моей матери, Елизаветой Андреевной Сумароковой.

Мое рожденіе было первою радостью для моей матери послѣ многихъ горестей, слѣдовавшихъ одна за другой; но не долго пришлось ей радоваться: новая бѣда была впереди. Въ іюлѣ родители мои поѣхали и повезли съ собою новорожденнаго младенца съ кормилицей (взятой изъ той же деревни Подвязной) въ село Красное къ Сумароковымъ. Война съ Наполеономъ уже началась, но никто не воображалъ тогда, что Французы могли завладѣть Москвою. Все имущество моихъ родителей, даже серебро и шубы, оставалось въ городѣ подъ надзоромъ надежнаго человѣка, и все это было расхищено. На мѣстѣ дома осталась только груда пепла.

Въ Костромской губерніи, какъ и въ другихъ, составилось ополченіе, въ которомъ отецъ мой принялъ должность адъютанта. Но оно образовалось такъ поздно и такъ медленно, что успѣло дойти только до Ярославля и тамъ, за ненадобностію, было распущено по домамъ.

Тяжко сыну, чтущему память родителя, открывать его слабости и недостатки. Но правда—выше всего, а безъ нея послѣдующій разсказъ былъ бы непонятенъ для читателей. Прежняя привычка къ разгульной жизни, къ излишнему употребленію виноградныхъ винъ, служившая ему для увеселенія въ Москвѣ, теперь, при деревенской скукѣ, обратилась въ пагубную страсть. Вмѣсто шампанскаго появилась простая водка, которая довела его до опасной болѣзни. Чувствуя себя при смерти, онъ сдѣлалъ, въ ноябрѣ 1821 года, духовное завѣщаніе, въ которомъ опеку надъ дѣтьми поручалъ дядѣ моему Сумарокову и въ тоже время захотѣлъ примириться съ тѣми братьями и сестрами, съ которыми былъ въ ссорѣ по оконченному незадолго передъ тѣмъ раздѣлу имѣнія послѣ матери. Письма къ нимъ писалъ я подъ диктовку отца. По выздоровленіи его, мы всей семьей поѣхали въ Москву, пробыли тамъ года полтора и послѣднимъ путемъ въ началѣ марта возвратились въ Каменки. На страстной

недѣлѣ отецъ, нѣсколько лѣтъ не приступавшій къ причащенію св. Таинъ, вздумалъ говѣть; для меня было поразительно видѣть, какія искушенія пришлось выносить ему во время богослуженія: онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, обнаруживалъ нетерпѣніе и послѣ разсказывалъ, что ему во время молитвы непрестанно вспоминаются разныя нечестивыя и богохульныя мысли, вычитанныя имъ прежде въ сочиненіяхъ Вольтера и другихъ французскихъ вольнодумцевъ, величавшихъ себя философами. По окончаніи говѣнія, эти искушенія отъ него отстали На святой недѣлѣ посѣтилъ насъ христіанскій философъ, Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій. Узнавъ отъ отца моего о томъ, что̀ вытерпѣлъ онъ за чтеніе безбожныхъ книгъ, онъ совѣтовалъ не только не заглядывать въ нихъ, но и не держать ихъ при себѣ. Тутъ же при немъ отецъ рѣшился сжечь все нечестивое и неблагопристойное, что̀ было въ его библіотекѣ. Большой костеръ съ книгами пылалъ на дворѣ. Нѣкоторые совѣтовали лучше продать книги, нежели жечь ихъ; но отецъ отвѣчалъ: «не хочу никому продавать яда; по себѣ знаю, какъ онъ пагубенъ».

Тогда былъ у меня учитель, магистръ словесныхъ наукъ Московскаго Университета И. А. Кобрановъ. Лѣто провели мы очень пріятно; отецъ былъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа, часто сиживалъ въ классной комнатѣ, когда я учился, и особенно интересовался преподаваніемъ Латинскаго языка, которое шло очень успѣшно. Однажды сидя въ классѣ, отецъ сталъ разговаривать съ Кобрановымъ о томъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ приниматься за чтеніе латинскихъ писателей и тутъ-же прибавилъ: а послѣ нужно учить Мишеньку и по гречески. Послѣ этихъ словъ онъ вышелъ изъ комнаты и скоро возвратился съ греческою библіей и Киропедіей Ксенофонта, сталъ читать одно мѣсто изъ этой послѣдней и удивилъ Кобранова своими познаніями въ древнихъ языкахъ. Онъ какъ будто совершенно переродился, пользовался довольно хорошимъ здоровьемъ, гулялъ вмѣстѣ съ нами, иногда ѣзжалъ къ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ.

Такъ продолжалось до осени. Въ началѣ ноября учитель мой запилъ, тяжко заболѣлъ и отправился лѣчиться въ Москву. Нужно было найти другаго. Обратились къ Ѳ. А. Голубинскому съ просьбой, нельзя ли пріискать кого-нибудь изъ учениковъ его по Академіи. Оказалось, что всѣ при своихъ мѣстахъ. Почтенный профессоръ предложилъ мнѣ въ наставники самого себя; родители мои охотно приняли его предложеніе, особенно отецъ радовался какъ ребенокъ, что будетъ жить въ Сергіевомъ Посадѣ и вести знакомство съ учеными людьми. Отсутствіе общества видимо его тяготило. Уже нанятъ былъ въ посадѣ, на Виѳанской улицѣ, домъ Зубкова, и почти всѣ наши пожитки перевезены туда. Оставалось только переѣхать намъ самимъ на новую квартиру. Когда мы собирались уже перебираться изъ деревни въ Посадъ, отецъ мой тяжко заболѣлъ тою болѣзнію, которою страдалъ нѣсколько разъ прежде, — воспаленіемъ въ желудкѣ и въ кишкахъ. Заботы лѣкаря, удачно помогавшаго ему въ прежнее время, на этотъ разъ оказались тщетными. Послѣ пятидневныхъ страданій больной скончался, напутствованный причащеніемъ Св. Таинъ и съ молитвою на устахъ. Послѣднее слово его было изъ любимаго имъ акаѳиста: «Іисусе сладчайшій, спаси мя!» (19 февраля 1825 года).

Не могу разсказать впечатлѣнія, какое произвела на меня смерть отца. Это было для меня первое сильное горе, потому что въ послѣдній годъ его жизни я привязался къ нему всею душею. Какое-то необъяснимое предчувствіе твердило мнѣ, что я понесъ невознаградимую утрату. При отпѣваніи тѣла, будущій наставникъ мой Ѳ. А. Голубинскій произнесъ трогательное и глубокомысленное слово изъ текста: «аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла.» Оно было напечатано уже по кончинѣ автора въ духовномъ журналѣ *Странникъ*, въ 1865 году. Тѣло отца моего было погребено за жертвенникомъ Каменской деревянной церкви. На другой день послѣ похоронъ мы выѣхали изъ деревни.

Мнѣ было 12 лѣтъ, когда отецъ мой скончался. Портрета послѣ него не осталось, и черты лица его мало-по-малу изгладились въ моей памяти. Прошло 16 лѣтъ; лежа въ жестокомъ тифозномъ жару, я вдругъ увидѣлъ (не во снѣ, а на яву) покойнаго отца, стоявшаго у ногъ моей постели и съ печальнымъ видомъ манившаго меня къ себѣ. Взволнованный такимъ видѣніемъ, я поспѣшилъ прибѣгнуть къ напутствію Св. Тайнами и едва имѣлъ время исполнить этотъ христіанскій долгъ: слѣдующую ночь я былъ въ столбнякѣ и полномъ безпамятствѣ, которое продолжалось тринадцать сутокъ. Опамятовавшись опять видѣлъ отца (во снѣ); на этотъ разъ онъ смотрѣлъ весело и крестилъ меня, а не звалъ къ себѣ. Но вотъ что въ особенности для меня замѣчательно: съ того времени черты родительскаго лица такъ глубоко врѣзались въ мою память, что я до сихъ поръ твердо помню ихъ, и могъ бы, еслибы былъ живописцемъ, вѣрно изобразить кистью.

АГРАФЕНА ВАСИЛЬЕВНА,

вдова-солдатка. Была прежде дворовою дѣвушкой, а потомъ замужней женщиной у саратовскихъ помѣщиковъ (фамиліи ихъ не упомню). При ней состоялось нападеніе Пугачева съ его шайкою на усадьбу ея барина, который былъ зарѣзанъ со всѣмъ семействомъ; при этомъ нѣсколько дворовыхъ людей пристали къ мятежникамъ. Хотя по манифесту Екатерины II они бы помилованы, но наслѣдникъ убитаго барина, желая избавиться отъ опасныхъ людей, отдалъ ихъ и въ томъ числѣ мужа Аграфены Васильевны— въ рекруты. Сдѣлавшись свободною, молодая солдатка переселилась въ Москву выучилась повивальному искусству и жила по найму въ должности няни во многихъ домахъ. По рожденіи моемъ, она была первоею моею нянею въ теченіи трехъ лѣтъ, а

послѣ того перешла въ ту же должность къ сестрѣ моей и прожила въ Каменкахъ до конца своей жизни.

Замѣчательная черта въ Аграфенѣ Васильевнѣ: она непрестанно молилась. Что бы она ни дѣлала, чѣмъ бы ни была занята, всегда какая-нибудь молитва была на устахъ ея. А молитвъ она знала много, хотя и была неграмотна. Умерла въ глубокой старости въ 1836 году и погребена близъ Каменской церкви.

ПОЛИКАРПЪ,

ректоръ Московской Духовной Академіи, докторъ богословія, архимандритъ Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря. Поступилъ изъ ректоровъ Петербургской семинаріи въ началѣ 1825 года, но не былъ любимъ владыкою Филаретомъ, хотя принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ его въ первомъ курсѣ Петербургской Академіи, когда Филаретъ былъ тамъ ректоромъ, и въ 1822 году при его же содѣйствіи получилъ степень доктора богословія. Въ Академіи его уважали какъ наставники, такъ и студенты, за исправность въ исполненіи обязанностей, за откровенное прямодушіе и безпристрастіе, и всѣ любили его за доброе сердце и ласковое обращеніе. Какъ настоятель ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря, онъ пользовался хорошими доходами, но никогда не копилъ денегъ, употребляя ихъ не только на свои нужды и удовольствія, но и на помощь всѣмъ нуждающимся. Были и свои недостатки у отца Поликарпа: при веселомъ общительномъ нравѣ, онъ любилъ провести время съ пріятелями, выпить съ ними пуншу и поиграть въ карты*), что,

*) Имѣя въ виду этотъ соблазнъ, приснопамятный Филаретъ митрополитъ Московскій писалъ намѣстнику Лавры архимандриту Антонію: „Не возметесь ли вы сказать о. ректору Академіи (разумѣется именно Поликарпъ) что... ему не худо бы предложить вопросъ, *не оставить ли съ миромъ Академію* и пойти въ Новоспасскій?..“ *Ред.*

впрочемъ, нисколько не отвлекало его отъ исправнаго прохожденія должности. И кромѣ того указанные недостатки вполнѣ выкупались двумя драгоцѣнными качествами: онъ никого не осуждалъ и всегда готовъ былъ помочь всякому всѣмъ, что отъ него зависѣло *). Въ 1835 году, во время лѣтней вакаціи, отецъ Поликарпъ лишился должности ректора Академіи, какъ передавали, по слѣдующему случаю: въ Лавру пріѣхалъ въ первый разъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, не задолго передъ тѣмъ опредѣленный на службу при Св. Синодѣ. Намѣстникъ Лавры, отецъ Антоній, показывая гостю все достойное вниманія въ Лаврѣ и окрестностяхъ, привезъ его въ Виѳанскія рощи. Тамъ встрѣтили они отца Поликарпа съ нѣсколькими профессорами, занимавшихся рыбною ловлею Почтенные рыболовы предъ этимъ напились чаю, конечно не безъ рому, и были довольно веселы. Познакомившись съ Муравьевымъ, отецъ Поликарпъ завелъ шутливый разговоръ, причемъ пріѣзжій сказалъ не впопадъ какой-то текстъ, приписывая его апостолу. «А какой апостолъ это сказалъ?» со смѣхомъ спросилъ отецъ Поликарпъ. — «Апостолъ Муравьевъ такъ говоритъ!» отвѣчалъ Андрей Николаевичъ съ досадою. «А такихъ апостоловъ недавно вѣшали», возразилъ съ громкимъ хохотомъ отецъ Поликарпъ, намекая на казнь извѣстнаго декабриста. Взбѣшенный этою шуткою, Муравьевъ на этотъ разъ отомстилъ за нее въ Синодѣ **), и вскорѣ послѣдовало синодальное рас-

*) Отсюда различіе сужденій о Поликарпѣ. Андрей Николаевичъ Муравьевъ писалъ о немъ: „Ректоръ Троицкій Поликарпъ.. *человѣкъ добрый*, но не соотвѣтствовалъ своему духовному назначенію.“ А въ письмахъ митрополита Филарета читаемъ слѣдующее: „Относительно ректора Академіи Поликарпа, вы (разумѣется А. Н. Муравьевъ) *обвиняете меня въ послабленіи: а другіе почитаютъ меня гонителемъ его.* Укажите мнѣ дорогу между сими крайностями и тотчасъ пойду по ней, но и тутъ надобно прибавить: есть ли позволятъ.“ *Ред.*

**) Передавая объ этомъ, авторъ *Хранилища моей памяти* далекъ отъ мысли умалять значеніе А. Н. Муравьева. Напротивъ подъ особой рубрикой: *Муравьевъ А. Н.* онъ подробно говоритъ о его

поряженіе объ увольненіи отца Поликарпа отъ должности ректора съ оставленіемъ ему настоятельства въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Это случилось въ 1836 году. О прощаніи отца Поликарпа съ академіею и Лаврой выписываю изъ письма моего благодѣтельнаго наставника Ѳ А. Голубинскаго: «Послѣдніе дни, проведенные здѣсь от. ректоромъ Поликарпомъ, оставили для насъ нѣсколько назидательныхъ уроковъ и трогательныхъ воспоминаній о немъ. Мы не ожидали, чтобы такъ скоро былъ взятъ онъ отъ насъ; думали, что онъ останется здѣсь по крайней мѣрѣ до окончанія курса. Мы сидѣли у него 28 января, какъ инспекторъ академіи Филаретъ (назначенный его преемникомъ), по окончаніи чтенія прочихъ дѣлъ, подалъ ему предписаніе о его увольненіи. Медленно, но безъ измѣненія въ лицѣ, читалъ отецъ Поликарпъ эту бумагу, потомъ, возвращая ее отцу Филарету, сказалъ твердымъ голосомъ: «Tibi gratulor, mihi gaudeo (тебя поздравляю, за себя радуюсь). Точно, я радъ, что такъ устроилось. Промыслъ все ведетъ къ лучшему. Иногда я самъ тяготился этою должностію; но подавать просьбу объ увольненіи не считалъ за нужное, потому что монахъ, когда возложена на него какая должность, долженъ нести ее, доколѣ не скорчится, а я еще не скорчился». Въ слѣдовавшіе за симъ дни отецъ Поликарпъ постоянно показывался одинаковымъ, безъ малодушія, безъ досады, съ обыкновеннымъ своимъ обращеніемъ. Въ одинъ день нечаянно открылись ему слова Исаака Сирина: «не жди за добрыя дѣла награды. Награда дается смиренію». Это послужило къ подкрѣпленію его духа. Я сказалъ ему: «Вы дали намъ урокъ, принявши это предписаніе такъ благодушно, какъ отъ руки Божіей». Онъ отвѣчалъ: «да какъ же иначе? вѣдь я уже не ребенокъ; пора знать, что все съ нами случающееся приходитъ отъ руки Божіей... Я примѣчаю,

---

великихъ заслугахъ, неусыпной дѣятельности, горячемъ усердіи къ православной вѣрѣ и народности русской. Эта рубрика уже имѣется въ редакціи и будетъ помѣщена, вѣроятно, въ слѣдующей же книжкѣ *Душепол. Чтенія. Ред.*

что Промыслъ ко благу моему съуживаетъ путь мой, пока не дойду до той узкой стези, которой никому не миновать.» Предъ отъѣздомъ отецъ намѣстникъ соборно пѣлъ для него молебенъ Пресв. Троицѣ и препод. Сергію, и самъ читалъ акаѳистъ. Тутъ были всѣ студенты, много монаховъ и всѣ мы (т.-е. наставники академіи). Отецъ Поликарпъ много поклоновъ земныхъ положилъ предъ мощами, потомъ, приложившись, говорилъ среди церкви прерывающимся голосомъ: «Вотъ, отцы и братія, со мною случилось нѣчто такое... много я учился, но въ разумъ истины не пришелъ. Для того и прибѣгнулъ теперь къ пр. Сергію, чтобъ онъ вразумилъ меня... Онъ живъ; но онъ еще прежде смерти тѣлесной умеръ грѣху и міру У него и мы должны учиться этой смерти, т.-е. чтобъ умереть своей волѣ... Простите меня и не забывайте въ своихъ молитвахъ». Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, и всѣ слышавшіе также плакали».

Къ этой выпискѣ нужно прибавить нѣсколько словъ о кончинѣ отца Поликарпа. Онъ не прожилъ и года въ Новоспасскомъ монастырѣ и мирно скончался отъ чахотки 19 января 1837 года, принявъ наканунѣ елеосвященіе. Сидя въ креслахъ, послѣ соборованія сказалъ намѣстнику: «говори братіи, что̀ я тебѣ буду говорить. Я видѣлъ сонъ. Пришелъ ко мнѣ мужъ, долженъ быть святой, имени не знаю,—и сказалъ: Спаситель послалъ тебѣ возвѣстить, что Онъ прощаетъ грѣхи твои и даруетъ тебѣ жизнь—не за добродѣтели твои, а потому что многіе о тебѣ молятъ и просятъ». Послѣ того онъ просилъ молитвъ у братіи и замолчалъ. Такъ Господь услышалъ молитвы тѣхъ, которымъ дѣлалъ добро отецъ Поликарпъ, и исполнилъ надъ нимъ свое обѣтованіе: «не судите, да не судимы будете!» Тѣло его погребено подъ соборною церковію Новоспасскаго монастыря.

ЕВЛАМПІЙ

архимандритъ, инспекторъ Московской Духовной Академіи Строгій аскетъ. Поставивъ себѣ за правило относиться всегда строго къ малѣйшимъ проступкамъ студентовъ, онъ держался этого правила неуклонно, съ величайшимъ упорствомъ. Онъ могъ служить образцемъ строжайшаго монашескаго житія и былъ неутомимъ въ церковной службѣ; чѣмъ долже она продолжалась, тѣмъ ему было пріятнѣе. Проповѣди его были безмѣрно длинны, всегда въ три, четыре и болѣе аргументовъ. Лекціи писалъ онъ самымъ тяжелымъ языкомъ, періодами, растянутыми до того, что на мелко исписанной страницѣ рѣдко встрѣчалось болѣе одной точки. Притомъ эти періоды были испещрены текстами въ скобкахъ, и студентъ на экзаменѣ публичномъ принужденъ былъ вставлять эти тексты въ свой отвѣтъ, который растягивался оттого до безобразія. Это весьма не нравилось митрополиту; и Евлампій всякій разъ получалъ отъ него выговоръ. Вотъ образъ мыслей его о поведеніи студентовъ (по сохранившейся, собственно-ручной его запискѣ): «Между студентами Академіи усматриваются три порока: 1) поведеніе студента бываетъ «несообразное», если онъ заботится о своей наружности, старается уподобиться свѣтскому щеголю, а не будущему служителю церкви; 2) «безобразное» поведеніе обнаруживается въ излишнемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ; 3) признаки поведенія «злообразнаго»: недостатокъ повиновенія и вообще уваженія къ начальству, дерзость и грубость. Первый изъ этихъ пороковъ наказывается напряженными увѣщаніями и выговорами, второй—постепеннымъ пониженіемъ въ спискѣ, а третій требуетъ изгнанія изъ Академіи. Только отецъ-ректоръ много мѣшаетъ,» прибавлялъ онъ, намекая на добродушіе о. Поликарпа. Студенты очень не любили Евлампія за непомѣрную взыскательность, и эта нелюбовь продолжалась за все пятилѣтнее его инспекторство. Онъ не спускалъ безъ взысканія ни малѣйшей вины и, можетъ быть, многіе

изъ воспитанниковъ подверглись бы исключенію изъ Академіи, еслибы не защищала ихъ благодѣтельная снисходительность отца-ректора. Поступивъ въ должность ректора Вифанской семинаріи, Евлампій строго преслѣдовалъ пьянство, но къ прочимъ проступкамъ семинаристовъ былъ снисходителенъ. «Вѣдь они недозрѣлые, говорилъ онъ, неразсудительные, неразвитые; что же съ нихъ взыскивать?» Въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ былъ викаріемъ архіепископа Пермскаго, раскольники полюбили Евлампія за истовое, благоговѣйное и продолжительное богослуженіе; многіе изъ нихъ приходили къ нему спорить о вѣрѣ, но не слышно, чтобы кто нибудь изъ собесѣдниковъ присоединился къ Православной Церкви. Получивъ епархію въ Орлѣ, Евлампій былъ строгимъ архипастыремъ. Впрочемъ, управленіе его Орловскою епархіею было непродолжительно по слѣдующему случаю. Въ проѣздъ императора Николая Павловича черезъ городъ Орелъ, Евлампій встрѣтилъ его при входѣ въ каѳедральный соборъ и угостилъ длинною рѣчью. Государь слушалъ ее, стоя на открытомъ крыльцѣ подъ дождемъ. Вслѣдъ затѣмъ Св. Синодъ запретилъ епархіальнымъ архіереямъ произносить рѣчи при встрѣчѣ Государя, а Евлампій былъ переведенъ изъ Орла въ Вологду. Тамъ онъ оставилъ по себѣ добрую память; вологжане говорятъ о немъ, какъ объ архипастырѣ кроткомъ, благочестивомъ, сострадательномъ къ вдовамъ и сиротамъ. Каково было служеніе его въ Тобольскѣ, куда онъ былъ перемѣщенъ позднѣе съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, мнѣ неизвѣстно. Но въ послѣдніе годы жизни своей на покоѣ въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, преосв. Евлампій жилъ совершеннымъ аскетомъ, постникомъ и молитвенникомъ. Нѣкоторые изъ жителей Казани и Свіяжска смотрѣли на него какъ на богоугоднаго святителя. Преосв. Евлампій скончался на покоѣ въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ въ 1862 году. Тѣло его погребено въ малой монастырской церкви, гдѣ прежде была келья святителя Германа. Тамъ я поклонился праху его въ 1877 году.

ДОСИѲЕЙ,

архіепископъ Грузинскій. Въ 1824 году мы жили въ Грузинахъ, въ домѣ грузинскаго дворянина Журюлова. Здѣсь я въ первый разъ видѣлъ архіерея въ гостяхъ у моихъ родителей. Это былъ преосв. Досиѳей, покровитель нашего домохозяина, весьма неотесаннаго и неразумнаго грузинца, племянника и келейника незадолго предъ тѣмъ умершаго грузинскаго же епископа Пафнутія. Послѣдній по времени изъ бывшихъ грузинскихъ архипастырей, доживавшихъ свой вѣкъ въ Москвѣ, преосв. Досиѳей былъ человѣкъ умный и довольно образованный. По отзыву митрополита Филарета, слышанному мною гораздо позднѣе, онъ былъ полезенъ въ своемъ краѣ при управленіи послѣднаго католикоса, царевича Антонія, которому онъ былъ лучшимъ помощникомъ. Помню одинъ разсказъ его о Грузинскомъ царѣ (кажется Георгіи XIII). «Къ этому царю пришелъ одинъ бѣдный ремесленникъ съ жалобою на богатаго князя, который не хотѣлъ платить ему долга въ десять золотыхъ. Царь призвалъ князя, и тотъ подтвердилъ, что дѣйствительно долженъ. «Зачѣмъ же ты не платишь, если долженъ?» — «Я великій грѣшникъ, грѣховъ у меня безчисленное множество». — «Не о грѣхахъ рѣчь, а о томъ, что слѣдуетъ тебѣ заплатить долгъ». — «Не могу, государь, ибо въ писаніи сказано: грѣшникъ беретъ взаймы и не платитъ, а праведникъ даритъ и раздаетъ (Псал. 36, 21). Вотъ если ты, государь, праведникъ, заплати ему за меня». Царь усмѣхнулся и заплатилъ. Преосвященный Ѳеофилактъ Русановъ, первый экзархъ Св. Синода въ Грузіи, не взлюбилъ Досиѳея и поспѣшилъ удалить его. «Досиѳей былъ полезенъ и въ Петербургѣ (сказалъ моей матери митрополитъ Филаретъ) многими объясненіями о состояніи Церкви въ Грузіи и о злоупотребленіяхъ Ѳеофилакта».

АѲАНАСІЙ

архимандритъ, намѣстникъ Троицкой Сергіевой Лавры. По переѣздѣ нашемъ въ Лавру, отецъ-намѣстникъ Аѳанасій, старецъ доброй жизни, весьма кроткій, радушный и снисходительный ко всѣмъ, очень скоро сблизился съ моею матерью и бывалъ у насъ довольно часто. Онъ былъ изъ неученыхъ, ремесломъ иконописецъ, долго завѣдывалъ иконописною школой при митрополитѣ Платонѣ и образовалъ нѣсколько искусныхъ учениковъ, между которыми лучшимъ былъ художникъ Малышевъ, заступившій мѣсто Аѳанасія въ завѣдываніи школою. Прежде намѣстники Лавры назначались изъ префектовъ Лаврской семинаріи или изъ числа другихъ ученыхъ монаховъ. Когда архимандритъ Никаноръ Клементьевскій (окончившій жизнь въ санѣ митрополита Новгородскаго и Петербургскаго) изъ намѣстниковъ Лавры поступилъ въ должность ректора Виѳанской семинаріи и получилъ въ управленіе Петровскій монастырь, архіепископъ Московскій Августинъ, по совѣту пріѣзжавшаго тогда въ Лавру ревизора, доктора богословія архимандрита Филарета (впослѣдствіи знаменитаго митрополита Московскаго) назначилъ намѣстникомъ Лавры Аѳанасія, въ 1818 году. Отъ о. Аѳанасія мнѣ приходилось слыхать анекдоты о митрополитѣ Платонѣ и его управленіи; иногда онъ показывалъ мнѣ рисунки прежней своей работы, въ числѣ прочихъ — рисунокъ митры, заказанный ему Платономъ, съ тѣмъ, чтобы на митрѣ изображенъ былъ «весь рай». Иконописецъ не могъ разрѣшить этой мудреной задачи, но посовѣтовался съ учителемъ Лаврской семинаріи Василіемъ Михайловичемъ Дроздовымъ (тѣмъ же Филаретомъ впослѣдствіи), и Дроздовъ научилъ его сдѣлать такъ: на верху митры поставить образъ Троицы, окруженный ангельскими ликами; спереди изобразить распятаго Спасителя съ Богородицей и Предтечею по сторонамъ, а прочее пространство митры занять образами пророковъ, апостоловъ, святителей,

мучениковъ и другихъ святыхъ. Эта митра и теперь хранится въ Виѳанской ризницѣ. Въ управленіи Лаврой добрый старецъ былъ слишкомъ снисходителенъ; когда говорили ему, что нужно держать монаховъ построже, онъ отвѣчалъ: «Охъ окаянные, окаянные, измучили они меня! А взыскивать не могу: самъ я всѣхъ грѣшнѣй». Онъ скончался уже по переѣздѣ нашемъ въ Москву, 23 февраля 1831 года. Послѣдняя болѣзнь о. Аѳанасія продолжалась недолго и не казалась опасною; но онъ имѣлъ какое-то предвѣщаніе о приближающейся кончинѣ. Въ послѣдній день его жизни, когда ректоръ академіи архимандритъ Поликарпъ зашелъ къ больному и шутя звалъ его къ себѣ на именины, о. Аѳанасій съ веселымъ лицемъ отвѣчалъ ему: «сегодня же я званъ на другой праздникъ; оттуда уже не ворочусь сюда». И дѣйствительно, во время обѣда у ректора-именинника, удары въ царь колоколъ возвѣстили о смерти намѣстника. Тѣло отца Аѳанасія погребено за алтаремъ Сошественской церкви.

ЗУБОВА

графиня Екатерина Александровна, урожденная княжна Оболенская, супруга графа В. Н. Зубова. Будучи попечительницею Титовской школы Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года, съ самаго ея основанія, графиня была въ полномъ смыслѣ душею всѣхъ дѣйствій и предпріятій Общества: на базарѣ рукодѣлій она такъ усердно и неутомимо занималась продажею школьныхъ работъ, такъ умѣла привлекать покупателей своею любезностію и необыкновенною красотою, что почти ничего не оставалось не проданнымъ. Для каждой томболы (большой лоттереи) лучшія вещи поступали всегда отъ прекрасной графини. Къ сожалѣнію, она не была счастлива въ брачной жизни и не имѣла дѣтей. За то дѣвочкамъ Титовской школы она была истинною матерью; даже бѣдные родственники ихъ находили

у нея помощь и участіе въ своихъ нуждахъ. На базарѣ рукодѣлій, который назначался всегда на шестой недѣлѣ Великаго поста и продолжался до Лазаревой субботы, подлѣ стола съ женскими работами, за которымъ торговала графиня, находился небольшой столикъ съ пирожками и закусками, которые доставлялись массами изъ дома графини и разбирались публикой на расхватъ; продавали ихъ бѣднѣйшія изъ приходящихъ дѣвочекъ Титовской школы. Вся выручка раздавалась, по окончаніи торговли, семействамъ ихъ на розговѣнье къ празднику Пасхи. Родственникамъ другихъ бѣдныхъ дѣвочекъ своей школы графиня, называвшая всѣхъ ихъ «своими дѣтками», посылала деньги. Эти выдачи пособій передъ праздникомъ Пасхи составляли не менѣе 300 рублей ежегодно. Онѣ проходили черезъ мои руки подъ строжайшимъ секретомъ. Къ несчастію, эта прекрасная жизнь продолжалась не долго: графиня скончалась 16 августа 1844 года, на 30-мъ году, послѣ краткой болѣзни, въ имѣніи отца своего, князя А. П. Оболенскаго, близь Калуги. Тѣло ея погребено въ Калужскомъ Лаврентіевомъ монастырѣ. Мраморный ангелъ на ея могилѣ напоминаетъ собою ангельскія свойства почившей. За годъ до кончины своей, проводя лѣтнее время въ деревнѣ мужа своего въ Суздальскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Золотниковской пустыни, она имѣла замѣчательный сонъ: она видѣла себя въ огромной полутемной церкви; передъ нею была очень большая икона Спасителя на убрусѣ и какой-то сѣдой монахъ говорилъ ей: «молись ему и помни его праздникъ!» Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нимъ въ деревню игуменъ Золотниковской пустыни и убѣдительно просилъ графа и графиню къ себѣ на праздникъ. Графиня никогда не бывала въ этой пустыни и упросила мужа ѣхать туда вмѣстѣ съ нею. Но какъ была она поражена, когда взошла въ обширный, мало освѣщенный притворъ храма. Передъ нею стояла та самая икона, которую она видѣла во снѣ, и сѣдой монахъ, совершенно похожій на приснившагося. Возвратясь въ Москву, она многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, разсказывала этотъ замѣча-

тельный случай, но ни она сама, ни тѣ, которымъ она передавала, не могли понять его значеніе. Только на другой годъ оно объяснилось намъ, когда графиня скончалась 16-го августа, въ праздникъ Нерукотвореннаго образа

АИША-НАДЯ

черкешенка, милое дитя, занесенное судьбою въ Москву съ Кавказа. При взятіи одного аула, бывшій декабристъ М. М. Нарышкинъ спасъ одну маленькую дѣвочку, родители которой были убиты во время приступа; онъ прислалъ ее къ сестрѣ своей княгинѣ Е. М. Голицыной, бывшей тогда предсѣдательницей Моск. Благотвор. Общества 1837 года. Помѣщенная въ школу, пятилѣтняя Аиша была сначала дика, какъ маленькій звѣрекъ, не давалась никому въ руки, пряталась и кусалась. Впрочемъ, скоро, при заботахъ и ласкахъ надзирательницы, она присмирѣла, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучилась понимать по-русски и охотно сидѣла въ классѣ при урокахъ Закона Божія. Особенно нравилось ей согласное пѣніе воспитанницами молитвъ предъ началомъ ученія, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Не прошло года, какъ малютка заговорила: «и я хочу Богу молиться, люблю Христа и Богородицу, хочу въ церковь ходить». Графиня А. С. Панина, принимавшая особенное участіе въ дѣвочкѣ, по письмамъ брата своего В. С. Толстаго, служившаго тогда на Кавказѣ, вызвалась быть воспріемницей и дать Аишѣ свое имя при крещеніи, а я предложилъ себя въ воспріемники. Но дѣвочкѣ не понравилось имя Александры; она твердила: «Не хочу быть Сашей, хочу быть Надей. Меня ночью кличутъ: Надя, Надя, пора тебѣ креститься». По желанію дѣвочки, ей дали при крещеніи выбранное ею имя. Но бѣдная Надя не вынесла нашего суроваго климата; въ началѣ весны она заболѣла кашлемъ и кровохарканьемъ, перевезена въ дѣтскую больницу и тамъ скоро умерла отъ чахотки. Я

нѣсколько разъ навѣщалъ мою милую крестницу въ больницѣ; не задолго до смерти она разсказывала мнѣ, что слышитъ во снѣ прекрасное пѣніе. «Поютъ лучше нашихъ дѣвочекъ», прибавила она, «а они (неизвѣстно кто) говорятъ мнѣ: Надя, Надя, пора тебѣ къ намъ».

ВОЛКОНСКАЯ

княгиня Александра Петровна, рожденная Новикова, мать жены моей. Въ 1850 году я познакомился съ семействомъ Волконскихъ, въ которомъ мнѣ по особенной милости Божіей суждено было найти вѣрную подругу моей жизни; тогда отца этого семейства, князя Петра Сергѣевича уже не было въ живыхъ. Княгиня, довольно пожилая уже мать взрослыхъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ по своему уму, добродѣтельной жизни и строгой справедливости во всѣхъ своихъ поступкахъ. Кончина ея, 30 октября 1872 года, была для насъ тяжкимъ горемъ. Не только сыновья и дочери, но и я, зять ея, видѣлъ въ ней мать, любилъ ее наравнѣ съ родною моею матерью, а чтилъ несравненно болѣе, какъ примѣрную женщину, украшенную всѣми христіанскими добродѣтелями.

При отпѣваніи почившей княгини, краснорѣчивый проповѣдникъ Слова Божія священникъ К. С. Озеровъ (теперь уже покойный) подошелъ ко гробу, окруженному сыновьями, дочерьми и внуками почившей, множествомъ родныхъ и знакомыхъ и еще большимъ множествомъ бѣдныхъ, которымъ она благотворила не только при жизни, но и по кончинѣ. Благословивъ покойницу, онъ произнесъ, безъ всякаго приготовленія рѣчь, въ которой назвалъ ее «рабою Господнею», потому что она, на всѣхъ путяхъ своей, почти 80-лѣтней жизни, руководствовалась всегда сознаніемъ христіанскаго долга и была рабою Господнею отъ колыбели до могилы. Ежедневно спѣшила она въ церковь къ литургіи; ни домаш-

нія заботы, ни немощи, неразлучныя съ преклонною старостію, не могли остановить ее отъ исполненія этого долга, въ которомъ она находила отраду для души своей. Во всѣ посты съ вѣрою и любовію приступала она къ трапезѣ Господней. Мы были свидѣтелями, какъ однажды, не смотря на всеобщія увѣщанія, она въ крайней слабости, послѣ горячки, во время самаго кризиса болѣзни, велѣла отвести себя въ церковь и тамъ сподобилась причащенія божественныхъ Таинъ Христовыхъ. Мы, слабые въ вѣрѣ, опасались, что морозъ, довольно сильный, причинитъ ей новую простуду; боялись, что болѣзнь усилится и сдѣлается опасною для жизни: напрасныя опасенія! Сила живой вѣры исцѣлила больную: съ того-же дня болѣзнь миновалась. — Она служила Господу строгимъ исполненіемъ уставовъ церковныхъ, сохраняя неуклонно всѣ посты, установленные Православною Церковію, даже не разрѣшая себѣ на рыбу и елей въ тѣ дни, когда уставъ не разрѣшаетъ. И въ этомъ мы видѣли надъ нею опытъ помощи Божіей: при тяжкой болѣзни въ послѣдній великій постъ, врачъ тщетно убѣждалъ ее подкрѣпить мясною пищею старческія силы. «Лучше повиноваться Врачу Небесному, нежели земному», сказала она, и безвредно выдержала постъ до Пасхи. Любя всею душею молитву въ храмѣ Господнемъ, она любила и благолѣпіе церковное. Въ селѣ, гдѣ проводила она лѣтніе мѣсяцы (с. Витуши Сапожковскаго уѣзда) воздвигнутъ ею обширный каменный трехпрестольный храмъ; въ другомъ имѣніи къ главному храму пристроенъ придѣльный. Въ эти храмы и во многіе другіе поступили отъ нея щедрыя приношенія. Добрая дочь, добрая и вѣрная жена, добрая мать семейства, воспитавшая въ страхѣ Божіемъ и правилахъ христіанской нравственности не только сыновей и дочерей, но и двухъ внучекъ, ввѣренныхъ ей Промысломъ Божіимъ (по смерти матери ихъ, старшей ея дочери), она на всѣхъ путяхъ жизни была рабою Господнею. Неусыпными попеченіями о хозяйствѣ умѣла она пріумножить свое состояніе, умѣла устроить дѣтей еще при жизни своей, никогда не увлекаясь пристра-

стіемъ къ кому-либо изъ нихъ, но всегда надѣляя ихъ совершенно равно, по закону строжайшей справедливости. Многіе считали ее скупою, видя на каждомъ шагу благоразумную ея бережливость; но они не знали, на какой предметъ назначаются остатки отъ доходовъ: они поступали на дѣла благотворенія. Никогда просящій не отходилъ отъ нея съ пустыми руками, никогда почти не случалось, чтобы за столомъ ея не было бѣдныхъ, а въ семейные праздники и воскресные дни всегда нѣсколько бѣдныхъ женщинъ угощались вмѣстѣ съ родственниками и знакомыми. Она принимала на свое попеченіе воспитанницъ-сиротъ духовнаго званія и съ истинно материнскою заботливостію управляла судьбу ихъ, пріискивая для нихъ жениховъ, будущихъ священнослужителей, снабжая ихъ изобильно деньгами и приданымъ. Пріютъ для слѣпыхъ, Братолюбивое Общество и другія благотворительныя учрежденія пользовались ея пособіями; нищіе, снабженныя записками о бѣдности отъ приходскихъ священниковъ, ежемѣсячно получали милостыню. Но вѣнцемъ неистощимой благотворительности покойной княгини были двѣ богадѣльни: одна изъ нихъ въ главномъ ея имѣніи, при воздвигнутомъ ею храмѣ, устроена и снабжена капиталомъ на вѣчное содержаніе еще при жизни ея; для другой церковной же богадѣльни въ родовомъ селѣ мужа ея, гдѣ онъ погребенъ и гдѣ она назначила для себя мѣсто могилы, построено каменное зданіе для богадѣльни, и также внесенъ капиталъ. Послѣднія земныя заботы почившей были направлены на это учрежденіе.

На всей жизни ея лежала печать очевиднаго благословенія Божія: изъ семерыхъ дѣтей, достигшихъ зрѣлаго возраста, по особой милости Божіей, не нашлось ни одного сына, ни одной дочери, которые не служили бы утѣшеніемъ для чадолюбивой матери. Всѣ ея начинанія, всѣ предпріятія, отъ малаго и до большаго, удавались вполнѣ даже и тогда, когда успѣхъ казался почти невозможнымъ. Знакомые говорили: «какъ счастлива княгиня: все ей удается». Но они не знали,

за что и почему удается; они не знали, что она ни одного дѣла не начинала иначе, какъ съ усердною молитвою.

Въ самой кончинѣ и погребеніи ея проявилось особое благоволеніе Отца Небеснаго. Послѣ непродолжительной болѣзни, при старческомъ изнуреніи силъ, она удостоилась таинствъ исповѣди, причащенія св. Таинъ Христовыхъ и елеосвященія. Кончина ея была истинно христіанская, непостыдная, безболѣзненная, мирная. Безъ всякихъ предсмертныхъ страданій, она тихо почила, какъ младенецъ, подъ звуки канона на исходъ души, читаннаго роднымъ ея внукомъ, однимъ изъ сыновей моихъ. Не одни дѣти и внуки, родные и знакомые почившей окружали одръ ея во время заупокойныхъ молитвъ; надъ гробомъ ея плакали и рыдали тѣ, которымъ она благотворила; нищіе получали, во время погребенія, щедрую милостыню изъ назначенной ею суммы. Когда погребальное шествіе приблизилось къ селу Липицамъ, гдѣ приготовлена была могила, всѣ крестьяне, принадлежавшіе покойному князю (теперь уже крестьяне-собственники), встрѣтили версты за двѣ и понесли на себѣ гробъ княгини въ тяжеломъ, обложенномъ свинцомъ ящикѣ. Имъ предлагали носилки; они не приняли и сказали: «мы желаемъ потрудиться для нашей матушки». Ежеминутно останавливалось шествіе просьбою того или другаго крестьянина, чтобы отпѣть для него литію, такъ что для прохода двухъ верстъ потребовалось нѣсколько часовъ. Богадѣльныя старушки пожелали провести ночь въ холодномъ храмѣ, чтобы помолиться при гробѣ своей благодѣтельницы во время чтенія псалтири. Тѣ же выраженія всеобщей любви и признательности обнаруживались и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ почившей; при началѣ сорокадневныхъ молитвъ, церкви были полны, и весь народъ плакалъ, приговаривая: «буди ей вѣчная память».

МАТѲЕЙ И ХАРИТОНЪ,

схимонахи Троице-Сергіевой Лавры. Оба они сдѣлались болѣе извѣстными по смерти. Я засталъ ихъ еще при жизни: первый изъ нихъ, іеромонахъ Михаилъ, бывшій прежде духовникомъ Лавровской братіи, отличался глубокимъ смиреніемъ и строгимъ постничествомъ. Избѣгая почтенія отъ людей, онъ притворялся иногда юродивымъ, за что и былъ смѣненъ изъ духовниковъ. Иногда онъ какъ будто предсказывалъ, и предсказанія его нерѣдко сбывались. Такъ и мнѣ, еще мальчику, онъ сказалъ однажды, что у меня будетъ жена Елисавета Петровна. Я вообразилъ тогда, что это предсказаніе относится къ одной хорошенькой барышнѣ, которая мнѣ очень нравилась, хотя и была на нѣсколько лѣтъ старше меня; но это предсказаніе сбылось гораздо позднѣе, а именно въ 1850 году, когда я женился на княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Волконской.

Другой подвижникъ, Харлампій, простой монахъ изъ полуграмотныхъ, до конца жизни находился при часовнѣ, стоящей на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія. Онъ былъ тамъ сначала помощникомъ отца Леонтія, а потомъ заступилъ его мѣсто, когда послѣдній, ослабѣвъ отъ старости и почти лишившись ногъ, перешелъ на жительство въ больницу. Отецъ Харлампій особенно заботился объ украшеніи ввѣренной ему часовни; богатая риза на огромной иконѣ явленія Божіей Матери преп. Сергію и много другихъ окладовъ остались памятниками усердія отца Харлампія. Когда устроенъ былъ Геѳсиманскій скитъ, Михаилъ и Харлампій поступили туда изъ первыхъ. Тамъ они приняли схиму: Михаилъ съ именемъ Матѳея, а Харлампій съ именемъ Харитона. Тамъ же оба кончили жизнь почти въ одно время и погребены у подножія большаго креста на скитскомъ холмѣ.

Оба они были старцы благоговѣйные и строгіе постники; но при жизни окружающіе не замѣчали въ нихъ особенныхъ даровъ благодатныхъ. Послѣ кончинѣ обоихъ старцевъ слу-

чилось слѣдующее событіе: «Изъ города Александрова (Владимірской губ., въ 45 верстахъ отъ Лавры) пришелъ въ лаврскій скитъ мѣщанинъ и просилъ, чтобы отслужили панихиду по двумъ схимникамъ Харитонѣ и Матѳеѣ, погребенныхъ въ скитѣ. На вопросъ, какъ онъ ихъ зналъ, отвѣтилъ: я не зналъ ихъ; но вотъ какое благодѣяніе они оказали въ моемъ семействѣ: съ годъ, какъ пожелала дочь моя въ монастырь въ Суздаль. Нѣсколько разъ просила мать игуменью принять, но та не принимала ея безъ взноса. Дочь двѣ недѣли назадъ опять пошла, кланяясь въ ноги, просила игуменью, но она рѣшительно отказала. Дочь въ горѣ пошла къ одной монахинѣ въ келью, много плакавши, уснула и видитъ во снѣ, что два схимника молятся о ней предъ образомъ Богоматери, именно просятъ, чтобы Матерь Божія повелѣла игуменіи принять эту дѣвицу на служеніе въ обители. Чрезъ икону Матерь Божія говоритъ, что исполняетъ прошеніе ихъ, и уже повелѣла принять эту дѣвицу въ монастырь. Икона скрылась, а схимники обращаются къ дѣвицѣ и говорятъ: «завтра послѣ утрени поди къ игуменьѣ, и будешь принята.» Дѣвица во снѣ бросается къ ногамъ старцевъ и говоритъ: батюшки, да какъ же мнѣ васъ назвать, и откуда вы? Старцы отвѣчаютъ: мы изъ скита Геѳсиманіи схимонахи Харитонъ и Матѳей. Дѣвица просыпается и бѣжитъ на благовѣстъ къ утренѣ; послѣ утрени падаетъ опять къ ногамъ игуменьи; игуменья поднимаетъ ее, говоря: приходи, приходи, приму, и ничего не надо; видишь за тебя возстаютъ схимонахи Геѳсиманскаго скита. Такъ дѣвица осталась въ монастырѣ, а отцу поручила отправить паннихиду, въ видѣ благодарности по Харитонѣ и Матѳеѣ.» а)

Тогда всѣ помнившіе ихъ убѣдились, что блаженно почившіе старцы смиреннымъ послушаніемъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей угодили Богу.

а) Монастырскія письма. Изд. 2-е стр. 39—41.

ТОЛСТОЙ

графъ Андрей Степановичъ, одинъ изъ младшихъ братьевъ моего отца; онъ нѣсколько разъ гостилъ у насъ въ деревнѣ. Послуживъ съ честью въ войнѣ 1812—15 годовъ и получивъ много отличій за храбрость, дядя вышелъ въ отставку и проводилъ праздную жизнь. Единственнымъ его занятіемъ были забавы, шалости и проказы, на изобрѣтеніе которыхъ онъ былъ большой мастеръ. Такъ, однажды онъ отыскалъ въ Каменкахъ заржавѣлую желѣзную пушку и вздумалъ тѣшиться стрѣльбою. Сколько ни совѣтовали ему воздержаться отъ этой потѣхи, довольно опасной по ветхости пушки, онъ никого не хотѣлъ слушать; досталъ пороху, накаталъ глиняныхъ ядеръ и стрѣлялъ въ цѣль. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ онъ вздумалъ чистить пушку, позвалъ шедшаго мимо ключника Ѳедора Лукина и велѣлъ ему поковырять палкой вмѣсто банника внутри пушки. Къ несчастію тамъ была трещина, въ которой засѣла часть заряда; раздался выстрѣлъ и бѣднякъ Ѳедоръ остался навсегда съ изувѣченной рукой.

Здѣсь кстати разскажу еще одинъ случай, о которомъ много говорили въ свое время. На сѣверо-восточномъ углу лаврской ограды стоитъ башня, извѣстная подъ названіемъ Красной; она отличается отъ прочихъ монастырскихъ башень сквознымъ верхомъ, похожимъ на бельведеръ, и поставленною на верху ея каменною уткою. Въ 1822 году, въ ночь съ 4 на 5 іюля, въ верхнемъ этажѣ этой башни, на толстой желѣзной перекладинѣ повѣсился одинъ поврежденный въ умѣ студентъ Академіи (я лично не зналъ его и фамиліи его не помню), и съ того времени носились слухи, что по вечерамъ и особенно по ночамъ раздаются въ Красной башнѣ какіе-то необъяснимые страшные стоны. Многіе изъ студентовъ ходили по ночамъ на ограду и увѣряли, что слышали эти стенанія; но никто изъ этихъ смѣльчаковъ не рѣшился войти внутрь башни. Дядя Андрей

Степановичъ, во время пребыванія нашего въ Сергіевскомъ Посадѣ, иногда посѣщалъ насъ. Такъ однажды, наканунѣ праздника преп. Сергія, 4 іюля 1830 г., предъ самой всенощной онъ пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы и вмѣстѣ съ нами отправился въ монастырь, но, наскучивъ продолжительностію службы, отправился гулять по оградѣ. Подходя къ Красной башнѣ, онъ услышалъ стонъ и, думая, что тамъ кто-нибудь занемогъ и проситъ помощи, вошелъ въ башню и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ болѣе усиливался стонъ, и наконецъ на самомъ верху, подъ тою несчастной перекладиной, на которой совершилось за восемъ лѣтъ предъ тѣмъ самоубійство студента, звуки сдѣлались настолько громки, что навели ужасъ на дядю. Поспѣшно сошелъ онъ съ ограды, и мы, при выходѣ изъ церкви, нашли его блѣднымъ и сильно смущеннымъ. Онъ разсказалъ намъ о томъ, что съ нимъ случилось и тутъ только узналъ отъ моей матери о несчастно погибшемъ студентѣ. Какъ объяснить этотъ случай? Дѣйствіемъ воображенія объяснить нельзя, потому что дядя прежде ничего не зналъ о таинственныхъ звукахъ на Красной башнѣ; сверхъ того онъ былъ человѣкъ смѣлаго характера, отличался храбростію въ отечественной войнѣ и не вѣрилъ никакимъ явленіямъ духовъ. Многіе думали, что душа несчастнаго самоубійцы приходила стенать на то мѣсто, гдѣ насильственно разлучилась съ тѣломъ. Другіе полагали, что звуки зависятъ отъ сквознаго вѣтра, который прорывается, постепенно усиливаясь, съ ограды сквозь отворенную дверь до самаго верха башни. Это послѣднее мнѣніе подтвердилось впослѣдствіи, когда въ башнѣ устроенъ былъ водоемъ, и дверь съ ограды заперта. Съ тѣхъ поръ ни на оградѣ, ни снаружи, подъ стѣнами башни, никакихъ звуковъ не слышно.

Дядя былъ женатъ на дѣвицѣ Прасковьѣ Дмитріевнѣ Павловой и оставилъ по себѣ сына, графа Дмитрія Андреевича, бывшаго впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ Св. Синода, министромъ народнаго просвѣщенія и, наконецъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ.

ИГНАТІЙ,

простой монахъ, въ мірѣ Иванъ Ермолаевъ, штатный служитель Лавры, ремесломъ маляръ, зажигалъ стаканчики на позолоченной верхней чашѣ огромной Лаврской колокольни во время пріѣзда императора Павла I, въ 1797 году. По неосторожности, онъ упалъ оттуда, но, не долетѣвъ до земли, повисъ, зацѣпившись спиной за острыя желѣзныя украшенія втораго яруса. Его сняли безъ чувствъ, но безъ всякаго поврежденія; только на спинѣ сохранился навсегда рубецъ отъ разодранной кожи. Послѣ того онъ поступилъ въ число Лаврской братіи. Въ мое время онъ жилъ въ Лаврской больницѣ и служилъ пономаремъ при церкви Зосимы и Савватія. Онъ едва зналъ грамотѣ, но любилъ читать отеческія писанія и особенно книгу «Добротолюбіе». Изъ этихъ источниковъ старецъ очень удачно дѣлалъ выписки, располагая ихъ на отдѣльныхъ листахъ, смотря по содержанію; такъ, на одномъ листѣ говорилось о смиреніи, на другомъ о терпѣніи и т. д. Эти листы смиренный монахъ подносилъ иногда Ѳ. А. Голубинскому, и не менѣе смиренный философъ принималъ ихъ съ уваженіемъ и благодарностью, потому что дорожилъ каждою доброю мыслію, гдѣ бы она ни попалась.

ПЕРХУНОВЪ

солдатъ. Случайно познакомился я въ Псковѣ со старикомъ штабъ-лѣкаремъ Ѳ. В. Полтавцевымъ. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее замѣчательное происшествіе. Когда холера, въ 1831 году, во время войны съ польскими мятежниками наполнила военные лазареты, и городскія больницы наполняла недужными, тогда врачамъ открылось широкое и прекрасное поприще человѣколюбія и самоотверженія. Изъ множества больныхъ, доставшихся на его долю, врачъ Полтавцевъ чаще

останавливалъ свое вниманіе на одномъ солдатѣ, по фамиліи Перхуновъ, уже перешедшемъ изъ опаснаго положенія болѣзни въ безнадежное, такъ что этотъ больной, ослабленный холерою до послѣдней степени, уже отказался отъ всякаго употребленія врачебныхъ средствъ и съ болѣзненнымъ напряженіемъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, еще силился, въ присутствіи врача, сѣтовать на болѣзнь, лишающую его послѣдняго утѣшенія, — умереть за вѣру и отечество на полѣ брани.

Эта мысль, — умереть въ лазаретѣ отъ холеры, была для больнаго такъ горька и тягостна, и сѣтованія его были такъ искренни и глубоки, что въ немъ пробудилась живая вѣра. Не надѣясь уже на слабыя пособія человѣческія, больной въ тишинѣ ночи предался сердечной молитвѣ: онъ молился усердно и молился объ одномъ только, — да поможетъ ему Господь положить животъ на брани за вѣру православную и Отца-Государя, — призывая на помощь Святителя Чудотворца Николая и умоляя угодника Божія о ходатайствѣ. Такимъ образомъ большую часть ночи болящій провелъ въ молитвѣ, въ той молитвѣ, которая, по слову св. Исаака Сирина, есть «привлеченіе помощи, источникъ спасенія, укрѣпленіе немощныхъ, покровъ во время искушеній и помощь въ тяжкой болѣзни». Мучительная безсонница, не покидавшая больнаго довольно долгое время, оставила его послѣ молитвы: православный воинъ мирно заснулъ.

Святитель Николай не замедлилъ своимъ явленіемъ во снѣ успокоить страждущаго воина, пророкая ему совершенное исцѣленіе отъ холеры и вмѣстѣ съ тѣмъ указуя на вожделѣнный вѣнецъ мученика, на радостную смерть на брани. Святый чудотворецъ благоволилъ даже опредѣлительно означить и самый день битвы, а съ нимъ и день его смерти.

На другой день послѣ сего, утромъ, врачъ, подошедши къ постели больнаго, пораженъ былъ выраженіемъ лица его: то страдальческое выраженіе, которое еще вчера такъ рѣзко предрекало окончательную побѣду смерти надъ жизнію, сегодня совершенно исчезло; оно замѣнилось уже призна-

ками наступающаго выздоровленія и на снисходительный вопросъ врача: «Другъ мой, тебѣ сегодня лучше?» больной отвѣчалъ: я не умру отъ холеры. Врачъ, думая усилить эту надежду своими утѣшеніями, старался ему представить и прежнее его положеніе лучшимъ, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ. Но воинъ со смиреніемъ и пламенною вѣрою поспѣшилъ разсказать ему свое сновидѣніе. Простодушный разсказъ больнаго тронулъ благочестиваго врача-медика, который вынулъ свою записную книжку, записалъ имя и прозванье этого солдата, мѣсяцъ и число, назначенное въ сонномъ видѣніи для сраженія, замѣтивъ полкъ и роту, къ которымъ принадлежалъ больной. Въ самомъ дѣлѣ онъ чрезъ нѣсколько дней совершенно выздоровѣлъ, не употребляя ничего изъ врачебныхъ средствъ, и выбылъ изъ полковаго госпиталя. Штабъ-лѣкарь разсказалъ многимъ это происшествіе, и одни, выслушавъ, увѣряли, что въ назначенное число не можетъ быть и не будетъ сраженія, а нѣкоторые совсѣмъ не вѣрили. Между тѣмъ наступило предреченное число, и вдругъ, совершенно неожиданно, завязалось сраженіе; Русскіе одержали верхъ, и все опять успокоилось до времени и потекло обычною чередою. Врачъ вспомнилъ о своемъ прежнемъ больномъ, справился, и точно, — Перхуновъ палъ на полѣ брани. Конечно, мученическій вѣнецъ сталъ наградою вѣрнаго воина-христіанина.

І О Н А,

іеромонахъ при ракѣ преп. Сергія, прежде бывшій протоіерей университетской церкви въ Москвѣ. Онъ окончилъ курсъ въ прежней Лаврской семинаріи, порядочно зналъ латинскій языкъ и страстно любилъ писать стихи, которые, впрочемъ, выходили всегда крайне неудачны.

Свои вирши онъ полагалъ на музыку, заставлялъ пѣть вмѣстѣ съ собою своихъ многочисленныхъ духовныхъ доче-

рей, пріѣзжавшихъ на богомолье изъ Москвы, и любилъ раздавать свои произведенія всѣмъ, кто посѣщалъ его; особенную цѣну онъ придавалъ одному изъ своихъ стихотвореній: «Пѣснь въ честь преп. Сергія». Вотъ изъ нея первый куплетъ:

„Сергій чудный, богомудрый,
Сущъ во чревѣ, ужаси,
Сверхъ устава возгласи
Трикратно
Вслухъ внятно".

Чтобы имѣть всегда достаточное количество экземпляровъ для раздачи, онъ очень часто обращался къ инспектору Виѳанской семинаріи Ѳеодотію съ просьбою—заставить семинаристовъ переписать 10—20 листковъ «моей поэзіи», какъ онъ говорилъ. Ѳеодотію надоѣло, наконецъ, это порученіе, и онъ прибавилъ на смѣхъ къ одному канту такой послѣдній куплетъ:

„Сіи стихи слóжилъ многими трудами,
Но не слишкомъ вѣрными риѳмами
Строгій блюститель лаврска закона
Старецъ Іона".

Этотъ эпилогъ огорчилъ старца, и онъ пересталъ обращаться къ Ѳеодотію. Впрочемъ, не смотря на странность своего піитическаго вкуса, о. Іона пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою доброту, сострадательность и безкорыстіе, а въ особенности за необыкновенный подвигъ, незадолго предъ тѣмъ имъ совершенный. Говорятъ, что преосв. Августинъ обѣщалъ сдѣлать его намѣстникомъ Лавры, но, по совѣту Филарета, пріѣзжавшаго въ академію для ревизіи, предпочелъ ему Аѳанасія. Обманутый въ ожиданіи почетнаго положенія и обиженный тѣмъ, что не ученый іеромонахъ сдѣлался его начальникомъ, Іона не надѣялся вытерпѣть свое неудовольствіе безъ ропота, а потому наложилъ на себя безусловное молчаніе. Этотъ подвигъ онъ выдержалъ въ теченіи семи лѣтъ и только въ навечеріе Рождества Христова въ 1824 году, въ первый разъ далъ разрѣшеніе своему языку,

запѣвъ громогласно кондакъ: «Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ». Послѣ того онъ сдѣлался необыкновенно разговорчивъ, такъ что о. намѣстникъ Аѳанасій говорилъ о немъ: «теперь о. Іона хочетъ наговориться вдоволь за всѣ тѣ годы, которые провелъ въ молчаніи». Отецъ Іона былъ духовникомъ всей братіи; у него же исповѣдовались моя мать, бабушка и сестра. Онъ скончался въ глубокой старости около 1835 года и погребенъ въ Лаврѣ, недалеко отъ могилы о. Аѳанасія.

ТОЛСТАЯ

дѣвица графиня Аграфена Степановна, родная сестра моего отца. Въ многолюдныхъ семействахъ рѣдко бываетъ продолжительный міръ; братья отца моего ссорились между собою почти безпрерывно, хотя знали виновницу всѣхъ ссоръ и непріятностей. Бабушка моя, по слабости характера, находилась постоянно подъ вліяніемъ второй своей дочери, графини Аграфены Степановны, оставшейся на всю жизнь дѣвицею по уродливости тѣлосложенія (у ней было два большихъ горба—спереди и сзади), но очень умной и еще болѣе хитрой; она имѣла необыкновенное искусство подводить подъ гнѣвъ матери братьевъ и сестеръ, если сама была ими недовольна. Такъ, по ея милости, былъ выгнанъ изъ дому и даже проклятъ матерью одинъ изъ ея сыновей графъ Ѳедоръ Степановичъ, отставной гвардіи поручикъ. При началѣ войны XII года онъ снова опредѣлился на службу и пріѣзжалъ передъ походомъ просить прощенія у матери, но мать не пустила его на глаза и не хотѣла благословить. Въ одинъ зимній вечеръ, когда бабушка жила еще въ Симбирской своей деревнѣ, куда уѣхала передъ нашествіемъ французовъ на Москву, Аграфена Степановна вдругъ страшно вскрикнула и упала безъ памяти. Когда привели ее въ чувство, узнали, что передъ нею на яву показался братъ ея Ѳедоръ, въ длин-

номъ бѣломъ саванѣ, съ гнѣвнымъ видомъ и погрозилъ ей пальцемъ. Впослѣдствіи получено извѣстіе, что онъ умеръ отъ горячки на походѣ, въ Могилевской губерніи, въ тотъ самый день и часъ, когда явился сестрѣ. Впечатлѣніе ужаса было въ ней такъ сильно, что послѣ того во всю жизнь она не могла спать одна въ комнатѣ и часто вскрикивала во снѣ.

МУРАВЬЕВЪ

Андрей Николаевичъ, духовный писатель и ревнитель православной вѣры, принадлежалъ къ знаменитому семейству. Отецъ его, Николай Николаевичъ, былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ основателей Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и какъ учредитель школы колонновожатыхъ. Изъ числа родныхъ братьевъ его одинъ, графъ Михаилъ Николаевичъ сослужилъ вѣрную и навсегда незабвенную службу Царю и Отечеству энергическимъ усмиреніемъ повстанья въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а другой, Николай Николаевичъ, бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, прославился покореніемъ Карса.

Литературную дѣятельность Андрей Николаевичъ началъ рано. Одно изъ первыхъ его произведеній (1828 года), трагедія въ стихахъ «Битва при Тиверіадѣ», уже обнаружило въ молодомъ писателѣ живое религіозное чувство: рѣчи одного изъ дѣйствующихъ лицъ—пустынника Іосселина Едесскаго—дышатъ библейскою поэзіею Плача Іереміина на развалинахъ Іерусалима. Эта трагедія, неудавшаяся на сценѣ, напечатана авторомъ, вмѣстѣ съ историческимъ предисловіемъ въ послѣдній годъ его жизни.

Вскорѣ по написаніи «Битвы при Тиверіадѣ», А. Н. предпринялъ первое свое странствіе для поклоненія Гробу Господню и, по возвращеніи въ Россію, издалъ «Путешествіе къ св. мѣстамъ на Востокѣ»—книгу, имѣвшую въ свое время громадный успѣхъ. Она первая ознакомила современныхъ

русскихъ читателей съ святынями палестинскими; своимъ чистымъ, живымъ, увлекательнымъ словомъ, она возбудила въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ охоту къ духовному чтенію. Неутомимый А. Н. спѣшилъ воспользоваться возбужденною имъ духовною жаждою: одно за однимъ стали появляться благочестивыя его произведенія: Мысли о православіи при посѣщеніи святынь русскихъ; Русская Ѳиваида на сѣверѣ; Римскія письма; Грузія и Арменія; Письма о богослуженіи восточной церкви; Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства; Житія святыхъ Россійской церкви, также иверскихъ и славянскихъ; Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ; Исторія русской церкви; Кіевъ съ его святынями — и множество мелкихъ сочиненій, заглавія которыхъ я не припомню. Читая его сочиненія, не знаешь, чему болѣе удивляться: неусыпной ли дѣятельности писателя, или горячему его усердію къ православной вѣрѣ и народности русской.

Многія изъ сочиненій А. Н. были плодомъ многократныхъ путешествій по Востоку и Западу и по отдаленнымъ краямъ обширнаго нашего отечества. Путешествія его на Востокъ сблизили его съ тамошними іерархами, которые нашли въ немъ постояннаго — усерднаго ходатая о всѣхъ нуждахъ нашихъ бѣдствующихъ единовѣрцевъ и почтили А. Н. титломъ епитропа (попечителя) патріаршихъ престоловъ. Памятниками попеченій А. Н. о церквахъ восточныхъ служатъ: устройство въ Москвѣ Антіохійскаго, Александрійскаго и Іерусалимскаго подворій, основаніе новаго скита Русскаго на Аѳонѣ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, возстановленіе утраченнаго общежитія въ обители Зографской и сборъ подаяній (до 25 т. рублей) для возстановленія изъ развалинъ великолѣпной базилики въ Мурахъ Ликійскихъ, гдѣ было нѣкогда мѣсто покоя святителя и чудотворца Николая.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, не смотря на ослабленіе силъ отъ старости и начинающейся болѣзни, А. Н. еще разъ предпринялъ путешествіе на Аѳонъ, съ цѣлію примиренія греческихъ монаховъ съ русскими въ обители святаго

Пантелеимона. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ успѣха въ своемъ добромъ намѣреніи, и это отравляло скорбію послѣдніе дни ревностнаго паломника.

По дѣламъ восточныхъ церквей А. Н. велъ обширную переписку съ патріархами и другими святителями греческими. Особенно замѣчательна была эта переписка въ послѣднее время, когда возникъ раздоръ между греками и болгарами. Она напечатана въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи».

Много также переписывался покойный съ русскими архипастырями. Письма къ нему незабвеннаго Московскаго святителя Филарета напечатаны имъ вскорѣ по кончинѣ владыки, много содѣйствовавшаго литературной дѣятельности А. Н. своими наставленіями и исправленіями первыхъ трудовъ его.

Не мало потрудился А. Н. для Церкви русской. Служба его при св. Синодѣ, по отзыву блаженной памяти Филарета, митрополита Московскаго (лично мною слышанному), была «многоплодна», по живому участію его во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ, гдѣ бы они ни происходили. А когда онъ оставилъ службу, неотступность и ревность его въ ходатайствѣ предъ лицами, власть имѣющими, духовными и свѣтскими, переходила иногда границы общепринятыхъ приличій и тѣмъ возбуждала противъ него разныя неудовольствія; но горячій ревнитель добра не смотрѣлъ на это и неуклонно, почти всегда съ успѣхомъ преслѣдовалъ свои цѣли. Къ чести покойнаго нужно сказать, что при всѣхъ непріятностяхъ, какія случалось ему испытывать, по милости неуклончиваго характера, онъ ни къ кому не питалъ вражды: добрая отъ природы душа его за крайне рѣдкими исключеніями была чужда злопамятства и мстительности.

Въ Кіевѣ, гдѣ онъ поселился въ 1859 году, А. Н. оставилъ по себѣ добрую память: настойчивыми его стараніями возобновленъ въ 1861 году знаменитый крестный ходъ, въ день памяти св. Владиміра Равноапостольнаго, на мѣсто крещенія Руси, очищена и украшена Крещатицкая часовня, къ которой направляется эта священная процессія, построена на исходатайствованную имъ сумму каменная церковь въ с. Выше-

городѣ, на древнемъ основаніи храма, воздвигнутаго нѣкогда Мономахомъ, тамъ, гдѣ почивали нѣкогда мощи св. князей— страстотерпцевъ, Бориса и Глѣба. Особеннымъ предметомъ попеченій А. Н. былъ великолѣпный храмъ Андреевскій, котораго онъ былъ постояннымъ ктиторомъ. Этотъ храмъ обязанъ ему не только многими внутренними украшеніями, но и сохраненіемъ своей цѣлости: когда стѣны церкви стали уже подвергаться трещинамъ отъ вліянія ключей, вытекавшихъ подъ нимъ изъ горы, А. Н. исходатайствовалъ средства для отведенія этихъ ключей и для подкрѣпленія основаній храма подземными сводами, въ которыхъ устроена имъ пещерная церковь во имя препод. Сергія Радонежскаго, гдѣ онъ и погребенъ.

По мысли А. Н. учреждено въ Кіевѣ Свято-Владимірское Братство, въ 1864 году, въ ту эпоху, когда подъ вліяніемъ скорбныхъ событій послѣдняго мятежа, въ Кіевѣ выработывалась мысль о необходимости противостать латино-польской пропагандѣ совокупными общественными силами. Въ описаніи открытія Братства покойный А Н. говоритъ: «прошедшая исторія края свидѣтельствуетъ, что все завѣтное, родное у здѣшняго населенія, сохранилось преимущественно подъ сѣнію православной церкви, что въ ней одной заключалась та неодолимая сила, предъ которою сокрушались насилія и козни враговъ. Развитіе и укрѣпленіе въ духѣ народномъ этой силы, предприняли и учредители Кіевскаго Свято-Владимірскаго Братства, поставивъ себѣ главною задачею содѣйствовать зависящими отъ него средствами усиліямъ мѣстнаго населенія и преимущественно православнаго духовенства, въ противодѣйствіи латино-польской пропагандѣ. Впослѣдствіи задача Братства нѣсколько измѣнилась: въ отчетѣ его за 1870 годъ мы читаемъ: «если при самомъ учрежденіи Братства главныя дѣйствія его были направлены къ утвержденію православія въ народѣ противъ латино-польской пропаганды, которая сильно дѣйствовала тогда во всѣхъ слояхъ общества, то теперь, когда эта пропаганда значительно ослабѣла въ юго-западномъ краѣ, усилился другой

элементъ—еврейскій, не менѣе опасный,—хотя не столько въ политическомъ, сколько въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи. Для первоначальнаго внушенія истинъ вѣры евреямъ, принимающимъ православную вѣру, А. Н., какъ безсмѣнный предсѣдатель Братства со дня его открытія, написалъ «Наставленіе еврею, приготовляющемуся къ св. крещенію». По нѣскольку такихъ оглашаемыхъ постоянно жило въ домѣ А. Н., пользуясь его бесѣдою и руководствомъ.

Какъ памятенъ для меня этотъ домъ или, лучше сказать, эта «усадьба» (какъ называлъ А. Н), между Десятинною и Андреевскою церквами, съ прекраснымъ садомъ, изъ котораго на всѣ стороны открываются живописные виды не только на разныя мѣстности Кіева, но и на историческія окрестности матери градовъ русскихъ! Какимъ живымъ словомъ описывалъ всѣ эти виды въ 1869 году радушный хозяинъ, теперь уже почившій! А мнѣ привелось еще разъ,—въ 1874 году,—взглянуть на этотъ садъ, погулять въ немъ вмѣстѣ съ А. Н., тогда уже, больнымъ, и въ послѣдній разъ насладиться увлекательною его бесѣдою за нѣсколько дней до его кончины.

Тогда онъ опять показалъ мнѣ всѣ сокровища святыни, собранныя въ его моленной, которыя я прежде осматривалъ съ М. М. Евреиновымъ. При этомъ я старался удержать въ памяти, сколько могъ, и потомъ поспѣшилъ записать весь разговоръ покойнаго.

«Вотъ все, сказалъ А. Н., чѣмъ благословилъ меня Господь во время моихъ странствій, съ тѣхъ поръ какъ впервые посѣтилъ я Палестину и съ однимъ только посохомъ перешелъ Іорданъ, по слову древняго путника Израиля. Послѣ же вторичнаго посѣщенія святыхъ мѣстъ у меня достаточно собралось предметовъ древности и святыни. Нельзя мнѣ съ точностію историческою опредѣлить время каждой вещи, однако я постараюсь сказать все, что̀ знаю о нихъ любопытнаго и какимъ образомъ онѣ мнѣ достались. Кстати упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ, подаренныхъ мною другимъ лицамъ и мѣстамъ.

«Такъ, по счастливому случаю, было мною пріобрѣтено въ Неаполѣ деревянное Распятіе, высокой рѣзьбы XVI вѣка, которое найдено въ Сициліи, близь Агригента, безъ рукъ и безъ креста. Одинъ русскій художникъ (Кузнецовъ), указанный мнѣ извѣстнымъ нашимъ ваятелемъ Витали, придѣлалъ къ Распятію недостающія руки съ чрезвычайнымъ искусствомъ, такъ что нельзя отличить ихъ отъ древней работы. Распятіе сіе утверждено на деревянной голгоѳѣ, въ которую вставлены настоящіе камни палестинскіе, данные мнѣ въ Грузіи архимандритомъ Іерусалимскимъ Іаковомъ. У самаго подножія креста — частица отъ Гроба Господня; лѣвѣе — частица отъ Гроба Богоматери и кусокъ отъ настоящей скалы Голгоѳской. Съ правой стороны креста вставленъ камень изъ пещеры Предтечевой, что въ Горней, а впереди еще три камня: круглый — изъ Іордана, принесенный мною въ первое мое путешествіе, кусокъ мрамора отъ престола древняго христіанскаго храма въ Пицундѣ (въ Абхазіи), гдѣ проповѣдывалъ апостолъ Андрей Первозванный, а между ними золотистый мозаикъ изъ древняго Соломонова храма. Вотъ сколько воспоминаній въ одной сей малой Голгоѳѣ.

«Когда Ихъ Императорскія Высочества, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и Цесаревна удостоили своимъ посѣщеніемъ мою скромную усадьбу въ Кіевѣ и осматривали образную, я имѣлъ счастіе поднести это Распятіе Государынѣ Цесаревнѣ.

«Назову другіе предметы западнаго искусства. Круглый каменный образъ, Крещеніе Господне XVI вѣка, называемый pietra di Arno потому, что находятъ такіе камни въ рѣкѣ Арно, привезенъ изъ Флоренціи. Живописецъ воспользовался жилами камня для изображенія Іордана и облаковъ; искусною кистью написаны колѣнопреклоненный Спаситель, крещаемый Предтечею и два предстоящихъ ангела. Это произведеніе Флорентинской школы достойно вниманія по своему искусству.

«Икона Константинопольской Божіей Матери, изваянная изъ слоновой кости, пріобрѣтена мною въ Амальфи, при по-

клоненіи мощамъ св. апостола Андрея Первозваннаго; она можетъ быть отнесена къ IX вѣку. Для меня же весьма памятно, какимъ образомъ пріобрѣлъ я это сокровище. Посѣтивъ гробницу моего патрона, въ самый день памяти перенесенія святыхъ мощей его въ Амальфи, 8 мая, я скорбѣлъ душевно, что на западѣ нѣтъ возможности получать въ благословеніе иконы святыхъ. Въ эту самую минуту, какъ бы угадавъ мою тайную мысль, проводникъ мой предложилъ мнѣ купить одну антику, найденную имъ въ развалинахъ сосѣдней крѣпости Равеллы; но я сперва не обратилъ вниманія на его слова. Однако въ самый часъ отъѣзда моего изъ Амальфи, онъ принесъ мнѣ свою такъ-называемую антику. Но каково было мое изумленіе, когда я увидѣлъ древнюю икону Богоматери! Я принялъ ее, какъ благословеніе отъ моего ангела, первозваннаго Апостола, и послалъ освятить на самый гробъ его, дабы она всегда была для меня памятникомъ посѣщенія мѣста его земнаго покоя. Нельзя и не должно приписывать случаю такія неожиданныя встрѣчи; напротивъ того съ благовѣніемъ должно останавливать на нихъ свою мысль, какъ для собственнаго назиданія, такъ и для душевной пользы другихъ.

«Эта икона святителя Николая въ странной западной одеждѣ, съ тремя отроками въ чанѣ, коихъ избавилъ онъ отъ смерти, есть вѣрная копія съ той, которая стоитъ въ Бари надъ его гробомъ.

«Отъ древностей запада перехожу къ болѣе близкой моему сердцу святынѣ восточной, собственно палестинской. Вотъ сокровище, мною самимъ принесенное изъ Іерусалима: оно хранится въ ковчегѣ изъ масличнаго дерева Геѳсиманскаго сада, украшенномъ раковинами Виѳлеемскими, и гербами Іерусалима; все это было освящено на Св. Гробѣ. Тутъ и камень отъ самаго вертепа гробнаго, отсѣченный послѣ бывшаго въ 1808 году пожара, и мраморъ отъ помоста святой кувукліи, или гробовой пещеры, и кусокъ Голгоѳской скалы, и часть камня, на коемъ помазано было ароматами тѣло Господа, и камень отъ гроба Богоматери изъ

Геѳсиманіи; все это дано мнѣ руками самого намѣстника патріаршаго въ Іерусалимѣ, Мелетія, митрополита Петры Аравійской. Я присоединилъ къ симъ сокровищамъ камень, взятый мною изъ Виѳанской гробницы воскресшаго Лазаря, другой—изъ Іордана и еще одинъ изъ пещеры Предтечевой въ Горней, и мраморъ отъ гробницы первозваннаго Апостола въ древнихъ Патрахъ, гдѣ онъ пострадалъ.

«Здѣсь есть у меня и вѣтвь отъ элеонской маслины, которую самъ я сорвалъ въ Геѳсиманскомъ саду, еще въ первое мое путешествіе. Есть и раковины Іерусалимскія, съ изображеніемъ Благовѣщенія и Воскресенія Господня, и великаго отшельника Палестинскаго Саввы, и вѣтвь отъ пальмы, имъ насажденной въ юдоли плача, и лозы іорданскія для паломническаго посоха, и вода въ серебряномъ сосудѣ, вмѣстѣ іорданская и богоявленская, ибо воды завѣтной рѣки освящены были по литургіи богоявленской. Сосудъ сей слитъ Арабами Іерусалима, по древнему образцу; на немъ изваяна виноградная вѣтвь съ греческою надписью вокругъ креста, съ одной стороны: «елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся,» а съ другой вокругъ изображенія голубя: «во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Тройческое явися поклоненіе.» Другой серебряный сосудъ весьма древній, весь усыпанный лиліями рыцарскихъ королей Іерусалима, нашелъ я тамъ въ патріаршей ризницѣ и наполнивъ его іорданскою водою, по возвращеніи моемъ поднесъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

«Греческое Евангеліе среброкованное, которое употреблялось долгое время на святомъ гробѣ, дано мнѣ было въ благословеніе намѣстникомъ патріаршимъ Мелетіемъ. Вотъ такъ-называемыя ваіи, или плетеныя пальмы, употребляемыя въ Іерусалимѣ при крестныхъ ходахъ Вербнаго Воскресенія. Эти именно пальмовыя вѣтви внушили Лермонтову прекрасные стихи его «Вѣтка Палестины». Однажды, въ минуту душевнаго смущенія, онъ пришелъ просить моего участія и, не заставъ меня дома, долго оставался въ глубокой думѣ въ моей образной; когда же я возвратился, то нашелъ на

столѣ исписанный имъ листъ бумаги и прочелъ гармоническіе стихи, которые доселѣ у меня хранятся въ подлинникѣ. Особенно замѣчательна послѣдняя строфа:

„Прозрачный сумракъ, блескъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.“

«Скажу теперь о другихъ священныхъ предметахъ, преимущественно о иконахъ, принесенныхъ мною изъ Св. Земли. Складни древняго греческаго письма, на коихъ написанъ Деисусъ, т.-е. Господь Іисусъ Христосъ на престолѣ, при предстояніи Матери Божіей и Предтечи,—найдены въ лаврѣ св. Саввы, въ той пещерѣ, гдѣ нѣкогда спасался сей великій подвижникъ юдоли плача. Правильность перстосложенія Спасителя можетъ служить обличеніемъ для любителей мнимой старины. Оттуда была и древняя икона чудотворца Николая, которую обложилъ я серебрянымъ окладомъ и приложилъ къ ней отломокъ мраморной гробницы Святителя, добытый мною при посѣщеніи Мѵры-Ликійской. Я пожертвовалъ ее въ Кіевскую Десятинную церковь, что близь моей усадьбы, но она была похищена оттолѣ старовѣрами кіевскими въ 1864 году. Изъ лавры же Освященнаго Саввы принесъ я старую икону Преображенія Господня. Иконою трехъ великихъ отшельниковъ, положившихъ начало житія иноческаго въ Египтѣ и Палестинѣ, св. Антонія, Евѳимія и Саввы, благословилъ меня покойный игуменъ Саввиной лавры Іоасафъ, достойный ихъ подражатель по своей необычайно-строгой жизни; онъ же далъ мнѣ изображеніе апостола Павла, IX вѣка, на пергаментѣ, и псалтирь греческій того же времени, изъ библіотеки Іустиніановой башни, который пожертвовалъ я въ книгохранилище Московской патріаршей ризницы.

«Собственно изъ Іерусалима принесъ я еще иконы Предтечи и верховныхъ Апостоловъ, весьма древнія изъ женской обители великой Панагіи, которая была нѣкогда подворьемъ Геѳсиманскимъ и гдѣ спасалась святая Меланія Римская.

Апостолъ Петръ вмѣсто ключей, съ нимъ неразлучныхъ по западному образцу, держитъ въ рукахъ камень исповѣданія своей вѣры, что весьма замѣчательно.

«Небольшая икона Предтечи, въ серебряномъ окладѣ, принесена мною изъ убогой церкви, что на развалинахъ Мѵры Ликійской, съ большимъ кускомъ мрамора отъ гроба великаго чудотворца, который я пожертвовалъ въ Лавру Троицкую.

«Было у меня древнее изображеніе лика Богоматери, изсѣченное на полудрагоцѣнномъ камнѣ ясписѣ и отдѣланное въ золотой медальонъ. Оно найдено было въ развалинахъ Никеи и прислано мнѣ изъ Луизіаны однимъ американцемъ, спутникомъ моимъ въ Палестинѣ; я поднесъ его Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ, при посѣщеніи ею Кіева.

«Много странствовала и Владимірская икона Богоматери, въ древнемъ позлащенномъ окладѣ, которую прислалъ мнѣ въ благословеніе патріархъ Александрійскій Іероѳей 11-й. По мѣстному преданію, она была дана отъ царя Алексія Михайловича одному изъ предмѣстниковъ Іерофея на каѳедрѣ Александрійской, патріарху Паисію.

«Отъ воспоминаній палестинскихъ перейдемъ къ аѳонскимъ, потому что со Святой горы наиболѣе принесъ я священной древности, пользуясь всѣми случаями, чтобы пріобрѣсти духовныя сокровища, на которыя тамъ не всегда обращали должное вниманіе. Малая икона св. Аѳанасія начальника общежитія Аѳонскаго, есть вѣрный портретъ сего великаго подвижника, по сходству съ его ликомъ, какой встрѣчается во многихъ обителяхъ св. горы. Она хранилась въ ковчегѣ со св. мощами, въ великой лаврѣ Аѳанасіевой, и епитропы благословили меня сею иконою при посѣщеніи ихъ обители.

«Упомяну о иныхъ аѳонскихъ иконахъ: одна Матери Божіей, весьма древняя и едва ли не грузинскаго письма, въ серебряномъ окладѣ, пріобрѣтена въ лаврѣ Иверской; другая такъ-называемая Триморфіонъ, т.-е. треобразная (Спаситель съ Богоматерію и Предтечею) была царственнымъ вкладомъ одного изъ Палеологовъ, спасавшихся въ обители

Ватопедской; ею меня благословили епитропы сей великой лавры. Еще нѣсколько древнихъ иконъ собрано мною въ разныхъ мѣстахъ св. горы, какъ-то архангеловъ и Влахернской Божіей Матери изъ келлій Карейскихъ, великомучениковъ Пантелеимона и Димитрія изъ обители Русика. Я пожертвовалъ сію послѣднюю во вновь устроенную греческую церковь въ сѣверной столицѣ нашей, во имя Димитрія Солунскаго. Икона сербскихъ царственныхъ иноковъ, Симеона и Саввы; получена изъ Хиландарской ихъ лавры.

«Но всѣхъ драгоцѣннѣе, по древности и искусству, двѣ иконы аѳонскія: одна Первозваннаго Апостола, писанная на холстѣ повергъ дерева, дана мнѣ въ благословеніе отъ лица всѣхъ предстоятелей аѳонскихъ въ Карей, изъ ихъ главнаго собора; другая же Дванадесять Апостоловъ, также на доскѣ и холстѣ, по мѣстному преданію, принадлежитъ кисти великаго художника Панселина, который слыветъ Рафаэлемъ Византійскимъ и скончался инокомъ въ лаврѣ Ватопедской, въ 1080 году. Это верхъ искусства иконописнаго, по выраженію лицъ и движенію одежды. Я пожертвовалъ сію драгоцѣнную икону въ новый Румянцовскій музей, устроенный въ Москвѣ, но у меня сохранилась ея хромолитографія весьма отчетливая.

«Въ той же обители Пантократора, откуда получена мною икона св. Апостоловъ, случайно нашелъ я икону Спасителя съ такою надписью на задней дскѣ: «отъ боярина Никиты Романовича Юрьева,» т.-е. отъ брата царицы Анастасіи и отца патріарха Филарета. Сейчасъ же я послалъ ее Великому Князю Константину Николаевичу, который не задолго до меня посѣтилъ св. гору, и она хранится въ его домовой церкви Мраморнаго Дворца, какъ родовое благословеніе его предковъ. Была у меня одна фреска аѳонская, снятая кусками со стѣны обители Пантократора, которую нѣкогда великолѣпно расписала кисть другаго Панселина—Солунскаго, жившаго въ XIV вѣкѣ. Недавно живописцы молдавскіе предложили монашествующимъ обновить яркими красками поврежденную отъ времени живопись Панселинову и сбили

старую штукатурку, такъ что отъ нея сохранилось весьма немного. Я слышалъ, что фигура спящаго Спасителя въ младенческомъ возрастѣ, бывшая надъ западными дверями, цѣлымъ кускомъ снесена въ кладовую, и съ трудомъ могъ найти ее тамъ, уже разбитую на четыре части; однако я собралъ и склеилъ, что̀ только было возможно; и это составило прекрасную фреску. Я ее также пожертвовалъ въ музей Московскій, при моемъ переселеніи въ Кіевъ, изъ опасенія, чтобы не пропала послѣ меня такая драгоцѣнность.

«Сохранилась у меня и память пустыннаго Синая: остатокъ древнихъ его святцевъ, три мѣсяца: декабрь, январь и февраль, писанныхъ на деревѣ, съ греческими надписями; они были спасены однимъ русскимъ богомольцемъ отъ огня, которому предназначались; судя по живописи можно отнести ихъ къ X или XI вѣку.

«Вотъ большая икона Крестителя Іоанна, писанная вѣроятно въ XIV вѣкѣ, судя по характеру письменъ на хартіи, которую держитъ: «покайтеся, приближися бо царствіе небесное». Это вѣрная копія съ древней мозаики которая уцѣлѣла еще изъ Софійскаго храма и доселѣ соблюдается въ патріаршей соборной церкви Царьграда, и вмѣстѣ съ тѣмъ это есть типъ всѣхъ древнихъ иконъ Предтечи. Патріархъ Цареградскій Константій хотѣлъ дать сію икону, въ числѣ четырехъ, въ походныя церкви нашихъ полковъ, когда въ 1834 году, подъ начальствомъ брата моего (Николая Николаевича), стояли они на берегахъ Босфора, для защиты Оттоманской столицы противъ Мегемета, паши Египетскаго; но такъ какъ перстосложеніе у Предтечи показалось сомнительнымъ, то братъ мой просилъ патріарха прислать иную икону, и Константій отдалъ ее, какъ личное свое благословеніе, моему брату. Другая древнѣйшая икона всѣхъ Святыхъ сходствуетъ, по своему составу, съ такъ-называемою въ Венеціи Palla d'oro, которая украшала нѣкогда престолъ св. Софіи въ Царьградѣ и перенесена крестоносцами въ базилику св. Марка. Весьма замѣчательно, по своей правильности, именословное перстосложеніе Спасителя на сей драгоцѣнной иконѣ.

«Въ Грузіи нашелъ я еще нѣсколько древнихъ иконъ письма греческаго: одна—великаго Антонія, быть можетъ IX в., изящной кисти, пріобрѣтена мною въ пещерной церкви Предтечи. На свиткѣ, который держитъ въ рукѣ преподобный, начертано одно изъ его посланій на греческомъ; перстосложеніе правой руки его самое правильное, именословное, можетъ также обличить нашихъ мудрователей. Небольшая икона св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, съ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, списана съ древняго Евангелія, хранящагося въ Сіонскомъ соборѣ Тифлиса.

«Къ древностямъ грузинскимъ относятся еще серебряныя граненыя четки, принадлежавшія, по древнему преданію, знаменитой царицѣ Тамарѣ. Онѣ были найдены въ горахъ Сванетіи, а мнѣ подарены владѣтелемъ Абхазіи Михаиломъ Ширвашидзе, когда вмѣстѣ съ нимъ мы гостили въ Зугдидѣ, у владѣтеля Мингреліи Дадіана.—Мраморный крестъ, изсѣченный изъ обломковъ престола древней Закубанской церкви, присланъ мнѣ черкесскимъ султаномъ Казы-Гиреемъ, въ память его крещенія, когда онъ обратился въ христіанство. Крестъ же изъ чернаго янтаря, съ бирюзовымъ сіяніемъ, принадлежалъ царямъ имеретинскимъ; меня имъ благословилъ въ Кутаисѣ маститый митрополитъ Давидъ, дядя послѣдняго царя Соломона.

«Нѣсколько снимковъ съ древнѣйшихъ образовъ, собственно русскихъ, были для меня списаны изъ различныхъ нашихъ храмовъ. Такъ отъ древняго иконостаса Боголюбскаго собора во Владимірѣ, котораго иконы были проданы въ село Васильевское графа Шереметева, при нелѣпомъ обновленіи монастырскаго храма въ минувшемъ столѣтіи, сохранились у меня копіи четырехъ святителей греческихъ, Божіей матери и ангела. По мнѣнію художника Подключникова, который очищалъ сіи иконы въ селѣ Васильевскомъ, возвращая имъ древній ихъ видъ, онѣ могутъ быть приписаны кисти знаменитаго Андрея Рублева, иконописца XV вѣка. Не уступаетъ имъ въ древности образъ Кирилла Бѣлозерскаго; можно предполагать, что онъ даже писанъ ученикомъ его Діонисіемъ

Глушицкимъ, который занимался живописью. Я получилъ эту икону въ благословеніе изъ обители Бѣлозерской.

«Нѣкоторыя иконы моей образной, хотя и не древнія, драгоцѣнны однако по своимъ украшеніямъ или по воспоминаніямъ семейнымъ. Образъ Смоленской Божіей матери, сканной работы, въ золотой ризѣ съ вѣнчикомъ, усыпаннымъ бирюзой, принадлежалъ фельдмаршалу графу Чернышеву. Знаменіе Богоматери, благословеніе родительское, украшено также крупною бирюзой.

«Достойна вниманія икона, украшенная яхонтами и изумрудами, которая представляетъ неизвѣстный мнѣ иконостасъ; по семейному преданію Загряжскихъ, она перешла къ нимъ отъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Дорошенки, который погребенъ въ ихъ бывшемъ подмосковномъ помѣстьѣ Ярополецъ.

«Рукописное Евенгеліе старорусскаго письма, съ золотыми узорами въ позлащенномъ окладѣ, подарено мнѣ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, отъ котораго сохраняю много памятныхъ для меня предметовъ, святое его благословеніе въ различныя эпохи моей жизни, какъ-то: лѣпной ликъ Спасителя въ черной рамѣ, и другой также, въ терновомъ вѣнцѣ, на масличномъ деревѣ съ Элеона; эмалевыя иконы моего ангела Андрея Первозваннаго съ апостоломъ Іаковомъ и Иліи пророка, на память дня моего возвращенія изъ Іерусалима; четырехъ святителей Московскихъ и страстотерпцевъ князей Бориса и Глѣба, когда я переселился въ Кіевъ; Предтечи съ сѣкирой у древа, преп. Сергія и сколько еще другихъ... Припоминаю здѣсь нѣкоторые случаи и самые рѣчи святителя, когда благословлялъ меня сими иконами. При моемъ отъѣздѣ въ Римъ, въ 1845 году, владыка, отпуская меня съ опасеніемъ лести іезуитской, вручилъ мнѣ икону преподобныхъ Сергія и Никона и сказалъ: Тотъ, который возвратилъ нѣкогда невредимыми въ православіи пословъ русскихъ съ флорентинскаго собора, да путеводитъ и Васъ обратно изъ Рима»; когда же благословлялъ иконою Предтечи при началѣ войны 1853 года, произнесъ онъ знаменательное слово: «се уже и сѣкира при древѣ лежитъ».

«Рѣшившись переселиться въ Кіевъ, посѣтилъ я въ Москвѣ благодѣтеля моего, почтеннаго старца князя С. М. Голицына, за нѣсколько дней до его кончины. Прощаясь со мною, онъ благословилъ меня родовыми своими складнями, Деисусомъ, а что весьма знаменательно, это случилось 25 января, въ самый день празднованія иконы Богородичной, Утоленія печали, которая изображена на сихъ складняхъ.

«Есть у меня и нѣсколько частицъ древа Креста Господня и св. мощей. При первомъ моемъ посѣщеніи св мѣстъ, намѣстникъ патріаршій, митрополитъ Петры Аравійской, Мисаилъ, прощаясь, возложилъ на меня крестъ съ частицею животворящаго древа въ знакъ рыцарства св. земли; а во второе мое путешестіе, самъ патріархъ іерусалимскій Кириллъ, въ Царьградѣ, во время литургіи, съ молитвою надѣлъ на меня вторично сіе знаменіе честнаго Креста. Патріархъ Антіохійскій Меѳодій, въ Дамаскѣ на пути въ Іерусалимъ, благословилъ меня также крестомъ, съ частицею животворящаго древа, мощей верховныхъ апостоловъ, Златоуста и мученика Харалампія. Отъ царевича грузинскаго Фарнаваза, сына царя Ираклія, получилъ я, въ золотомъ медальонѣ, частицы мощей апостоловъ Андрея Первозваннаго и Іакова, брата Господня, а отъ царицы грузинской Тамары частицу мощей св. великомученика Георгія.

«Образъ св. Алексія митрополита, писанный съ подлиннаго его портрета, который находится въ кельяхъ архіерейскихъ Чудова монастыря, былъ мнѣ данъ въ благословеніе митрополитомъ Филаретомъ и въ рѣзную раму его вставлена частица мощей святителя. Я пожертвовалъ сей образъ князю Абамелеку для храма, который сооружался во имя Московскаго чудотворца на пермскихъ заводахъ, усердіемъ Лазаревыхъ. И теперь еще хранятся у меня, въ большой позлащенной иконѣ св. Антонія и Ѳеодосія, мощи преподобныхъ Печерскихъ, коими лавра благословила нѣкогда фельдмаршала графа Чернышева.

«На иконѣ Казанской Божіей Матери виситъ еще золотой крестъ съ частицею животворящаго древа, принесенный

изъ Іерусалима. Посмотрите наконецъ на икону апостола Андрея Первозваннаго, украшенную богатымъ окладомъ, которая стоитъ отдѣльно въ изящномъ рѣзномъ кивотѣ. Это драгоцѣнная для меня память многихъ моихъ пріятелей, которые принесли мнѣ ее въ даръ, въ день моего ангела, вырѣзавъ на бронзовой доскѣ свои имена. Въ числѣ подписавшихся и бывшій князь сербскій Михаилъ Обреновичъ, столь несчастно погибшій, котораго я тогда руководилъ по святынѣ московской. Апостолъ представленъ водружающимъ крестъ на горахъ кіевскихъ, и онъ созерцаетъ на небѣ будущее орудіе своего страданія, крестъ изъ красныхъ яхонтовъ. На богатомъ сіяніи вокругъ его главы иной крестъ—изъ изумрудовъ, который вѣроятно сіялъ на клобукѣ кого-либо изъ древнихъ святителей нашихъ и былъ мнѣ данъ, въ минуту прощанія, праведнымъ мужемъ, бывшимъ нижегородскимъ епископомъ Іаковымъ. На персяхъ апостола виситъ медальонъ съ дорогимъ яхонтомъ, даръ послѣдней грузинской царицы Маріи, скончавшейся въ Москвѣ. Внутри его хранятся: частица отъ руки Первозваннаго апостола, находящейся въ Успенскомъ соборѣ, часть мощей мученицы-царицы Кетевани Кахетинской, которую мнѣ дала, при своемъ свидѣтельствѣ, царица Марія, бывшая наслѣдницей ея престола; тамъ же и часть отъ животворящаго креста Господня, присланнаго нѣкогда императоромъ Константиномъ Великимъ первому христіанскому царю Грузіи, Миріану, просвѣщенному св. Ниной. Послѣдній же изъ старшаго дома карталинскихъ царей, князь Георгій Александровичъ Грузинскій, удѣлилъ мнѣ частицу отъ сего креста, которую, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище вложилъ я въ завѣтный медальонъ послѣдней царицы Грузіи».

Такъ описывалъ свои священныя сокровища А. Н. уже больной, но еще бодрый духомъ въ послѣдней бесѣдѣ со мною, 7 августа. Одинъ изъ ближнихъ друзей А. Н. писалъ мнѣ, что «покойный не оставилъ по себѣ никакого распоряженія о своемъ имуществѣ». Но, къ счастію, наслѣдники А. Н. пожертвовали всю оставшуюся послѣ него коллекцію

святынь и древностей въ Церковно-Археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи.

Вѣроятно, А. Н. не ожидалъ, что такъ скоро придется ему скончать свое земное теченіе. Не ожидали этого и другіе, но дни больнаго были уже изочтены. Въ праздникъ Успенія Божіей Матери, А. Н. въ послѣдній разъ удостоился причащенія Тѣла и Крови Господнихъ; на другой день преосв. епископъ Филаретъ, ректоръ Кіевской Духовной Академіи, напутствовалъ умирающаго таинствомъ елеосвященія, а 18 августа 1874 года послѣдовала христіанская кончина А. Н, безболѣзненная, непостыдная, мирная.

Миръ душѣ неутомимаго паломника, вѣрнаго сына церкви православной! Господь да вселитъ ее въ обители небеснаго вѣчнаго Іерусалима, и да не оскудѣютъ на лицѣ земли Русской подобные ему дѣятели!

ЕВРЕИНОВЪ

Михаилъ Михайловичъ. Въ послѣднее время его жизни онъ былъ мнѣ искреннимъ другомъ; я глубоко уважалъ и любилъ его.

Да и можно ли было не любить и не уважать М. М. всякому, кто только зналъ его? Это былъ человѣкъ, какихъ мало можно встрѣтить на пути жизни.

Прежде всего, онъ былъ добрый христіанинъ, всегда вѣрный своему христіанскому долгу. Воспитанный благочестивою матерью (отецъ умеръ за нѣсколько дней до его рожденія), М. М. сохранилъ на всю жизнь искреннее, сердечное благочестіе, чуждое всякихъ сомнѣній и лукавыхъ умствованій, любилъ молиться въ храмѣ Божіемъ, любилъ посѣщать св. мѣста, ознаменованныя подвигами угодниковъ Божіихъ, и строго исполнялъ всѣ постановленія церкви. Между прочимъ замѣчательно, что онъ, во все время долгой своей жизни, ни одного раза (какъ я слышалъ отъ него самого)

не нарушилъ поста въ постные дни; даже и въ военной службѣ, въ трудный походъ 1812 года, когда приходилось нерѣдко питаться сухарями съ молокомъ и съ яицами, онъ въ среду и пятницу довольствовался сухарями съ водою.

Вѣрный рабъ Божій былъ и вѣрнымъ другомъ людей. Ласковый ко всѣмъ, онъ охотно служилъ каждому, чѣмъ только могъ, никого не оскорблялъ и не осуждалъ, ни о комъ, даже и о тѣхъ, которые были виноваты предъ нимъ, не отзывался дурно. Сердце его было кроткое, незлобивое, какъ сердце младенца. Безкорыстіе его было образцовое: онъ не только не хотѣлъ воспользоваться чѣмъ-либо чужимъ (хотя и представлялась иногда возможность), но никогда не желалъ чужаго и не завидовалъ чужому богатству, строго исполняя десятую заповѣдь, хотя средства его были весьма ограничены, и онъ жилъ однимъ жалованьемъ, не оставляя службы въ Сохранной Казнѣ Воспитательнаго Дома до самой кончины. Незабвенный архипастырь нашъ, митрополитъ Филаретъ, знавшій коротко покойнаго М. М., однажды отозвался о немъ: «вотъ человѣкъ, которому я ввѣрилъ бы милліоны!»

М. М. любилъ въ особенности читать св. Писаніе и творенія св. Отцевъ, но не чуждался и чтенія историческихъ сочиненій. Послѣ него осталось нѣсколько томовъ выписокъ изъ книгъ и нѣсколько собственныхъ его воспоминаній, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*. На страницахъ *Душеполезнаго Чтенія* помѣщены воспоминанія его о митрополитѣ Филаретѣ и нѣсколько сообщенныхъ имъ писемъ того же святителя къ разнымъ лицамъ. Имя М. М. Евреинова встрѣчается также въ началѣ моихъ путевыхъ писемъ адресованныхъ къ нему изъ древнихъ городовъ русскихъ и напечатанныхъ въ *Душеполезномъ Чтеніи*.

Таковъ былъ добрый нашъ старецъ, о которомъ можемъ безъ лести сказать, что онъ «подвигомъ добрый подвизался, теченіе скончалъ, вѣру сохранилъ». Кончина его была достойна его жизни. Послѣдніе мѣсяцы, не страдая никакимъ особеннымъ недугомъ, онъ постепенно слабѣлъ и угасалъ,

какъ гаснетъ лампада при истощеніи елея. Наканунѣ смерти онъ удостоился причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ и мирно почилъ безъ всякихъ предсмертныхъ страданій, какъ младенецъ, чистый душею. И ликъ усопшаго покойный, свѣтлый сохранилъ выраженіе младенческое.

М. М. Евреиновъ родился 9 сентября 1788 года, скончался 23 декабря 1878 г. за два дня до великаго Христова праздника, котораго не удалось ему отпраздновать на землѣ. Тѣло его погребено въ Московскомъ Даніиловомъ монастырѣ.

АНТОНІЙ,

архимандритъ, намѣстникъ Сергіевой Лавры. Онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ православнаго монашества въ наше время. Человѣкъ самаго незнатнаго происхожденія достигъ такой извѣстности, что его знала не только вся Россія, но и многія лица за границею, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Не получивъ никакого школьнаго образованія, онъ обладалъ такими познаніями и такимъ умомъ, что самъ Филаретъ нерѣдко просилъ его совѣтовъ и пользовался ими. Занимая невысокое мѣсто намѣстника Троицкой Лавры, онъ получилъ знаки отличія, рѣдко даваемые настоятелямъ монастырей ставропигіальныхъ и пользовался такимъ вниманіемъ Царственныхъ Особъ, какого удостоиваются немногіе изъ архіереевъ. Конечно, онъ достигъ всего этого не въ началѣ, а въ концѣ своего поприща, послѣ 40-лѣтняго управленія Лаврою преп. Сергія.

Сынъ вольноотпущеннаго повара, служившаго по найму у князя Е. А. Грузинскаго, онъ родился въ селѣ Лысковѣ 6 октября 1792 года и при крещеніи названъ Андреемъ. Въ дѣтствѣ онъ обученъ былъ грамотѣ; потомъ отданъ матерью въ ученики къ аптекарю при Лысковской больницѣ. Тамъ полюбилъ его докторъ Деше и заставлялъ подъ своимъ надзоромъ прислуживать больнымъ, объяснялъ ему способы вра-

чеванія и, умирая, отказалъ ему всѣ свои книги. Живой и воспріимчивый юноша скоро пріучился такъ успѣшно помогать больнымъ, что, по смерти Деше, князь поручилъ ему завѣдываніе всею больницею.

Благочестіе и влеченіе къ иночеству рано развились въ душѣ Андрея; въ 1822 году онъ постригся, съ именемъ Антонія, въ Саровской пустыни и вслѣдъ затѣмъ удостоенъ рукоположенія во іерея, а въ 1825 году назначенъ настоятелемъ Высокогорской пустыни. Отсюда вызвалъ его митрополитъ Филаретъ слѣдующимъ письмомъ: «Мысль, которую я вчера имѣлъ, но не успѣлъ сказать, сегодня, предваривъ меня, сказалъ мнѣ другой (одинъ благочестивый странникъ), и сіе внезапное согласіе сдѣлалось свидѣтельствомъ того, что мысль пришла не даромъ: сія мысль есть надежда, что, при помощи Божіей, благоугодно Богу и преп. Сергію, можете вы послужить въ Лаврѣ, гдѣ упразднилось мѣсто на мѣстника. Призвавъ Бога и взыскуя Его воли, а не моей, приглашаю васъ на сіе служеніе. Да будетъ вамъ благимъ побужденіемъ то, что это не ваша воля, и что я васъ призываю, какъ послушникъ преп. Сергія, который о вашемъ послушаніи будетъ благій предъ Богомъ о васъ свидѣтель и за васъ предстатель».

Прибывъ въ Москву, Антоній 15-го марта посвященъ въ санъ архимандрита Виѳанскаго монастыря, а 19 числа пріѣхалъ въ Лавру и вступилъ въ должность намѣстника, 39 лѣтъ отъ роду, въ полной крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Первые труды новаго намѣстника Лавры состояли въ исправленіи ветхостей и въ устройствѣ надлежащаго порядка тамъ, гдѣ были допущены упущенія. Я зналъ Лавру задолго до поступленія туда Антонія и не могъ не замѣтить многихъ улучшеній.

Онъ засталъ въ Лаврѣ менѣе 100 человѣкъ братіи (монаховъ и послушниковъ); доходы простирались до 100.000 р. ассигнаціями. Ограды съ башнями, жилые корпуса и самые храмы требовали немедленныхъ исправленій; въ заднихъ

углахъ монастыря свалены были соръ и всякая нечистота. Изъ благотворительныхъ заведеній существовала одна только женская богадѣльня на 60 старухъ, но каждая изъ нихъ должна была сама себѣ доставать пропитаніе. Иконописное мастерство держалось еще по старому преданію, но только два или три человѣка приходили въ мастерскую, впрочемъ и тѣ добывали себѣ пропитаніе болѣе малярною работою нежели живописью.

По уставу, Лавра управляется духовнымъ соборомъ, а намѣстникъ есть только первый членъ его. Предшественникъ Антонія, старецъ Аѳанасій, не имѣлъ охоты, а можетъ быть и способности, взять на себя все бремя управленія Лаврою; дѣлами ея управлялъ соборъ. Митрополитъ Филаретъ вообще не любилъ коллегіальнаго управленія, при которомъ нѣтъ прямо отвѣтственнаго лица, а потому желалъ, чтобы подъ его надзоромъ все управленіе Лавры сосредоточено было въ лицѣ намѣстника.

Въ самомъ началѣ своей службы о. Антоній старался увеличить благочиніе при совершеніи церковной службы. Указавъ каждому свое мѣсто и свои обязанности при служеніи, онъ потребовалъ, чтобы всѣ монахи въ мантіяхъ ходили въ церковь и каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ. Тогда же устроилъ онъ новыя облаченія, приличныя для соборныхъ служеній. Холера, ослабѣвшая въ Москвѣ, но еще крѣпко державшаяся въ окрестныхъ селеніяхъ, побудила къ предохранительнымъ мѣрамъ: обращено было заботливое вниманіе на улучшеніе трапезы какъ общей для братіи, такъ и больничной. Въ эти заботы входило и лучшее устройство трапезной палаты съ поварнею и хлѣбопекарнею.

Громадная монастырская ограда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась непрочною, дала большія трещины; верхи и кровли башень грозили паденіемъ, такъ что пришлось переложить до основанія болѣе 50 сажень ограды, исправить и перекрыть вновь 10 башень. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. Антоній занялся очищеніемъ заднихъ угловъ монастыря, развелъ тамъ красивые садики, вымостилъ дороги и площадь передъ монастыремъ.

Въ октябрѣ 1834 года посѣтилъ Лавру Государь Императоръ Николай I и послѣ сказалъ митрополиту, что нашелъ ее въ несравненно лучшемъ противъ прежняго видѣ.

Отцу Антонію принадлежитъ первая мысль объ основаніи скита на Корбухѣ, и онъ написалъ о томъ митрополиту. «Мысль о скитѣ», отвѣчалъ Филаретъ отъ 18-го сентября 1841 года, «очень вожделѣнна, но требуетъ не малаго размышленія. Корбуха не довольно безмолвна, хотя бы и ограждена была. Виѳанія была бы безмолвнѣе, еслибы не семинарія. Если шумъ тростника, какъ замѣтилъ нѣкто изъ отцевъ, не благопріятствуетъ безмолвію, не больше ли многое, слышанное на Корбухѣ и изъ посада, и отъ близъ лежащей дороги, особенно когда ѣдутъ по ней послѣ торга и винопитія? Желаю говорить о семъ болѣе лично». Два года спустя, священникъ села Подсосенья, (принадлежавшаго нѣкогда Лаврѣ) просилъ дозволенія разобрать деревянную Успенскую церковь въ этомъ селѣ и матеріалъ употребить на отопку печей въ новой каменной церкви. О. Антоній, по осмотрѣ церкви, донесъ митрополиту, что церковь начинаетъ приходить въ ветхость, но легко можетъ быть исправлена и простоять долго; желательно было бы сохранить ее, какъ примѣчательную по кораблевидному фасаду и потому, что она выстроена препод. Діонисіемъ, архимандритомъ Лавры. Митрополитъ согласился съ мыслію намѣстника; церковь была перевезена на Корбуху и поставлена въ глубинѣ рощи, далеко отъ шума большой дороги. Къ церкви пристроенъ былъ домъ для лѣтняго пребыванія митрополита; тогда же собралось небольшое число подвижниковъ и постниковъ, не смотря на строгій уставъ новаго скита. Такимъ образомъ, основаніе этого убѣжища для любителей безмолвія было дѣломъ о. Антонія. Филаретъ писалъ къ нему въ 1847 году: «Геѳсиманскаго скита не было бы, еслибы на вашемъ мѣстѣ былъ другой, даже изъ пользующихся моею довѣренностію; потому что, не довѣряя себѣ, не имѣлъ бы я довольно довѣренности къ тому, что дѣло сдѣлается порядочно, не будетъ затрудненія въ способахъ, и можно надѣяться

нѣкотораго духовнаго плода. Только полная довѣренность къ вашему духовному разсужденію и къ чистотѣ намѣренія расположили меня рѣшиться на дѣло, не принимая въ разсчетъ возможныхъ непріятностей за несоблюденіе формы предъ начальствомъ».

Въ скитѣ устроилось еще нѣсколько церквей; въ числѣ ихъ особенно заслуживаетъ вниманія небольшой храмъ въ честь Воскресенія Христова, въ которомъ вмѣсто колоннъ въ иконостасѣ и вокругъ престола, поставлены зеленѣющія пальмовыя деревья, такъ искусно сдѣланныя, что съ перваго взгляда можно почесть ихъ за натуральныя.

Много лѣтъ, радуясь постепеннымъ улучшеніямъ въ Лаврѣ, я пользовался добрымъ расположеніемъ о. намѣстника Антонія, но позднѣе два раза подвергался его негодованію.

Въ первый разъ въ 1858 году. когда жена моя, выѣхавъ изъ деревни въ Москву, была захвачена родовыми болями и родила дочь въ Лаврской гостинницѣ. О. Антоній вообразилъ, что мы нарочно поселились на время въ гостинницѣ, чтобы «осквернить» ее дѣторожденіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ подумать, будто бы мы нарочно могли выбрать такое шумное и безпокойное мѣсто для родильницы, когда въ Москвѣ ожидало ее полное спокойствіе въ собственномъ домѣ. Какъ бы то ни было, о. Антоній сильно вознегодовалъ и болѣе года не принималъ меня къ себѣ. Когда я, пріѣхавъ въ Москву, былъ у митрополита Филарета, онъ неожиданно поздравилъ меня съ дочерью. «Мнѣ писалъ объ этомъ о. намѣстникъ», прибавилъ онъ: «удивляюсь, почему онъ огорчился». Видно, о. Антоній жаловался владыкѣ на наше непріятное ему пребываніе въ лаврской гостинницѣ.

Въ другой разъ гнѣвъ о. намѣстника постигъ меня вполнѣ справедливо: во время 1-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ (въ великій постъ 1868 года), отлучившись на одинъ день въ Сергіеву Лавру, я, къ удивленію и ужасу моему, замѣтилъ, что одна изъ старинныхъ иконъ въ иконостасѣ Троицкаго собора (Успенія Б. Матери) поновлена или, лучше сказать, совсѣмъ заново переписана, а другой еще бо-

лѣе замѣчательный образъ Спасителя, работы извѣстнаго иконописца Симона или Пимена Ушакова, взятъ въ живописную палату для поновленія. По возвращеніи въ Москву, я не могъ удержать негодованія и въ первомъ же засѣданіи Съѣзда горячо возсталъ на такое дикое обращеніе съ предметами древности. «Нужно положить предѣлъ такому вандализму какими-либо правительственными мѣрами», говорилъ я; «а иначе можно ожидать, что невѣжественная рука своею грубою кистью замалюетъ храмовую икону Живоначальной Троицы, писанную Андреемъ Рублевымъ». Если бы я зналъ тогда, что слова мои записываются стенографами и на другой день появятся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, я говорилъ бы спокойнѣе и осмотрительнѣе; но къ сожалѣнію я не зналъ этого, и сказанныхъ словъ уже нельзя было воротить. Икона, какъ только о. намѣстникъ узналъ о происходившемъ на съѣздѣ, тотчасъ же была очищена отъ свѣжаго слоя новой краски, и поставлена на свое мѣсто; а о. Антоній вторично прогнѣвался на меня, на этотъ разъ уже не безъ причины съ моей стороны. Впрочемъ, при кончинѣ Володи (см. это слово), добрый и чувствительный старецъ тотчасъ же самъ пришелъ къ намъ, забывъ свое неудовольствіе, и принялъ самое искренное участіе въ нашемъ горѣ.

Отецъ архимандритъ Антоній окончилъ продолжительную и многополезную жизнь свою 12 мая 1877 года. Тѣло его погребено въ Лаврѣ, въ притворѣ Филаретовской церкви.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,

въ Бозѣ почившій Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Въ сентябрѣ 1862 года я былъ ему представленъ въ Новгородѣ попечителемъ Его высочества,—графомъ С. Г. Строгановымъ, поднесъ свою книгу о Новгородскихъ древностяхъ и удостоился весьма благосклоннаго пріема. Тѣмъ сильнѣе была моя скорбь, когда 12 апрѣля 1865 года, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божественнаго Промысла, на далекой чуж-

бинѣ, подъ лазуревымъ небомъ Италіи, угасъ юный Наслѣдникъ Русскаго Царства, съ неземною красотою тѣлесною сочетавшій богатыя дарованія и высокія качества душевныя. Въ самый вечеръ этого дня достигла Россіи роковая вѣсть: «Господь взялъ у насъ нашу надежду!»

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ горестной утраты, богомудрый первосвятитель Московскій Филаретъ, обратился къ Царственнымъ родителямъ почившаго со словами утѣшенія; «кто разрѣшитъ думы, возбужденныя событіемъ двѣнадцатаго дня? Для чего изъ благолѣпнаго сада внезапно унесено младое древо, тщательно возращенное, уже готовое къ плодоношенію, обѣщавшее вожделѣнные плоды? Для чего невидимая рука угасила свѣтлыя надежды, которыя должны были обезпечивать продолженіе свѣта для будущаго Россіи? Неужели не услышаны молитвы Благочестивѣйшихъ Родителей о своемъ первенцѣ, молитвы вѣрнаго народа?

«Успокоительное разрѣшеніе сихъ думъ да ищется въ священномъ словѣ истины: *Кто позналъ умъ Господень? Какъ непостижимы судьбы Его и не изслѣдимы пути Его* (Римл. 11, 33. 34). Но при сей непостижимости, несомнѣнно извѣстно, что *всѣ пути Господни милость и вѣрность къ хранящимъ завѣтъ Его* (Пс. 24, 10).

«Посему несомнѣнно, что вѣренъ Господь и въ услышаніи молитвы. Онъ услышалъ ее, принялъ и исполнилъ, только не по мысли родительской и отечественной любви, которая желала удержать Благовѣрнаго Цесаревича для трудныхъ въ трудныя времена подвиговъ царства земнаго, но исполнилъ по разумѣнію Своего Божественнаго Ума, Который предзрѣлъ, какъ лучшее, то, чтобы скоро призвать его въ царство небесное. Премудрость и любовь Господни присутствовали при семъ рѣшеніи*».

Тогда же и я нашелъ въ отечественныхъ лѣтописяхъ подобное событіе, усматривая въ немъ по благости Божіей нынѣ уже оправдавшееся предзнаменованіе.

---

*) Письма митр. Филарета къ Высочайшимъ Особамъ стр. 7.

«Въ 1223 году скончался въ Новгородѣ князь Ѳеодоръ Ярославовичъ, въ самой ранней юности, чистый дѣвственникъ, прекрасный душой и тѣломъ, старшій сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича и законный наслѣдникъ велико-княжескаго престола всея Руси. Для него уже готова была невѣста, гости-князья собрались и ждали брачнаго пира. Но, по выраженію лѣтописца, «вмѣсто веселія наступилъ плачъ и сѣтованія за грѣхи наши».

«Благовѣрные родители съ христіанскимъ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей перенесли тяжкую потерю; мать почившаго, блаженная великая княгиня Ѳеодосія, возложила печаль свою на Господа, взывая къ Нему: «Ты далъ, Ты и взялъ! Да будетъ благословенно святое имя Твое!» Съ твердою надеждою на Бога, наказующаго и милующаго, она ждала себѣ утѣшенія отъ втораго сына своего Александра...

«Тогда не ошиблись въ своемъ упованіи благочестивые родители почившаго юноши. Новый наслѣдникъ ихъ успѣлъ еще при жизни отца прославиться воинскими подвигами; а вступивъ на престолъ великаго княженія, доблестный князь былъ защитникомъ русскихъ предѣловъ отъ нѣмцевъ, литвы шведовъ, много потрудился для внутренняго устройства Руси и, по блаженной кончинѣ, содѣлался небеснымъ заступникомъ земной родины. Это былъ святый Александръ Невскій.

«Да исполнится и нынѣ надъ Августѣйшими Родителями Усопшаго Царственнаго юноши то благословеніе, котораго удостоились нѣкогда родители святаго князя Ѳеодора, нетлѣнно почивающаго въ Великомъ Новгородѣ, въ храмѣ Софійскомъ.

«Новый Наслѣдникъ Всероссійской Державы да будетъ, какъ тезоименитый Ему Невскій Витязь, утѣшеніемъ Державныхъ Родителей, честію, славою и счастіемъ Россіи» *).

---

*) Эта статья была помѣщена въ Моск. Вѣдом. 15 апр. 1865 года и въ недавнее время напечатана вторымъ изданіемъ.

АѲАНАСІЙ

(Дроздовъ), магистръ 4-го курса Московской Духовной Академіи. По переѣздѣ изъ деревни въ Посадъ, въ 1825 году, я нашелъ его молодымъ баккалавромъ іеромонахомъ. Онъ отличался красивою наружностью, очень бойкими способностями и неутомимымъ трудолюбіемъ, чуждался женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ, какъ отъ заразы; впрочемъ, онъ и вообще не любилъ общества и все время проводилъ надъ книгами. Въ 1828 году возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Пензенской семинаріи. Позднѣе былъ ректоромъ Петербургской Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ епископомъ Винницкимъ, потомъ епископомъ Саратовскимъ и наконецъ архіепископомъ Астраханскимъ. Скончался на покоѣ въ 1876 году. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1832 году и слышалъ отъ него слѣдующій разсказъ: «Когда я пріѣхалъ въ Пензу на должность ректора семинаріи и явился къ преосвященному Иринею, давно уже извѣстному своими странностями, онъ встрѣтилъ меня словами: «вотъ какихъ юношей посылаютъ къ намъ управлять семинаріями,» и вообще принялъ меня очень недружелюбно. Спустя нѣсколько времени мнѣ назначена была проповѣдь на Троицынъ день; я изготовилъ ее и подалъ заранѣе преосвященному, но отъ служенія отказался за множествомъ хлопотъ предъ началомъ экзамена. Стоя въ алтарѣ во время литургіи, я замѣтилъ, что архіерей сердится и кидаетъ на меня косые взгляды. Въ надлежащее время я произнесъ проповѣдь о духѣ страха Божія; но каково было мое удивленіе, когда преосвящ. Иринеи, вышедъ изъ алтаря по окончаніи обѣдни, остановился на амвонѣ и началъ свое слово, въ которомъ увѣрялъ народъ, что я напрасно училъ страху Божію: Бога нужно любить, а не бояться, по слову Апостола: «совершенная любовь изгонятъ страхъ» (1 Іоанна 4, 18). Скандалъ былъ всеобщій. По окончаніи богослуженія, духовенство и высшее

общество отправились къ архіерею на закуску; я же не зналъ, что мнѣ дѣлать: идти или нѣтъ; но рѣшился пойти, чтобъ не прослыть гордецомъ во мнѣніи владыки. Проводя гостей, онъ удержалъ меня на нѣсколько минутъ, принесъ изъ кабинета золотые англійскіе часы, которыми весьма дорожилъ, и спросилъ меня: «какъ ты думаешь, отецъ-ректоръ, что мнѣ дороже, ты или эти часы?» Что мнѣ было отвѣчать? Если скажу, что часы дороже, скажетъ, что я считаю его сребролюбцемъ, въ противномъ случаѣ будетъ увѣрять, что я слишкомъ много о себѣ думаю. Послѣ минутнаго размышленія я отвѣчалъ: «думаю, что всякій человѣкъ, по образу Божію созданный и кровію Христовою искупленный, дороже всякой неодушевленной вещи»—«Правду ты говоришь, отецъ-ректоръ,» сказалъ преосвященный: «за это дарю тебѣ часы.» Послѣ этого случая преосв. Ириней былъ ко мнѣ постоянно ласковъ до отъѣзда своего въ Сибирь, куда былъ перемѣщенъ на Иркутскую епархію.»

ГАГАРИНЪ,

князь Серѣй Ивановичъ, членъ Государственнаго Совѣта, почетный опекунъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, президентъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства и Общества Любителей Садоводства. Старикъ очень просвѣщенный, добрый, благодушный, но, къ несчастію, очень слабый характеромъ. Сдѣлавшись президентомъ Общества по кончинѣ графа Петра Александровича Толстаго, онъ вполнѣ полагался на С. А. Маслова, котораго очень любилъ и уважалъ. Но когда въ Обществѣ возникли несогласія и раздоры съ цѣлію удалить Маслова отъ должности непремѣннаго секретаря, князь Гагаринъ не былъ въ силахъ прекратить безпорядокъ въ засѣданіяхъ и вполнѣ обнаружилъ слабость своего характера. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, совершенно потерявъ зрѣніе, онъ отказался отъ предсѣдательства въ обоихъ Обществахъ.

Ко мнѣ лично князь С. И. и супруга его княгиня Варвара Михайловна, рожденная Пушкина, были всегда очень добры и благосклонны; я бывалъ неоднократно въ подмосковномъ имѣніи князя, селѣ Ясеневѣ, въ 18 верстахъ отъ Москвы. Это село замѣчательно по прекрасному саду и оранжереямъ съ лучшими сортами плодовыхъ деревьевъ, а еще болѣе по древеснымъ насажденіямъ, разведеннымъ самимъ княземъ на многихъ десятинахъ. Князь, какъ искусный и опытный садоводъ, умѣлъ пріохотить и Ясеневскихъ крестьянъ къ садоводству. Въ первый пріѣздъ мой въ Ясенево я былъ изумленъ, видя на крестьянскихъ поляхъ не рожь и овесъ, а клубнику лучшихъ сортовъ, малину, смородину и прочее, а на обширныхъ пространствахъ вмѣсто тощихъ нагорныхъ луговъ — яблони, груши, вишни и множество другихъ деревьевъ и кустарниковъ. Все это поступаетъ въ продажу въ Москвѣ.

Семейство князя С. И. состояло изъ дочери и сына. Первая, княжна Марія Сергѣевна, супруга Сергѣя Петровича Бутурлина, въ послѣдніе годы жизни своихъ родителей, жила постоянно при нихъ, закрыла глаза матери и была единственною опорою отца, лишеннаго зрѣнія, до послѣдняго дня его жизни

Насколько дочь служила утѣшеніемъ для престарѣлыхъ родителей, настолько же недостойный сынъ былъ для нихъ горемъ и посрамленіемъ Это—извѣстный іезуитъ Иванъ Гагаринъ (Jean Gagarine de la Societé de Jesus, какъ онъ подписывалъ свои сочиненія), прославившійся или,— вѣрнѣе сказать, — опозорившій себя самыми злыми нападеніями на православную вѣру. Воспитанный (къ несчастію!) французомъ, тайнымъ іезуитомъ, онъ еще съ дѣтства впиталъ въ себя пагубное ученіе іезуитства, а путешествуя за границею, отрекся отъ вѣры прародительской и сдѣлался іезуитомъ. Но неизсякаемая родительская любовь не могла отвергнуть сына-вѣроотступника: мать продала часть своего имѣнія и переслала ему капиталъ, а отецъ просилъ у Государя Императора Александра II, какъ послѣдней милости—свиданія съ сыномъ. Государь, желая утѣшить заслуженнаго старца, раз-

рѣшилъ изгнаннику прибыть на мѣсяцъ въ Ясенево, но съ тѣмъ, чтобы онъ не въѣзжалъ въ Москву, и во все время пребыванія въ деревнѣ у отца, находился подъ строгимъ надзоромъ полиціи. Вѣроотступникъ не согласился пріѣхать на этихъ условіяхъ; вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду не столько свиданіе съ отцомъ, сколько іезуитскую пропаганду.

Такимъ образомъ, маститый старецъ лишился удовольствія обнять преступнаго сына. Кн. С. И. Гагаринъ скончался 85 лѣтъ. Тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

МАСЛОВА,

Екатерина Богдановна. — Дочь аптекаря Сейдекера, она въ ранней молодости вступила въ бракъ съ богатымъ купцомъ Вас. Петр. Шевелкинымъ, принадлежавшимъ къ масонской ложѣ «Ищущихъ манны». Отъ него она имѣла трехъ дочерей. Черезъ нѣсколько лѣтъ Шевелкинъ умеръ, оставивъ женѣ и дочерямъ по 250 тысячъ ассигнаціями, а всего милліонъ рублей. Тогда молодую и красивую вдову окружила цѣлая толпа женихов. Между ними были люди почтенные и достойные, но масоны, собратія покойнаго ея мужа, сосватали ей плацъ-адъютанта Андрея Ивановича Маслова.

Въ 1831 году мать моя нанимала дачу въ Сокольникахъ, принадлежавшую малолѣтнимъ дѣвицамъ Шевелкинымъ и познакомилась съ матерью ихъ, а это знакомство впослѣдствіи перешло въ тѣсную дружбу. Вспоминаю съ благодарностію и до конца жизни моей не забуду участія, какое принимала Екатерина Богдановна, когда я былъ тяжко боленъ пятнистымъ тифомъ: каждое утро она пріѣзжала изъ Старой Конюшенной на Покровку, по самой неудобной весенней распутицѣ, чтобы утѣшить мать мою.

Но еще памятнѣе, еще дороже для меня было другое благодѣяніе этой почтенной, добродѣтельной женщины: она указала мнѣ на домъ Волконскихъ, гдѣ нашелъ я счастіе цѣлой моей жизни.

Отъ втораго брака Екатерина Богдановна имѣла одного сына, скончавшагося въ молодости. По смерти его, неутѣшная мать переселилась къ старшей своей дочери, вдовѣ статс. сов. Ек. Вас. Озеровой. Теперь обѣ онѣ и мать, и дочь—уже покойницы.

СТАХОВИЧЪ,

Надежда Михайловна, рожденная Перваго. Она принадлежала къ числу необыкновенныхъ женщинъ: при твердомъ природномъ умѣ, она была отличной хозяйкой, доброй женой и примѣрной матерью семейства, состоявшаго изъ двухъ сыновей и одной дочери, позднѣе супруги товарища моего по Университету Петра Александровича Дубовицкаго, президента Медико-Хирургической Академіи. Въ высшей степени скромная и добрая, она не могла слышать равнодушно о чьемъ-либо горѣ или нуждѣ и тотчасъ же спѣшила утѣшить или помочь, насколько могла. Ежегодно раздавала она бѣднымъ значительныя суммы, и всегда тайно, такъ что только случайно можно было узнать о неистощимой ея благотворительности. Мужъ ея Александръ Ивановичъ Стаховичъ, отставной артиллеристъ, былъ заботливый хозяинъ, человѣкъ очень добрый и благородный; онъ охотно помогалъ женѣ въ добрыхъ ея дѣлахъ.

Стаховичи были очень богаты; Надежда Михайловна, кромѣ имѣнія, наслѣдованнаго отъ отца, получила еще имѣніе отъ дяди. Этотъ дядя, Алексѣй Васильевичъ Перваго, богатый Елецкій помѣщикъ, присоединенный къ ложѣ «Ищущихъ манны» въ званіи ученика, 7 января 1818 года, а въ спискѣ 1820 года показанный уже мастеромъ, велъ очень своеобразную жизнь: онъ никогда не выѣзжалъ изъ Москвы, занималъ постоянно нумеръ въ какой нибудь гостинницѣ, гдѣ и обѣдалъ въ скоромные дни, а въ постные ходилъ обѣдать въ Русскій трактиръ, вставалъ очень рано; ежедневно въ 10 часу утра отправлялся въ гости къ кому-нибудь изъ своихъ собратій или

знакомыхъ, а вечернее время всегда проводилъ дома, ожидая къ себѣ гостей. Шубы онъ никогда не надѣвалъ, но въ самые трескучіе морозы ходилъ, или лучше сказать, бѣгалъ по улицамъ въ сюртукѣ на ватѣ съ бобровымъ воротникомъ. Въ именины свои 20 мая онъ угощалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ десертомъ изъ самыхъ рѣдкихъ фруктовъ и отличнымъ ужиномъ. А. В. былъ очень скупъ отъ природы, но дѣлалъ много добра, что стоило ему необыкновенныхъ усилій надъ собою. Одному изъ друзей своихъ онъ сказалъ: «повѣришь ли, мнѣ такъ же трудно оторвать отъ себя десять рублей, какъ и тысячу». Въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, онъ побѣждалъ свою скупость. Такъ на моихъ глазахъ были воспитаны на его счетъ двое молодыхъ медиковъ: Голофѣевъ и Фицнеръ; нѣсколькихъ молодыхъ дѣвицъ, вовсе ему незнакомыхъ, онъ щедро наградилъ приданымъ, по рекомендаціи почтенной своей племянницы.

ЛАВРОВА

Марія Николаевна, дочь ростовскаго протоіерея Николая Ивановича Корсунскаго, супруга экстраординарнаго профессора Моск. Дух. Академіи Александра Ѳедоровича Лаврова. Природа надѣлила ее необыкновенною, можетъ быть, единственною въ своемъ родѣ красотою; но эта наружная красота была только вывѣскою превосходныхъ качествъ души. Воспитанная въ одномъ изъ Московскихъ институтовъ и оказавшая блестящіе успѣхи въ наукахъ, иностранныхъ языкахъ и особенно въ музыкѣ, Марія Николаевна отличалась примѣрною скромностію: никто (исключая самыхъ близкихъ) не слыхалъ отъ нея ученаго разговора или французской рѣчи; она любила и умѣла молчать вовремя и кстати. Любящая супруга, заботливая хозяйка, нѣжная мать, она усердно занималась воспитаніемъ и ученіемъ единственной дочери Саши. Милая дѣвочка подавала большія надежды, но Промыслъ Божій

судилъ иначе: Саша скончалась послѣ кратковременной болѣзни на 10 году жизни, а неутѣшная мать ея, подавляя скорбь, нашла еще въ себѣ силы утѣшать мужа, страдавшаго, послѣ тяжкаго и неожиданнаго горя, разстройствомъ нервовъ и безсонницею. Она занялась воспитаніемъ двухъ племянницъ его, взятыхъ въ замѣну почившей дочери. Но дни Маріи Николаевны были уже сочтены: Отецъ небесный, призвавшій дочь, готовился призвать къ Себѣ и мать ея. У Маріи Николаевны открылся ракъ на груди. Нельзя было безъ удивленія видѣть, съ какимъ терпѣніемъ переносила она мучительную болѣзнь и какъ, среди невыносимыхъ страданій, спокойно готовилась къ неизбѣжно-близкому переходу въ вѣчную жизнь. Послѣ кончины страдалицы-супруги (28 Августа 1877 года), горестный супругъ ясно увидѣлъ предъ собою путь, предназначенный ему Провидѣніемъ. Въ ту же осень онъ былъ уже архимандритомъ Алексіемъ, а на слѣдующую весну рукоположенъ въ санъ епископа Можайскаго. Теперь онъ украшаетъ собою каѳедру Литовскую и Виленскую. Твердо храня правило,—не говорить о живыхъ, я не скажу ни слова объ ученыхъ трудахъ и архипастырскихъ подвигахъ преосв. Алексія.

Тѣло М. Н. Лавровой погребенно въ Троицкой Лаврѣ близь Смоленской церкви.

НОСОВЪ

Иванъ Гавриловичъ, отставной маіоръ. Онъ служилъ долго въ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку, отличался безукоризненною честностью; живя въ отставкѣ при весьма скудной пенсіи, былъ бѣденъ, но всегда веселъ и благодушенъ, сыпалъ шутками и остротами, не просилъ и не принималъ ни отъ кого пособія. Я встрѣчалъ его у его сослуживца, а моего зятя Ал. Ник. Ковалевскаго, къ которому онъ ходилъ ежедневно, когда только послѣдній бывалъ въ Москвѣ. Однажды Носовъ пришелъ къ Ковалевскому при мнѣ и объявилъ, что воротился съ богомолья. «Я ходилъ къ Троицѣ—сказалъ онъ, помолиться Богу и попросить у преподобнаго Сергія помощи, чтобы получить мѣсто; я ему крѣпко вѣрю и на него надѣюсь».

Вскорѣ послѣ того Государь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и дѣлалъ смотръ войскамъ на Кремлевскомъ плацѣ. Впереди у веревки стоялъ Носовъ въ изношенномъ отставномъ мундирѣ; Государь обратилъ на него вниманіе, спросилъ о прежней службѣ и замѣтилъ, что мундиръ Носова ветхъ до безобразія. Старикъ откровенно разсказалъ Государю о своей бѣдности и желаніи имѣть мѣсто смотрителя въ какомъ-либо благотворительномъ заведеніи. «Желаю тебѣ найти такое мѣсто», сказалъ Государь, и отошелъ отъ него. Во время этого смотра императоръ было постоянно недоволенъ плохими распоряженіями полиціи и особенно жандармскаго маіора и, окончивъ смотръ, сказалъ оберъ-полиціймейстеру Цынскому: «маіора арестовать!» Плохо понявъ слова Государя, Цынскій вздумалъ арестовать отставнаго маіора Носова и назначилъ отвести его въ Городскую часть, а Носовъ сталъ отбиваться, крича изо всей мочи, что ему, какъ военному, слѣдуетъ быть арестованнымъ на военной гауптвахтѣ, а не на съѣзжей. Произошелъ шумъ. Флигель-адъютантъ, посланный Императоромъ, чтобы узнать о причинѣ шума, былъ отправленъ

вторично съ приказаніемъ отпустить Носова, арестованнаго по ошибкѣ, и объявить ему царскую милость—назначеніе на мѣсто смотрителя военной богадѣльни, которая только еще начинала строиться въ селѣ Измайловѣ, подъ Москвою.

Такимъ образомъ, Носовъ неожиданно получилъ мѣсто съ жалованьемъ и временную квартиру въ одной изъ московскихъ казармъ, впредь до открытія богадѣльни; но старикъ не дождался этого открытія: онъ прожилъ два года, покойно отдыхая и не зная нужды, и умеръ въ данномъ ему по милости Государя уютномъ уголкѣ.

АРСЕНІЙ,

митрополитъ Кіевскій. Онъ присутствовалъ, въ санѣ архіепископа Варшавскаго, на коронаціи императора Александра II, а въ 1867 году распоряжался, по порученію Св. Синода, похоронами митрополита Московскаго Филарета. Жители Москвы сохранили благодарную память о неусыпномъ усердіи владыки кіевскаго въ безпрерывныхъ почти священнодѣйствіяхъ при погребеніи великаго и приснопамятнаго архипастыря нашего. Съ того времени имя Арсенія стало любезнымъ и какъ бы приснымъ Москвѣ, а мнѣ оно еще болѣе дорого по милостивому радушію, по любвеобильной бесѣдѣ, какой удостоивалъ меня и спутника моего М. М Евреинова (см. это слово), во время юбилея Кіевской Духовной Академіи въ 1869 году, маститый старецъ - митрополитъ. Тогда въ первый разъ еще имѣлъ я счастіе поклониться святынѣ кіевской, но Михаилъ Михаиловичъ былъ въ Кіевѣ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ и присутствовалъ (28 сентября 1819 года) при торжествѣ возстановленія той же академіи по новому въ то время уставу. Этого обстоятельства не забылъ покойный владыка. На обѣдѣ, данномъ на другой день юбилея профессорами академіи, благодушный митрополитъ предложилъ заздравную чашу за путника-богомольца, бывшаго свидѣтелемъ начала и конца 50 лѣтней академиче-

ской дѣятельности. И въ настоятельскихъ келліяхъ лавры Печерской, и въ тѣнистыхъ дубравахъ Голосѣевской пустыни, святитель-хозяинъ постоянно обращалъ свое вниманіе на насъ, двухъ единственныхъ мірянъ въ кругу гостей-архипастырей, собравшихся изъ разныхъ краевъ обширнаго нашего отечества на праздникъ воспитавшей ихъ академіи.

Но для меня лично воспоминаніе о почившемъ святителѣ не оканчивается 1869 годомъ. Въ 1873 году митрополитъ Арсеній удостоилъ меня приглашеніемъ на празднество 50 лѣтія служенія его въ священномъ санѣ, назначенное на 6 день августа — день первой литургіи, совершенной имъ по рукоположеніи (въ 1823 году) въ санъ священства. И на этотъ разъ, какъ прежде при торжествѣ академіи, я видѣлъ маститаго владыку, окруженнаго сонмомъ архипастырей, которые принесли ему свои братскія привѣтствія. Еще на пути, въ Курскѣ, имѣлъ я счастіе встрѣтиться и познакомиться съ однимъ изъ нихъ, всѣми чтимымъ ревнителемъ и оплотомъ православія въ странѣ прибалтійской (въ то время архіепископомъ Донскимъ, а нынѣ митрополитомъ Кіевскимъ) преосв. Платономъ; живое и глубоко-назидательное слово его сократило для меня часы утомительнаго путешествія. Блистательно и умилительно было торжество полувѣковаго служенія первосвятителя Кіевскаго, къ которому съ искреннимъ усердіемъ стремилась паства его, всѣхъ званій и возрастовъ. Все пространство лавры кипѣло народомъ, стремившимся къ благословенію архипастырскому, свѣтло ликовало все православное населеніе матери градовъ русскихъ. А нѣсколько дней спустя, смиренный святитель, отдыхая съ дорогими своими гостями отъ городскаго шума подъ прохладною тѣнію Голосѣевскихъ рощей, вспоминалъ свое дѣтство и отрочество. «Думалъ ли я, говорилъ онъ, дожить до такихъ дней и видѣть надъ собою всѣ милости Божіи, какія теперь вижу? Такъ ясно представляется мнѣ первая пора моей жизни, когда я мальчикомъ сиротой обучался въ низшихъ классахъ костромской семинаріи (чуть ли еще не въ инфимѣ) и жилъ на хлѣбахъ у мѣщанина Ѳедора Волкова, первоначальнаго

мастера, при которомъ развилось производство такъ называемаго Костромскаго табака. Помню, какъ благочестивая старушка, мать его (до сихъ поръ поминаю ее въ молитвахъ) учила меня страху Божію, учила ходить передъ Богомъ и никогда не забывать присутствія Его на всякомъ мѣстѣ. Дороги были и отъ многаго зла охраняли меня эти добрые совѣты, а позднѣе привелось мнѣ на опытѣ познать силу страха Божія и постигнуть не разумомъ, а сердцемъ, что страхъ Господень, проникнувъ въ душу человѣческую, раждаетъ въ ней презрѣніи ко всему вещественному. «Страхъ Господень чистъ, пребываяй въ вѣкъ вѣка», говоритъ Давидъ (Псал. 18, 10). Думаю, прибавилъ владыка, что нынѣшняя пагубная и ненасытная алчность къ пріобрѣтенію основывается, паче всего, на отсутствіи страха Божія въ современномъ поколѣніи». Тогда же, обратясь ко мнѣ, владыка разсказалъ, какъ онъ, еще будучи отрокомъ, привязался всѣмъ сердцемъ къ чистому, доброму, кроткому и даровитому юношѣ, — это былъ Ѳ. А. Голубинскій, впослѣдствіи знаменитый профессоръ Московской Духовной Академіи, мой незабвенный наставникъ и благодѣтель. Голубинскій по ученію былъ старше Москвина (прозваніе митрополита Арсенія): онъ поступилъ въ первый курсъ Московской Академіи изъ философіи (т.-е. за два года до полнаго окончанія семинарскаго курса) 1814 году, а Москвинъ пятью годами позднѣе перешелъ въ Петербургскую академію; но искренняя дружба между ними сохранилась до смерти обоихъ. Я видѣлъ живую радость покойнаго митрополита, когда поднесъ ему фотографическое изображеніе Ѳ. А., снятое съ портрета, писаннаго масляными красками и принадлежавшаго профессору Московской академіи С. К. Смирнову.

Въ слѣдующемъ (1874) году мнѣ снова случилось побывать въ Кіевѣ, для участія въ засѣданіяхъ III археологическаго съѣзда. Владыка опять проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ тихомъ уединеніи Голосѣевской пустыни и принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Здѣсь онъ сообщилъ мнѣ любопытныя

свѣдѣнія о молоканахъ и духоборцахъ, собранныя имъ во время управленія Тамбовскою епархіею. Эти изслѣдованія напечатаны, если не ошибаюсь, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Прощаясь со мною, святитель оказалъ искреннее участіе къ постигшему меня незадолго предъ тѣмъ горю,—потерѣ сына, и послалъ женѣ моей перламутровый крестъ, полученный имъ отъ неправедно-низверженнаго патріарха іерусалимскаго Кирилла. «Графиня теперь подъ крестомъ, сказалъ онъ, какъ и блаженный старецъ—патріархъ; молитва предъ крестомъ да послужитъ ей утѣшеніемъ».

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Кіевъ, я много слышалъ о благотворительности митрополита Арсенія (конечно, не отъ него самого, а отъ другихъ достойныхъ довѣрія лицъ). Кромѣ значительныхъ приношеній въ пользу Духовной Академіи, при торжествѣ ея юбилея, и другихъ духовно-учебныхъ заведеній Кіевской епархіи, владыка пожертвовалъ капиталъ въ Костромское Попечительство для воспитанія земляковъ своихъ, сиротъ-семинаристовъ, и вообще много дѣлалъ добра всѣмъ нуждающимся. Между прочимъ и обѣднѣвшіе внуки того Волкова, у котораго жилъ нѣкогда на хлѣбахъ юноша Ѳедоръ Московинъ, получали ежегодное пособіе отъ преосв. Арсенія. Видно, не даромъ сѣяла добрая старушка сѣмена страха Божія въ душу юнаго своего постояльца: обильные плоды, возросшіе изъ этихъ сѣмянъ, послужили на пользу бѣднымъ ея потомкамъ.

Послѣднее свиданіе мое съ приснопамятнымъ архипастыремъ кіевскимъ было въ сентябрѣ 1875 года. На этотъ разъ я получилъ въ благословеніе отъ Лавры, чрезъ досточтимаго отца намѣстника ея архимандрита Варлаама, большую икону угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ пещерахъ Кіевскихъ. Предъ самымъ отправленіемъ въ обратный путь я зашелъ проститься съ владыкою, но онъ въ это время слушалъ всенощное бдѣніе въ своей крестовой церкви. Я просилъ келейника доложить ему, что, не имѣя возможности дожидаться конца службы, чтобы не пропустить поѣзда же-

лѣзной дороги, прошу заочнаго напутственнаго благословенія. Но любвеобильный владыка удивилъ меня своею милостію: онъ принялъ меня немедленно, ввелъ въ свою моленную и тамъ, послѣ краткой молитвы, благословилъ на путь.

ГОРСКІЙ

Александръ Васильевичъ,

протоіерей, знаменитый профессоръ и ректоръ Моск. Дух. Академіи, докторъ богословія, родился 16 августа 1812 года. Отецъ его, Василій Сергѣевичъ Горскій, бывшій каѳедральнымъ протоіереемъ Костромскаго собора, получилъ образованіе въ Троицко-Лаврской семинаріи. Въ 1824 году Горскій, будучи 12 лѣтъ, поступилъ въ Костромскую семинарію, въ которой прошелъ курсъ риторики и философіи, и чрезъ четыре года, въ 1828 году, принятъ въ число студентовъ Московской Духовной Академіи, — явленіе довольно рѣдкое въ лѣтописяхъ Академіи, потому что въ Академію поступали обыкновенно воспитанники семинарій, прослушавшіе богословскія науки въ теченіе двухъ лѣтъ, или по крайней мѣрѣ одного года, а Горскій перешелъ въ Академію прямо изъ философскаго класса, миновавъ богословскій.

Съ самаго поступленія юноши Горскаго въ число студентовъ, я познакомился съ нимъ. Какъ сверстники-однолѣтки мы очень скоро сблизились. Почти всегда сидѣли мы рядомъ съ нимъ на лекціяхъ Ѳ. А. Платонова, который преподавалъ всемірную исторію среднихъ вѣковъ, весьма краснорѣчиво и подробно излагалъ основаніе новыхъ государствъ на развалинахъ западной Римской имперіи и еще увлекательнѣе описывалъ крестовые походы. Ни въ одной исторіи не находилъ я такихъ занимательныхъ подробностей и такой живой связи между событіями, какъ въ его запискахъ. Старательно записывали мы съ Горскимъ эти лекціи; рукописный экзем-

пляръ ихъ долго хранился у меня, но въ недавнее время пропалъ. Также часто сидѣли мы вмѣстѣ на лекціяхъ исторіи философіи, еврейскаго и греческаго языковъ.

Наша юношеская дружеская связь съ Александромъ Васильевичемъ непрерывно продолжалась во всю жизнь его. Никогда не забуду тѣхъ вечеровъ, которые случалось мнѣ, хотя рѣдко, проводить въ бесѣдѣ съ нимъ, ни тѣхъ сообщеній, свѣдѣній, указаній и объясненій, которыми охотно и щедро надѣлялъ онъ меня при историческихъ трудахъ моихъ. Но это послѣднее воспоминаніе относится къ позднѣйшему времени, когда А. В. Горскій былъ уже знаменитымъ профессоромъ.

Теперь возвратимся снова ко времени его юности. Въ 1832 году, не достигнувъ еще двадцати лѣтъ отъ рожденія, онъ окончилъ курсъ въ Академіи однимъ изъ первыхъ магистровъ. По окончаніи академическаго курса, Горскій былъ опредѣленъ профессоромъ церковной и гражданской исторіи въ Московскую духовную семинарію. Чрезъ четыре мѣсяца службы, на Горскаго возложена должность библіотекаря семинаріи. Но онъ только одинъ годъ былъ наставникомъ семинаріи, и въ августѣ 1833 года переведенъ въ Московскую Духовную Академію на должность баккалавра по классу церковной исторіи. Въ январѣ 1837 г. Горскій возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а чрезъ два года въ званіе ординарнаго профессора Академіи по той же каѳедрѣ. Въ 1842 году онъ принялъ должность библіотекаря Академіи и проходилъ ее въ теченіе 20 лѣтъ. Его библіотекарство имѣло и для него, и для Академіи огромное значеніе: хотя и до этого времени Горскій отлично успѣлъ познакомиться съ обширною литературой и своею и другихъ предметовъ, и перечиталъ множество книгъ и рукописей въ академической и лаврской библіотекахъ, но съ того времени какъ онъ сталъ завѣдывать академическою библіотекой, онъ вовлеченъ былъ въ міръ книжный до такой степени, что отрывать его отъ занятій въ этомъ мірѣ значило отнимать у него лучшіе часы въ жизни.

Составъ библіотеки въ управленіе Горскаго значительно пополнился его стараніями, и въ особенности по отдѣламъ богословскому и историческому; все, что выходило лучшаго по этой части и у насъ, и за границей, было пріобрѣтаемо для Академіи, и такъ какъ казенныхъ средствъ было недостаточно, то Горскій употреблялъ большую часть своихъ средствъ на пріобрѣтеніе книгъ, изъ которыхъ составилась у него своя замѣчательная библіотека. Памятникомъ его любознательности и глубокихъ свѣдѣній по всѣмъ, можно сказать, отраслямъ знаній служатъ его замѣтки карандашомъ на книгахъ и рукописяхъ: въ этихъ замѣткахъ заключаются указанія на какіе-либо недостатки въ книгѣ, сообщаются дополнительныя свѣдѣнія, цитуются мѣста изъ разныхъ книгъ, гдѣ можно получить то или другое свѣдѣніе о предметѣ сочиненія, встрѣчаются параллели, варіанты, хронологическія указанія, лингвистическія соображенія и т. п. Но главное мѣсто предоставлено въ этихъ замѣткахъ тонкому и мѣткому критицизму.

Въ 1860 г., марта 27, Александръ Васильевичъ рукоположенъ митрополитомъ Филаретомъ въ санъ священника, съ причисленіемъ его къ Московскому каѳедральному Архангельскому собору, и въ томъ же году получилъ званіе протоіерея. Обстоятельство, что Горскій, не будучи женатъ, посвященъ во священника, породило много толковъ въ Москвѣ и Петербургѣ; спрашивали прежде всего: если онъ желалъ священства, почему не принялъ монашества? По поводу этого вопроса, возбужденнаго любопытствомъ, онъ самъ говорилъ, что митрополитъ Филаретъ, глубоко любившій иночество, не разъ предлагалъ ему вступить въ монашество, обѣщая ему викаріатство въ Москвѣ; но Горскій, который замѣтимъ, самъ съ уваженіемъ взиралъ на монашество и любилъ монаховъ, представлялъ вниманію владыки, что принятіе иноческаго сана отвлечетъ его отъ ученыхъ и учебныхъ занятій, которымъ желалъ онъ посвятить всю свою жизнь, удалитъ его отъ любимой имъ Лавры и Академіи и заставитъ заниматься дѣлами преимущественно уже не книж-

ными то въ той, то въ другой епархіи. Такое признаніе митрополитъ принялъ въ уваженіе, и чрезъ два года протоіерей Горскій былъ опредѣленъ ректоромъ Академіи (23 октября 1862 г.). Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ былъ пожалованъ митрой изъ кабинета Его Величества (дек. 11), и въ 1865 г. возведенъ Св. Синодомъ на степень доктора богословія. Вмѣстѣ съ должностью ректора, Александръ Васильевичъ принялъ на себя преподаваніе другаго предмета, именно: догматическаго богословія, которое обыкновенно читалось ректорами Академіи, и оставилъ каѳедру церковной исторіи, которую преподавалъ 30 лѣтъ. Но этотъ другой предметъ не былъ для него предметомъ новымъ; путемъ церковно-историческимъ онъ изучилъ его съ такою полнотой и основательностью, какой только можно пожелать для самаго знаменитаго догматиста, такъ что слушатели его богословскихъ лекцій легко могли сойтись въ убѣжденіи со слушателями лекцій историческихъ, что профессоръ ихъ не менѣе великій богословъ, какъ и великій историкъ. Та же сила и глубина мысли, то же изящество, то же одушевленіе въ живой рѣчи. Съ горячностію знакомясь съ каждою новою книгой богословскаго содержанія, Горскій не оставлялъ питаться и прежнею любимою пищей—книгами историческими.

Кромѣ обширныхъ трудовъ по составленію лекцій, сколько у него было въ теченіе его служенія ученыхъ кабинетныхъ работъ! Одна работа по описанію Синодальной библіотеки предпринятая и совершенная имъ вмѣстѣ съ Кап. Ив. Невоструевымъ; работа громадная, выказавшая всю необъятную массу его ученыхъ свѣдѣній, работа, къ глубокому прискорбію, до сихъ поръ вполнѣ не оцѣненная, сколько поглощала у него времени и силъ! Книги и книги — на нихъ проведена вся жизнь великаго, даровитѣйшаго труженика науки!

Въ наше время преобладанія естественныхъ наукъ многіе думаютъ разъединить ученіе о Богѣ съ ученіемъ о природѣ, а иные пытаются даже поставить то и другое во враждебное отношеніе. Совершенно иначе мыслилъ А. В. Горскій: его проницательный взоръ видѣлъ, какъ нужны свѣдѣнія о ви-

димомъ мірѣ для цѣлей богословскаго образованія, его твердый духъ не смущался трудностями, какія представлялись при этомъ, и его содѣйствію обязана наша Академія, что въ ней предположено преподаваніе свѣдѣній о видимой природѣ. Митрополитъ Иннокентій благословилъ это и далъ возможность осуществиться этому плану на самомъ дѣлѣ. Эту сверхштатную каѳедру при Академіи, подъ названіемъ естественно-научной апологетики занялъ и съ полнымъ успѣхомъ продолжаетъ вести достойный сынъ незабвеннаго моего наставника и благодѣтеля, профессоръ Д. Ѳ. Голубинскій.

Предѣлы статьи не дозволяютъ исчислять многочисленныя сочиненія А. В., преимущественно церковно-историческаго содержанія; подробный списокъ ихъ помѣщенъ въ его некрологахъ. Сверхъ того есть въ печати нѣсколько церковныхъ поученій А. В. Горскаго. Кромѣ такой массы напечатанныхъ сочиненій, остались обширные труды его въ рукописяхъ. Таковы въ особенности лекціи его по церковной исторіи, общей и русской, и по догматическому богословію. Дай Богъ увидѣть намъ въ печати полное собраніе его сочиненій, которыя должны составить нѣсколько томовъ. Это было бы дорогое пріобрѣтеніе для изучающихъ богословскую и церковно-историческую литературу.

Сорокъ три года великій труженикъ науки трудился неутомимо; непрестанная работа надломила крѣпкія природныя силы Горскаго. Сначала появилось мучительное сердцебіеніе, повторявшееся неоднократно. Оказалось, что болѣзнь неизлечима, но слѣдуетъ по правдѣ признать, что причина болѣзни не ограничивалась чрезмѣрными трудами. При горячей любви А. В. къ Академіи, неустоявшееся еще устройство ея при новой реформѣ, нѣкоторыя нестроенія въ ея коллегіи, неправильности въ свѣтскихъ выборахъ, все это слишкомъ тяжело ложилось на душу, не умѣвшую холодно относиться къ ненормальностямъ въ жизни дорогаго его сердцу учрежденія. Московскіе врачи нашли, что больной страдаетъ воспаленіемъ внутренней оболочки артерій. Лѣтомъ онъ нѣсколько поправился, мѣсяцъ пожилъ на дачѣ

недалеко отъ Лавры, сгрустнулся по Академіи и возвратился въ нее. Въ концѣ іюля ему сказали, что здоровье его ненадежно, и онъ прибѣгъ къ цѣльбоносному врачеству церковному—соборовался (28 іюля), потомъ неоднократно причащался Св. Таинъ, которыя пожелалъ принять и въ день кончины.

Многотрудная и многополезная жизнь А. В. пресѣклась 11 октября 1875 года. Тѣло его погребено въ саду Академіи.

ТИХВИНСКІЙ

Андрей Тимоѳеевичъ, кандидатъ перваго курса Петербургской Духовной Академіи, любимый ученикъ знаменитаго въ свое время математика Гурьева. Окончивъ курсъ въ 1814 году, получилъ мѣсто учителя математики въ Ярославской семинаріи и прослужилъ въ этой должности шестилѣтній срокъ. Будучи родственникомъ Ярославскаго архіепископа Антонія (Знаменскаго), Тихвинскій получилъ отъ него одно изъ лучшихъ мѣстъ въ епархіи — протоіерея Ростовскаго Успенскаго собора, которое занималъ до глубокой старости, пользуясь вниманіемъ и уваженіемъ всѣхъ послѣдующихъ архипастырей ярославскихъ. При постоянномъ попеченіи объ этомъ соборѣ, древнѣйшей святынѣ Ростовской, Андрей Тимоѳеевичъ оставилъ по себѣ память надписями на гробницахъ Ростовскихъ владыкъ и внутреннимъ расписаніемъ собора въ современномъ вкусѣ, причемъ была закрашена старинная замѣчательная иконопись. Теперь это ставятъ ему въ вину, но тогда это было во вкусѣ времени. Онъ же устроилъ близъ собора солнечные часы, отличающіеся необыкновенною вѣрностью.

Для меня лично досточтимый отецъ-протоіерей остался навсегда незабвеннымъ, какъ сообщившій мнѣ первыя свѣдѣнія о древностяхъ Ростова въ 1845 году. Послѣ того я часто бывалъ у него и всегда былъ принятъ ласково и радушно.

Въ глубокой старости онъ сложилъ съ себя должность соборнаго протоіерея; преемникомъ его былъ сынъ его, магистръ Московской Духовной Академіи, Николай Андреевичъ Тихвинскій. Старецъ Андрей Тимоѳеевичъ скончался, живя при сынѣ, 15 мая 1867 года и погребенъ въ Ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, подлѣ могилы жены своей.

КОРИЗНА

Александра Станиславовна, пріятельница моей матери. Исторія этой женщины очень оригинальна. Отецъ ея, жившій въ Каменецъ-Подольскѣ, штабъ-лѣкарь Пихельштейнъ, имѣлъ большое семейство. Одну изъ дочерей его, едва отнятую отъ груди, вздумала взять къ себѣ знаменитая въ то время красавица и богачка, графиня Потоцкая. Дѣвочка пробыла у нея не болѣе года; въ это время Потоцкая бросила мужа, а съ тѣмъ вмѣстѣ забыла и дѣвочку въ своемъ имѣніи. Случилось такъ, что въ это время была въ Подольской губерніи тетка моей матери, Елисавета Сергѣевна Текутьева, которой мужъ командовалъ тамъ бригадой; она взяла къ себѣ дѣвочку, но на слѣдующій годъ, часто переѣзжая съ мужемъ изъ одного мѣста въ другое, передала ее на воспитаніе сестрѣ своей, а моей родной бабушкѣ—Александрѣ Сергѣевнѣ Сумароковой. Никто не зналъ, чья дочь была эта малютка; не знали также крещена ли она и въ какомъ вѣроисповѣданіи. Съ разрѣшенія митрополита Платона, она крещена съ прибавленіемъ словъ: «крещается, аще не крещена», и названа Александрою. Такимъ образомъ дѣвочка выросла и получила воспитаніе вмѣстѣ съ моей матерью. Незадолго до кончины дѣдушки Николая Андреевича, явился къ нему въ домъ молодой артиллерійскій офицеръ Иванъ Станиславовичъ Пихельштейнъ, который отыскивалъ и здѣсь нашелъ сестру свою. Онъ увезъ ее на югъ къ отцу, и тамъ она вышла замужъ за офицера Ивана Ивановича Коризну.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ воротились они въ Москву, и онъ управлялъ имѣніями графа Ѳедора Андреевича Толстаго и зятя его, графа Закревскаго. Между Александрой Станиславовной и моею матерью во всю жизнь продолжалась самая тѣсная дружба, какъ бы между родными сестрами.

ТЕКУТЬЕВА

Елисавета Степановна. Послѣдніе дни 1825 года и начало 1826 были для жителей Москвы эпохою безпокойствъ и ужаса: много семействъ поражено было скорбію о внезапно схваченныхъ и увезенныхъ въ Петербургъ родственникахъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ томъ преступномъ заговорѣ, который разразился бунтомъ 14 декабря. Въ это время появилась въ Посадѣ старуха Елисавета Степановна Текутьева. Она бѣжала изъ Москвы, напуганная народнымъ слухомъ, будто бы при перевезеніи тѣла Императора Александра I будетъ тамъ такой же бунтъ, какой былъ въ Петербургѣ. Старуха находилась въ постоянномъ безпокойствѣ, переходила изъ церкви въ церковь въ сопровожденіи двухъ старыхъ горничныхъ, молившихся вмѣстѣ съ нею, и сердилась, когда находила запертою которую-нибудь изъ церквей. «Бога не боятся монахи, не дадутъ мнѣ душу успокоить», говорила она. Поведеніе ея въ церкви, особенно послѣ конца богослуженія, доходило до странностей. Приложившись ко всѣмъ иконамъ, до которыхъ могла достать устами, она становилась посреди церкви и начинала посылать рукою поцѣлуи къ верхнимъ рядамъ иконостаса, приговаривая: «тебѣ батюшка; тебѣ матушка; успокойте мою душу горемычную». Я слѣдилъ за нею неоднократно и сознаюсь очень забавлялся такими ея выходками.

У Е. С. Текутьевой была дочь, Марья Ивановна, въ супружествѣ за генераломъ Петромъ Ефимовичемъ Лопухи-

нымъ. Этотъ Лопухинъ, въ молодости видный и красивый человѣкъ, служилъ при императорѣ Павлѣ поручикомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, на разводѣ государь замѣтилъ Лопухина и спросилъ фамилію. «Вы, сударь, не родня ли князю Петру Васильевичу?» — «Племянникъ, Ваше Императорское Величество.» — «Жалую васъ штабсъ-капитаномъ» По отъѣздѣ Государя съ развода сослуживцы объяснили недальновидному Лопухину, что сказанная имъ ложь можетъ обойтись дорого, если онъ заблаговременно не упроситъ князя принять его въ родство. Онъ тотчасъ же кинулся къ князю Лопухину, упалъ ему въ ноги и разсказалъ все, что случилось. «Ну, хорошо, будь племянникомъ,» сказалъ усмѣхнувшись старикъ. «Поѣзжай скорѣе во дворецъ, свези записочку Анетѣ, чтобы она знала, что ты намъ родня.» Въ тотъ же вечеръ Павелъ I сказалъ князю: «А вы, сударь, мнѣ не сказали, что у васъ есть племянникъ въ моей гвардіи.» — «Я желалъ, Государь, чтобы онъ самъ заслужилъ ваше вниманіе.» — «Я его сегодня отыскалъ и взыскалъ моею милостью.» Старикъ, конечно, поблагодарилъ за мнимаго племянника. Съ того дня Петръ Ефимовичъ началъ такъ быстро повышаться по службѣ, что черезъ два года былъ уже генералъ-майоромъ и генералъ-адъютантомъ. При воцареніи Александра I, онъ вышелъ въ отставку и около 1820 года умеръ. Разсказъ объ немъ я слышалъ неоднократно отъ жены его и тещи.

ЛЕЖНЕВА,

вдова лѣкаря. Проѣзжая (кажется, въ 1874 году) изъ деревни Ливенскаго уѣзда въ Москву, я остановился ночевать въ г. Орлѣ, въ гостинницѣ. Ночью разбудили меня неистовые крики, плачъ и рыданіе женщины, ночевавшей въ сосѣднемъ номерѣ. Въ крикахъ ея часто слышалось имя Варвинскаго, извѣстнаго доктора медицины и профессора въ Москвѣ. По утру я узналъ, что разбудившая меня барыня—г-жа Лежнева—страдаетъ душевною болѣзнью и проѣзжаетъ съ сестрою къ роднымъ въ Курскую губернію.

Черезъ нѣсколько дней я увидѣлся въ Москвѣ съ О. В. Варвинскимъ, котораго я очень уважалъ, какъ за необыкновенное искусство распознавать болѣзни, такъ и за добродушіе, внимательность къ больнымъ и безкорыстіе. На вопросъ о Лежневой онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Она — вдова одного изъ лучшихъ и любимыхъ учениковъ моихъ; покойный мужъ ея, молодой лѣкарь Лежневъ, женился на ней по любви и въ прошломъ году умеръ отъ чахотки. Вдова, очень горячаго характера, была неутѣшна, сурово обращалась съ тремя своими дѣтьми, изъ которыхъ старшей, Сашѣ, было семь лѣтъ. Я навѣщалъ ихъ иногда, потому что мнѣ очень жаль было этихъ бѣдныхъ осиротѣвшихъ малютокъ, и однажды былъ свидѣтелемъ такой сцены. Разсердившаяся мать била дѣвочекъ, а онѣ горько плакали, и Саша сказала: «Мамаша! за что ты бьешь насъ? Вѣдь мы не виноваты, что папаша умеръ. Онъ говорилъ намъ, что у насъ послѣ него останется еще другой отецъ—Отецъ Небесный; вотъ мы будемъ просить Его, чтобы взялъ насъ къ Себѣ на небо, только тебѣ безъ насъ будетъ грустно». И что же случилось? Три дѣвочки въ тотъ же вечеръ, въ садикѣ, усердно молились Богу со слезами и были застигнуты проливнымъ дождемъ. Ночью открылся у нихъ сильный жаръ, а на другой день я былъ приглашенъ къ нимъ матерью и нашелъ ихъ въ сильной,

злокачественной скарлатинѣ. Черезъ нѣсколько дней три дѣвочки умерли, а мать повредилась въ умѣ».

Вотъ все, что я знаю объ этомъ семействѣ. Изъ разсказа Варвинскаго видно, какъ скоро доходитъ до Бога искренняя молитва дѣтей, еще свободныхъ отъ грѣховныхъ наклонностей.

БОЛОТОВЪ

Павелъ Андреевичъ. Изъ числа современныхъ масоновъ, жившихъ въ провинціи, я ближе всѣхъ зналъ Павла Андреевича Болотова. Сынъ извѣстнаго хозяина и писателя прошедшаго столѣтія, автора любопытныхъ записокъ и 40 томовъ Экономическаго Магазина, Андрея Тимоѳеевича Болотова, П. А. жилъ постоянно въ деревнѣ своей Кромскаго уѣзда, почти рядомъ съ с. Сосковымъ, въ которомъ четвертая часть досталась отцу моему послѣ его матери, и по доброму расположенію къ намъ, завѣдывалъ этимъ небольшимъ нашимъ имѣніемъ. Тамъ былъ я у него однажды и видѣлъ ту электрическую машину, съ разными примѣненіями для лѣченія больныхъ, которую отецъ его, скончавшійся почти столѣтнимъ старцемъ, устроилъ своими руками. Объ этомъ старцѣ одинъ изъ потомковъ его выразился такъ:

„Въ дѣтствѣ я помню нашъ садикъ старинный
Дѣдушка самъ разводилъ;
Съ палкой, съ аршиномъ, съ веревкою длинной,
Онъ вокругъ дома ходилъ
Древенъ ужъ, древенъ онъ былъ, мой голубчикъ,
Старецъ высокой, худой;
Былъ на немъ бѣлый овчинный тулупчикъ,
Самъ онъ, какъ лунь, былъ сѣдой.
Въ ту пору плохо онъ видѣлъ глазами:
Было лѣтъ подъ сто ему,
Руки тряслись, но своими руками
Все онъ работалъ, всему
Былъ головою и въ домѣ и въ полѣ,
Все хлопоталъ и бродилъ,

Вѣкъ не знавалъ онъ ни скуки, ни боли,
Вѣчно смѣялся, шутилъ.
„Ну, говоритъ онъ мнѣ, маленькій внучекъ,
Дѣду теперь помогай,
Ты не жалѣй своихъ бѣленькихъ ручекъ,
Ямки со мною копай“.

Въ Москву Болотовъ пріѣзжалъ иногда по дѣламъ. Я любилъ и уважалъ этого почтеннаго человѣка, необыкновенно добраго, радушнаго, услужливаго, искренно благочестиваго и дѣятельнаго, не смотря на старость. Онъ былъ мастеромъ въ ложѣ «Ищущихъ манны» съ 1818 года, а сынъ его генералъ-маіоръ и профессоръ Военной Академіи, Алексѣй Павловичъ Болотовъ, былъ принятъ ученикомъ въ ту же ложу 17 января 1821 года. Послѣдніе годы своей жизни, ослабѣвъ отъ старости, Павелъ Андреевичъ уже не выѣзжалъ изъ деревни, и я не видалъ его, а потому не могу припомнить время его кончины.

АНАСТАСІЙ,

соборный іеромонахъ, экономъ Сергіевской Лавры. Какъ родственникъ казначея Лавры, архимандрита Арсенія, онъ постриженъ въ молодости, назначенъ подъэкономомъ. Это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный, крайне дѣятельный, распорядительный и бойкій, хотя безъ всякаго образованія, онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Около 1830 года онъ поступилъ экономомъ въ Московскій митрополичій домъ. Тутъ пришла ему мысль учиться медицинскимъ наукамъ; съ разрѣшенія владыки онъ усердно принялся за ученіе, прошелъ въ Московской Медико-Хирургической Академіи полный курсъ, старательно училъ лекціи частію въ подлинникѣ, если онѣ были писаны на русскомъ языкѣ, частію же въ переводѣ, если профессоры преподавали по-латынѣ; посѣщалъ анатомію и клинику. Студенты академіи

служили ему репетиторами, объясняли ему то, чего онъ не понималъ и переводили для него латинскія лекціи; за все онъ платилъ имъ, не жалѣя денегъ. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ усилій и трудовъ, онъ успѣшно выдержалъ экзаменъ, но не получилъ степени лекаря, потому что не зналъ латинскаго языка и не упражнялся въ оперативной хирургіи и акушерствѣ. Послѣднія двѣ науки были строго запрещены ему митрополитомъ, первая потому, что іерей не долженъ проливать крови, а вторая, какъ неприличная монашескому сану. Анастасію дано было позволеніе лечить больныхъ подъ надзоромъ мѣстнаго врача, и онъ, возвратясь въ Лавру, принялся пользоваться этимъ дозволеніемъ, нисколько не прибѣгая къ совѣтамъ мѣстнаго штабъ-лекаря, котораго считалъ ниже себя, по теоріи и практикѣ, въ чемъ былъ совершенно правъ. Вся Лавра, весь посадъ и множество окрестныхъ селеній лечились исключительно у одного только Анастасія. Даже изъ Москвы ѣздили къ нему лѣчиться знакомые купцы и купчихи. Онъ отлично разпознавалъ болѣзни и лѣчилъ большею частью удачно Ни съ кого не требовалъ онъ платы; но если кто давалъ ему деньги, онъ не отказывался, а употреблялъ ихъ на лѣкарства для бѣдныхъ. Во время Крымской войны онъ напросился на поприще военныхъ дѣйствій, перевязывалъ раны на перевязочномъ пунктѣ; исповѣдывалъ и причащалъ умирающихъ во время штурмовъ и вылазокъ подъ непріятельскими выстрѣлами; при недостаткѣ врачей, замѣнялъ ихъ въ лазаретахъ. Тамъ заразился онъ гошпитальнымъ тифомъ и умеръ въ Севастополѣ, получивъ передъ смертью золотой наперстный крестъ на Георгіевской лентѣ.

АЛЕКСІЙ,
архіепископъ Литовскій и Виленскій,

въ мірѣ Александръ Ѳедоровичъ Лавровъ. Урожденецъ Пошехонскаго уѣзда, воспитанникъ Ярославской семинаріи, первый магистръ Московской Духовной Академіи, XIX курса, онъ былъ назначенъ въ 1856 году баккалавромъ церковнаго законовѣдѣнія, а въ 1864 г. экстраординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ *). Въ то же время онъ завѣдывалъ академическою библіотекою: сохранилось преданіе, что А. Ѳ. Лавровъ, точно такъ же какъ и А. В. Горскій, (они оба были библіотекарями Академіи), такъ зналъ ея библіотеку, что могъ безъ свѣчки находить нужную книгу и на память указывалъ студентамъ страницы по занимавшему ихъ вопросу. Лекціи А. Ѳ. Лаврова по каноническому праву отличались положительнымъ характеромъ и полны были фактическихъ основоположеній, изъ которыхъ выводы давались сами собою. Лекціи свои почившій владыка никогда не печаталъ и никто кромѣ его слушателей, казалось, не зналъ о тѣхъ строго-православныхъ и непоколебимо-основательныхъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, какія проводилъ онъ въ своихъ лекціяхъ, точно такъ же какъ мало кому было извѣстно его дѣятельное участіе въ переводахъ святоотеческихъ твореній.

Искреннее благочестіе, постоянная скромность и молчаливость, любовь къ уединенной жизни обнаруживали въ молодомъ преподавателѣ наклонность къ монашеской жизни,

---

*) Въ некрологѣ, помѣщенномъ въ *Московскомъ Листкѣ*, № 315, А. Ѳ. Лавровъ названъ товарищемъ по курсу извѣстныхъ профессоровъ Московской Духовной Академіи В. Д. Кудрявцева и Н. И. Субботина. Это явная ошибка: они оба принадлежали къ XVIII курсу, а товарищами преосв. Алексія по академическому образованію были: преосв. Михаилъ (Лузинъ), еписк. Курскій, Ф. А. Сергіевскій, ректоръ Виленской семинаріи, Д. Ѳ. Голубинскій, проф. Моск. Дух. Академіи, П. А. Смирновъ, протоіерей Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, П. И. Корсунскій, давно уже умершій, и многіе другіе.

и дѣйствительно онъ въ это время тайно готовилъ себя къ постриженію, какъ увѣряютъ близкіе къ нему люди. Но однажды, отправившись на богомолье въ Ростовъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Пав. Ник. Корсунскимъ, А. Ѳ. зашелъ въ домъ отца его почтеннаго протоіерея Н. И. Корсунскаго и увидѣлъ сестру своего спутника Марію Николаевну... Влеченіе къ монашеству исчезло, и молодой профессоръ сдѣлался счастливымъ супругомъ. Новобрачные прожили нѣсколько лѣтъ, какъ говорится, душа въ душу; единственнымъ плодомъ брачнаго ихъ союза была дочь, горячо любимая нѣжными родителями.

Въ это время я близко зналъ А. Ѳ. Лаврова и нерѣдко бывалъ у него, любуясь семейнымъ его счастіемъ. Для меня наступило тогда самое горестное время моей жизни: я лишился тогда любимаго моего сына—Володи (см. слово «Володя»). Изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ одни только Лавровы приняли участіе въ положеніи моемъ и жены моей; А. Ѳ. посѣщалъ насъ ежедневно, утѣшалъ своею бесѣдою и приносилъ книги не только для меня, но и для старшихъ сыновей моихъ.

Между тѣмъ вѣянія либеральныя хотѣли вторгнуться даже въ область самой православной церкви: возбужденъ былъ и искусственно быстро проводился вопросъ о преобразованіи духовно-судной части. Затѣвали измѣнить незыблемые каноны церкви, отдѣлить судебную власть отъ правительственной епископской, ограничить эту послѣднюю и насадить и въ церковной сферѣ тѣ юридическія новшества, которыхъ несостоятельность теперь видна и въ судахъ гражданскихъ. Тогда приближавшійся уже къ блаженной кончинѣ митрополитъ Филаретъ ввелъ Александра Ѳеодоровича Лаврова въ составъ Петербургской коммиссіи по преобразованію церковно-судебной части. И вотъ здѣсь-то почившій, уже послѣ смерти митрополита Филарета, показалъ себя великимъ мужемъ совѣта и силы, не только глубочайшимъ юристомъ, но и столпомъ церкви и ея священно-незыблемыхъ каноновъ. Онъ доказалъ, что реформа церковнаго суда на основаніи

принциповъ, несовмѣстимыхъ съ православіемъ, безусловно невозможна, и реформаторскій вопросъ лопнулъ, какъ мыльный пузырь... Воспоминаніемъ объ этомъ служитъ появившаяся послѣ того, но безъ имени А. Ѳ. Лаврова, обширная книга: «По вопросу о преобразованіи церковнаго суда»,— трудъ многоцѣнный и классическій.

Для знаменитаго канониста - защитника православной іерархіи наступило время трудовъ святительскихъ. А. Ѳ. Лавровъ лишился дочери, а затѣмъ и прекраснѣйшей, въ высшемъ смыслѣ слова, супруги (см. слово «Лаврова»). Онъ понялъ указаніе Промысла Божія и вступилъ на путь монашества. Въ январѣ 1878 года онъ принялъ постриженіе съ именемъ Алексія *), а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ рукоположенъ въ санъ епископскій.

Въ то время Московскую каѳедру занималъ преосв. митрополитъ Иннокентій. Онъ желалъ видѣть отца Алексія ректоромъ Академіи, но встрѣтилъ въ Св. Синодѣ противорѣчіе своему намѣренію, основанное на томъ, что ректоръ, какъ ординарный профессоръ, долженъ быть докторомъ богословія **). Тогда одинъ изъ Синодальныхъ членовъ предложилъ ему взять о. Алексія въ викаріи Московской епархіи. Старецъ, утомленный многолѣтними миссіонерскими подвигами, мало знакомый съ администраціею многолюдной епархіи ***) и почти лишенный зрѣнія, принялъ предложеніе съ радостью. Такимъ образомъ преосв. Алексій сталъ епископомъ сначала Можайскимъ, а потомъ Дмитровскимъ, и въ теченіе шести лѣтъ былъ вѣрнымъ, усерднымъ помощникомъ не только маститаго старца Иннокентія, но и преемника его, митрополита Макарія. Въ лицѣ его Москва, и

*) А. Ѳ. Лавровъ получилъ при крещеніи имя св. князя Александра Невскаго и сохранилъ то же имя въ иноцѣхъ Алексія.

**) Въ настоящее время, изъ числа ректоровъ четырехъ Духовн. Академій, только одинъ (Кіевскій) докторъ богословія, а три остальные—магистры.

***) Камчатская епархія, съ которой преосв. Иннокентій перешелъ въ Москву, скорѣе миссія, нежели епархія.

въ образованномъ ея обществѣ, и въ простомъ народѣ, любила и чтила великую звѣзду православной церкви, горѣвшую яркимъ и теплымъ свѣтомъ на нашемъ святительскомъ небосклонѣ. Кто не помнитъ въ Москвѣ глубоко-благоговѣйнаго и апостольски-величественнаго служенія преосв. Алексія въ кремлевскихъ соборахъ и другихъ храмахъ первопрестольной нашей столицы, на которое стекались даже старообрядцы, чтившіе «истовую» его уставность? Кто не знаетъ задушевной теплоты этого архипастыря, его сердечной доброты, готовой помочь всякому нуждающемуся, его свѣтлаго и разумнаго патріотизма, его мудрой и изящно-простой бесѣды? Москва и по разлукѣ съ нимъ не забывала его, и питала къ нему чувства особенно добраго расположенія.

Послѣ преждевременной кончины незабвеннаго митрополита Макарія, мы должны были разстаться съ преосвящен. Алексіемъ: онъ былъ назначенъ на Виленскую каѳедру и тамъ возведенъ былъ въ высокій архіепископскій санъ. Нельзя было избрать болѣе русскаго въ государственномъ смыслѣ и болѣе ревностно православнаго въ церковномъ отношеніи святителя, мудраго и стойкаго, какимъ былъ почившій и какой былъ именно необходимъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ польщизна и папизмъ все еще не хотятъ отказаться отъ своихъ неправыхъ притязаній... Но и здѣсь доблестный русскій святитель твердо, ревностно и плодотворно совершалъ подвигъ русскаго православнаго дѣла. Пятилѣтнее служеніе церкви Божіей на западно-русской окраинѣ было временемъ большихъ трудовъ владыки. Это былъ періодъ ознакомленія и изученія имъ всѣхъ, отчасти исключительныхъ, сторонъ жизни епархіи, для чего имъ прочитано множество прошлыхъ дѣлъ, при чемъ много дѣлъ и лицъ сдѣлались извѣстными ему въ подробности. Онъ отличался простотою и доступностью для всѣхъ, съ терпѣніемъ выслушивалъ просьбы и желанія просителей во всякое время и въ предѣлахъ законности обѣщалъ удовлетворять ихъ; былъ ласковъ со всѣми и очень часто въ благословеніе дарилъ образъ или кни-

гу. Просьбы о помощи по бѣдности и сиротству всегда, по возможности, удовлетворялись имъ. Поэтому и въ Вильнѣ, такъ же какъ прежде въ Москвѣ, почившій архипастырь пользовался великою любовію всѣхъ, кто только имѣлъ счастіе войти съ нимъ въ общеніе—по службѣ ли, или просто по простому знакомству. Его благоговѣйное служеніе, его всегдашняя готовность оказать каждому одолженіе, его привѣтливое обращеніе даже съ низшими и здѣсь производили свое неизмѣнное дѣйствіе: всѣ беззавѣтно любили великаго святителя, у всѣхъ, отъ вельможи до простолюдина, запечатлѣнъ былъ на сердцѣ неизгладимыми чертами свѣтлый образъ человѣка, любвеобильное сердце котораго было всегда широко отверсто для искреннѣйшаго сострадания и помощи всѣмъ страждующимъ.

Какъ администраторъ, преосв. Алексій отличался твердымъ характеромъ. Выслушивая охотно совѣтъ людей, свѣдущихъ по извѣстному предмету, онъ принималъ сіи совѣты къ свѣдѣнію, а рѣшалъ дѣло самостоятельно по долгомъ и тщательномъ размышленіи. Отъ сего, можетъ быть, происходило иногда замедленіе въ дѣлахъ, но не въ ущербъ, а во благо самому дѣлу. Административный постъ его былъ особенно труденъ, потому что ему приходилось часто въ своей дѣятельности соприкасаться съ иновѣрными элементами, и онъ въ такихъ случаяхъ дѣйствовалъ съ мудростію и кротостію по заповѣди Спасителя: «будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе». Двери его покоевъ всегда были открыты для всякаго имѣвшаго въ немъ нужду отъ ранняго утра и до поздняго вечера. Какъ начальникъ духовно - учебныхъ заведеній, онъ также оставилъ по себѣ добрую память.

О литературной дѣятельности почившаго архипастыря знаемъ только, что послѣ его смерти осталось множество его рукописныхъ сочиненій, частію уже изданныхъ, частію же подготовленныхъ къ печати, много также книгъ и рукописей съ его помѣтками, относящимися къ ученымъ занятіямъ его по каноническому праву. Почившій владыка не любилъ подписывать свое имя подъ своими произведеніями

(благодаря такой скромности не осталось и фотографической карточки его), а потому его печатные труды, во множествѣ разсѣянные въ разныхъ изданіяхъ, стали приписывать другимъ лицамъ. Его труды: «Предполагаемая реформа церковнаго суда», 2 книги, и «Правда о выборномъ началѣ въ церкви» имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ предполагавшихся преобразованій въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ. Ему же принадлежитъ мысль и главное участіе въ изданіи въ свѣтъ въ русскомъ и греческомъ текстахъ, съ толкованіями, (въ 3-хъ томахъ) «Правилъ Св. Апостолъ, Св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Правилъ Св. Отецъ». Трудъ капитальный и весьма полезный для церкви. Еще извѣстны труды его ученаго пера: «Третья апологія по новому вопросу», «О передачѣ брачныхъ дѣлъ изъ духовнаго суда въ свѣтскій». Ему же принадлежатъ основательныя критическія статьи по каноническому праву и русской церковной исторіи; недавно имъ разобрана исторія г. Малицкаго; статьи эти составлялись большею частію по порученію учебнаго комитета при Св. Синодѣ. Почившій владыка имѣлъ мысль представить диссертацію на степень доктора; предметомъ для нея онъ взялъ изслѣдованіе о бракоразводномъ вопросѣ въ православной церкви и въ этомъ направленіи онъ много потрудился, и писалъ небольшія статьи. Но и лѣта, и положеніе, а съ нимъ и особые епархіальные труды мѣшали ему много. Тѣмъ не менѣе по брачному вопросу онъ далъ нѣсколько мнѣній, отъ него требовавшихся. Онъ также много потрудился надъ просмотромъ и составленіемъ послѣдняго академическаго устава, и вообще важнѣйшія церковныя реформы послѣдняго времени, требовавшія выработаннаго рѣшенія, присылались къ почившему архипастырю съ просьбою дать свое мнѣніе и заключеніе.

Послѣ потерь и горестей мірской жизни, непосильные труды и заботы архипастырства преждевременно сломили здоровье чувствительнаго и неутомимаго владыки. Еще въ прошломъ 1889 году открылся у него отекъ обѣихъ ногъ, продолжавшійся болѣе года; врачи поняли, что это былъ

признакъ неизлѣчимой болѣзни сердца. Но 8 ноября онъ могъ еще совершить литургію и панихиду по графѣ М. Н. Муравьевѣ. Наступило 9 ноября — послѣдній день жизни преосв. Алексія. Въ этотъ день вечеромъ онъ выѣхалъ съ членами Консисторіи на вокзалъ желѣзной дороги для встрѣчи преосв. Леонтія, архіепископа Варшавскаго, проѣзжавшаго въ Петербургъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ свиданія, проводивъ гостя въ вагонъ, покойный владыка едва могъ держаться на ногахъ. Съ нимъ сдѣлалась дурнота; приведенный въ чувство при помощи врачей, онъ былъ перевезенъ домой и уложенъ въ постель. Здѣсь онъ казался успокоившимся, какъ вдругъ поднялся, схватилъ себя за голову, испустилъ громкій крикъ и, упавъ на подушки, внезапно скончался, 10 ноября 1890 года, въ $2^1/_2$ часа по полуночи.

Къ отпѣванію и погребенію почившаго архипастыря прибылъ, по распоряженію Св. Синода, одинъ изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ іерарховъ русской церкви, преосв. Сергій, архіеп. Кишиневскій; къ нему присоединились преосв. епископы сосѣднихъ епархій—Симеонъ Минскій и Антонинъ Полоцкій и два викарія почившаго владыки — Кириллъ Ковенскій и Анастасій Брестскій. Отпѣваніе совершилось 13 ноября въ городскомъ соборѣ, а погребеніе въ склепѣ подъ тою церковью, въ которой нетлѣнно почиваютъ мощи трехъ мучениковъ Литовскихъ.

Въ числѣ рѣчей, произнесенныхъ предъ гробомъ преосв. Алексія, особенно замѣчательна по глубинѣ и искренности чувства рѣчь профессора Московской Духовной Академіи Н. А. Заозерскаго, ученика и преемника по каѳедрѣ почившаго святителя. Обратясь къ гробу, онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: «Учителю, учителю!» и затѣмъ изложилъ заслуги усопшаго, какъ преподавателя церковнаго права. «Это былъ одинъ изъ почетнѣйшихъ учителей и ученыхъ Московской Духовной Академіи. Священные церковные каноны, законы благовѣрныхъ греческихъ царей и все отечественное законодательство до церкви относящееся онъ зналъ въ такой глубинѣ и широтѣ,—что̀ требовало, конечно, напряженнаго

и самоотверженнаго труда,—что приводилъ въ удивленіе въ одинаковой мѣрѣ и юристовъ-теоретиковъ и даже юристовъ-практиковъ. Но при такомъ ученомъ авторитетѣ, это былъ мужъ, исполненный глубокаго смиренія, относительно своихъ достоинствъ и христіански-гуманнѣйшій человѣкъ. Чѣмъ особенно поражало въ немъ первое изъ этихъ качествъ, это—строжайшее отношеніе къ своему слову, особенно, когда касалось оно любимой имъ науки. Онъ былъ совершенно чуждъ тѣхъ недостатковъ, какими въ настоящее время, какъ болѣзнію какою заразительною, страдаютъ многіе мнящіеся быть учеными—недостатковъ суесловія и тщеславія... Онъ не только не искалъ ученой славы и популярности, но ревниво заботился укрыть свое имя и при изданіи тѣхъ немногихъ произведеній своего самоотверженнаго ученаго труда и таланта, которыя имѣли рѣдкое по силѣ своей вліяніе на современный намъ церковный строй. Его слово было ясно, сильно и правдиво и нельзя было не покоряться ему. Его научныя убѣжденія были непоколебимы; безсильны были для нихъ соблазны личной, временно-жизненной перспективы, а о невыгодахъ, соединенныхъ съ твердостію храненія этихъ побужденій и говорить нечего: онъ презиралъ ихъ.

Это былъ христіански-гуманнѣйшій учитель нашъ. Какую внимательность обнаруживалъ онъ къ недоразумѣніямъ, къ заявленіямъ нашихъ ученическихъ нуждъ—это трудно представить. Мы, ученики его, безпощадно отнимали у него время, — свободное, казалось намъ, отъ служебныхъ его занятій, — разспрашивая его, какъ поступить тамъ, какъ тутъ, какъ преодолѣть такую-то и такую-то трудность въ данныхъ намъ ученыхъ работахъ. И онъ все выслушивалъ, все взвѣшивалъ, все разъяснялъ, помогалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ. И все это – кротко, привѣтливо, ласково».

МАРІЯ,

основательница и игуменья Спасобородинскаго монастыря, въ мірѣ Маргарита Михайловна Тучкова. Она родилась въ началѣ 1781 года. Отецъ ея, Михаилъ Петровичъ Нарышкинъ, и мать ея, Варвара Алексѣевна (рожденная княжна Волконская), были очень извѣстны и очень любимы въ обществѣ. Дѣвочка обнаруживала съ раннихъ лѣтъ природу страстную, нервную и воспріимчивую. Всѣ ея впечатлѣнія носили характеръ страсти, и она уступала имъ безотчетно *). Ее манило все прекрасное, все блестящее. Въ особенности любила она музыку, изучила ее основательно и была одарена замѣчательнымъ голосомъ. Увлекало ее также и чтеніе, она могла просидѣть цѣлые дни надъ книгой.

Двадцати пяти лѣтъ она вступила въ бракъ съ Александромъ Алексѣевичемъ Тучковымъ, и зажила полною, счастливою жизнію. Она гордилась красотою мужа, котораго сравнивали въ тогдашнемъ обществѣ съ Аполлономъ, его храбростью, рыцарскою его доблестью. Когда была объявлена война со Швеціей, и Ал. Ал. собрался въ походъ, она рѣшилась ѣхать съ нимъ. Напрасно онъ самъ и семейство пытались напугать ее лишеніями и опасностію, которыя ей предстояло перенести. «Разстаться съ мужемъ мнѣ еще страшнѣе», отвѣчала она и поѣхала съ нимъ Тучковъ возвратился невредимъ въ Россію и продолжалъ военную службу. Онъ стоялъ съ своими полками въ Минской губерніи. Насталъ двѣнадцатый годъ, и Александръ Алексѣевичъ получилъ приказаніе выступить къ Смоленску. Маргарита Михайловна была уже матерью; она сама кормила сына, недавно отняла его отъ груди и любила съ тою страстью,

*) Ту же впечатлительность, то же постоянное оживленіе обнаруживала она и въ глубокой старости. Встрѣчаясь съ нею въ домѣ родной сестры ея, княгини Евд. Мих. Голицыной (о ней будетъ сказано особо) я всегда удивлялся этимъ качествамъ въ престарѣлой женщинѣ, изнуренной горемъ и болѣзнями.

которую вносила во всѣ свои привязанности. На этотъ разъ нечего было и думать о томъ, чтобы слѣдовать за мужемъ въ походъ, и было рѣшено, что молодая женщина съ сыномъ поѣдетъ въ Москву, къ своимъ родителямъ. Она должна была проводить полкъ до Смоленска и продолжать свой путь. Начались приготовленія къ отъѣзду. Тучковъ боялся, чтобъ утварь полковой церкви не попала въ руки непріятеля и просилъ Маргариту Михайловну увезти ее съ собой. Между другими церковными принадлежностями находилась мѣстная икона Нерукотвореннаго Спаса, которую Александръ Алексѣевичъ собственноручно вручилъ женѣ.

Приближаясь къ Смоленску остановились въ какой то деревушкѣ, чтобы переночевать. Тучковымъ была отведена тѣсная, грязная, удушливая изба, но всѣ рады были возможности немного отдохнуть. Поужинали наскоро и улеглись полуодѣтые на сѣнѣ, разостланномъ по полу. Маргарита Михайловна, утомленная долгимъ путемъ, скоро заснула и ей приснился сонъ. Она видѣла висящую предъ нею рамку и прочла рѣзко начерченную кровавыми буквами надпись на французскомъ языкѣ: Ton sort se décidera à Borodino (твоя участь рѣшится въ Бородинѣ). Крупныя капли крови отдѣлялись отъ буквъ и струились по бумагѣ. Бѣдная женщина вскрикнула и вскочила съ постели. Ея мужъ и мадамъ Бувье *) пробужденные крикомъ, бросились къ ней. Она была блѣдна и дрожала какъ осенній листъ.

— Гдѣ Бородино? спросила она мужа, едва переводя духъ:—тебя убьютъ въ Бородинѣ!

— Бородино? повторилъ Александръ Алексѣевичъ,—я въ первый разъ слышу это имя.

И дѣйствительно, маленькое Бородинское село было тогда неизвѣстно.

Утомленіе преодолѣло страхъ; Тучкова легла и заснула. Но ей приснился опять тотъ же сонъ: опять та же роковая

*) Француженка, няня Коли Тучкова, впослѣдствіи приняла православіе и скончалась въ Бородинскомъ монастырѣ.

надпись, обнесенная рамкой, и тѣ же капли крови, которыя отдѣлялись медленно одна за другой отъ буквъ и струились по бумагѣ. На этотъ разъ она увидѣла еще стоящихъ около рамки священника, брата своего Кирилла Михайловича и, наконецъ, своего отца, держащаго на рукахъ маленькаго ея Колю.

Маргарита Михайловна доѣхала благополучно до Москвы и оттуда, вмѣстѣ съ родителями отправилась въ Костромское ихъ имѣніе, откуда они посылали на почту въ уѣздный городъ Кинешму. Молодая женщина пожелала остаться въ городѣ, чтобы имѣть возможность получать безъ замедленія извѣстія отъ мужа и наняла маленькую квартиру, гдѣ поселилась съ сыномъ и мадамъ Бувье. Наступило 1-е сентября, день ея имянинъ. Она отслушала обѣдню и, вернувшись изъ церкви, сѣла къ столу, задумалась, оперлась руками на столъ и опустила голову на руки. Вдругъ ее окликнулъ голосъ отца. Ей пришло немедленно на мысль, что Михаилъ Петровичъ пріѣхалъ изъ деревни, чтобы провести съ ней этотъ день, и она подняла голову. Предъ ней стоялъ священникъ, а рядомъ съ нимъ ея отецъ съ маленькимъ Колей на рукахъ. Всѣ страшныя подробности ея сна мелькнули мгновенно въ ея памяти, одного лишь брата не доставало къ дополненію картины.

— А Кириллъ? крикнула она изступленнымъ голосомъ.

Онъ показался на порогѣ.

— Убитъ! молвила Маргарита Михайловна и лишилась чувствъ

Когда она пришла въ себя, братъ и отецъ стояли около нея.

— Было дано сраженіе подъ Бородинымъ, сказалъ ей сквозь слезы Кириллъ Михайловичъ.

Онъ былъ адъютантомъ Барклая-де-Толли, спѣшилъ въ армію и заѣхалъ къ своимъ для того только, чтобы сообщить ей горькое извѣстіе о смерти мужа. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Маргарита Михайловна не могла его видѣть, чтобы не вспомнить объ ихъ встрѣчѣ въ Кинешмѣ, и съ ней дѣлалась дурнота при его появленіи.

Не скоро пришла въ себя Маргарита Михайловна послѣ извѣстія, сообщеннаго ей братомъ. Лишь только возвратились ея силы, она поѣхала на Бородинское поле отыскивать тѣло мужа. Путешественница, не давши себѣ времени отдохнуть отъ тяжелой дороги, послала въ Лужецкій монастырь просить священниковъ придти немедленно на поле битвы, чтобы отслужить паннихиду по убіеннымъ, а между тѣмъ поѣхала сама на поле, гдѣ, по выраженію Ѳ. Н. Глинки, «лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы.» Все увеличивало ужасъ картины: ночь уже наступила, небо было сумрачно, дулъ по временамъ холодный вѣтеръ, и воздухъ былъ зараженъ тысячами тлѣвшихъ тѣлъ. По распоряженіямъ начальства приступили къ ихъ сожженію, и на берегахъ Огпика пылали костры, надъ которыми поднимался въ сыромъ воздухѣ густой дымъ. Здѣсь Маргарита Михайловна опустилась на колѣни и слушала паннихиду по «убіенномъ боляринѣ Александрѣ и всѣмъ воинамъ, на семъ мѣстѣ убіеннымъ». Когда клиръ умолкъ, повторивъ за діакономъ «вѣчная память», Тучкова встала и спросила, кто поможетъ ей отыскать тѣло мужа. На этотъ подвигъ вызвался старый схимникъ.

Мѣсто, гдѣ палъ Александръ Алексѣевичъ, было приблизительно извѣстно. Одинъ изъ бородинскихъ воиновъ, графъ Коновницынъ, другъ Нарышкиныхъ, прислалъ Маргаритѣ Михайловнѣ планъ поля битвы, гдѣ батарея, на которой сражался Тучковъ, была означена около ручья Огпика и деревни Семеновской. Кромѣ того узнали отъ солдата Ревельскаго полка *), что у генерала оторвало обѣ руки, и онъ упалъ. Солдаты подняли его, чтобы унести съ мѣста сраженія, но лишь только они прошли нѣсколько шаговъ съ своею ношей, у него оторвало ноги и, наконецъ, ядро, попавшее въ грудь, прекратила его страданія.

Отшельникъ, держа въ одной рукѣ факелъ, а въ другой— фіалъ со святою водою и кропильницей, шелъ впередъ по

*) Тучковъ командовалъ Ревельскимъ полкомъ.

указанію вдовы. Они останавливались на каждомъ шагу, прокладывая себѣ медленно путь между разбросанныхъ тѣлъ и отсѣченныхъ членовъ. Старецъ творилъ вполголоса молитву и окроплялъ святою водой убіенныхъ, а она нагибалась къ каждому обезчлененному трупу и старалась узнать сквозь признаки тлѣнія дорогія для нея черты. Лихорадочная надежда поддерживала ея силы, и во всю ночь продолжалось ея странствованіе по Бородинскому полю. Наконецъ она убѣдилась, что ея усилія напрасны и возвратилась въ отчаяніи на квартиру, гдѣ оставила сына и вѣрную свою мадамъ Бувье. Но переступивъ черезъ порогъ комнаты, она упала безъ чувствъ, и, когда пришла въ себя, съ ней сдѣлался сильный нервный припадокъ.

Несчастной вдовѣ запала въ душу мысль посвятить молитвѣ то мѣсто, на которомъ погибъ ея мужъ. Земля трехъ владѣльцевъ соединялась клиномъ тамъ, гдѣ стоялъ его полкъ, и Тучкова думала купить у каждаго его участокъ, для постройки церкви, но они пожертвовали свою землю въ пользу благаго дѣла. Императоръ Александръ I прислалъ десять тысячъ на основаніе храма, и Маргарита Михайловна, продавъ свои брилліанты, чтобы увеличить сумму, приступила немедленно къ постройкамъ. Она любила слѣдить сама за работами и поставила около начатой церкви небольшой домикъ или сторожку, какъ ее называютъ до сихъ поръ, гдѣ помѣщалась съ сыномъ и мадамъ Бувье, когда пріѣзжала въ Бородино изъ Москвы или изъ своего Тульскаго имѣнія. Маленькая четырехъугольная церковь поражаетъ простотою своей архитектуры и убранства. На стѣнахъ, отдѣланныхъ подъ бѣлый мраморъ, нѣтъ ни украшеній, ни даже иконъ: живопись бронзоваго иконостаса принадлежитъ кисти Кіевскихъ иконописцевъ.

Послѣ удаленія непріятеля отъ нашихъ границъ Ревельскій полкъ, почти совершенно истребленный подъ Бородинымъ, былъ снова сформированъ, и начальникъ его явился къ Маргаритѣ Михайловнѣ, чтобы принять отъ нея церковную утварь, вѣренную ей Александромъ Алексѣевичемъ.

Но вдова не рѣшилась разстаться съ иконой Нерукотворенаго Спаса, предъ которою въ послѣдній разъ помолилась вмѣстѣ съ мужемъ; она просила у новаго полковаго командира позволенія оставить ее у себя, обязуясь доставить ему вѣрную съ нея копію: онъ согласился тѣмъ охотнѣе, что иконостасъ полковой церкви былъ возобновленъ, и образъ не подходилъ подъ его размѣръ.

Этотъ образъ сдѣлался предметомъ особеннаго поклоненія и вѣры Маргариты Михайловны. Предъ ликомъ Спасителя она любила изливать свое горе и учила осиротѣвшаго сына молиться предъ нимъ за убіеннаго отца. Спасо-Бородинскій храмъ былъ отстроенъ и освященъ въ 1820 г., и она внесла въ него сама драгоцѣнную для нея икону, которую поставила надъ правымъ клиросомъ.

Эта церковь — надгробный памятникъ Тучкова. За алтаремъ возвышается регулярная насыпь; на ней растетъ береза, къ которой прибита доска съ надписью: «На сей батареѣ убитъ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 1812 года 26 августа.» Внутри церкви, налѣво отъ входа, стоитъ бѣлый мраморный крестъ: на темномъ его подножіи, также изъ мрамора, вырѣзаны слова: «Помяни Господи во царствіи Твоемъ Александра на брани убіеннаго.» Въ серединѣ креста—золотое сіяніе, и предъ нимъ горитъ постоянно лампада.

Жизнь свою Маргарита Михайловна посвятила памяти мужа и воспитанію ребенка. Она схоронила отца и мать, и съ каждою новою утратой росла ея привязанность къ сыну. Вѣчная ея грусть имѣла на него сильное вліяніе, и онъ былъ не по лѣтамъ тихъ и задумчивъ. Вся обстановка, среди которой росъ Коля, усиливала врожденную наклонность къ грусти, наслѣдованную имъ отъ отца. Онъ не зналъ шумныхъ и рѣзвыхъ игръ; всѣ его любили за сердечную его мягкость и доброту. Радовалась и не народовалась на него мать: Коля былъ цѣлью ея жизни, единственной ея радостью и постоянной заботой. Она писала для него свои записки, гдѣ высказывается вся ея материнская нѣжность.

Но Промыслъ Божій судилъ неутѣшной вдовѣ похоронить послѣднее свое сокровище: сынъ ея заболѣлъ отъ простуды и умеръ на рукахъ матери *).

Прошло нѣсколько дней, и Спасо-Бородинская церковь встрѣтила глухимъ ударомъ своего колокола появленіе траурной колесницы, которая приближалась медленно, сопровождаемая Маргаритою Михайловной. Видъ храма, воздвигнутаго надъ прахомъ мужа, смягчилъ на минуту жгучее горе вдовы и осиротѣлой матери.

На правой сторонѣ отъ входа лежитъ въ церкви, параллельно съ мраморнымъ крестомъ, обнесенная позолоченною рѣшеткой плита, на которой вырѣзано имя Николая Тучкова. Предъ ней стоитъ налой, а на немъ въ золотомъ окладѣ икона «Радости всѣхъ скорбящихъ.» Этою иконой Александръ Алексѣевичъ, собираясь въ походъ, съ котораго не вернулся, благословилъ сына. Неугасимая лампада теплится предъ ней.

Не мирилось наболѣвшее сердце Маргариты Михайловны съ ударомъ, разбившимъ окончательно ея жизнь. Точно такъ же, какъ больной переходитъ съ одного мѣста на другое, въ надеждѣ облегчить свои страданія, она переѣзжала изъ Бородина въ Москву изъ Москвы въ Бородино. То она утомляла себя долгою молитвой, то не находила возможности принудить себя къ молитвѣ. Она пробовала искать успокоенія въ вѣрѣ другихъ и обращалась за утѣшительнымъ словомъ къ людямъ, отрекшимся отъ міра. Разъ она пріѣхала къ митрополиту Филарету въ ту минуту, когда съ нимъ прощалась пожилая женщина и трое молодыхъ людей. Какъ скоро они вышли изъ комнаты, митрополитъ сказалъ:

— Тоже Бородинская вдова и ея сироты.

— Три сына! воскликнула она, а у меня все отнято! За что?

Онъ взглянулъ на нее строго и отвѣчалъ:

— Вѣроятно она болѣе васъ заслужила своею покорностію милость Божію.

---

*) Ник. Ал. Тучковъ скончался 15 лѣтъ, не окончивъ курса въ Пажескомъ Корпусѣ, гдѣ былъ записанъ съ дѣтства.

Маргарита Михайловна не отозвалась и рыдала, прислонясь къ стѣнѣ. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ она вышла изъ комнаты, спустилась съ лѣстницы и сѣла въ карету. Возвратившись домой, она приказала отказывать всѣмъ и заперлась въ свою спальню.

Черезъ часъ карета митрополита остановилась предъ крыльцемъ ея дома. Лакей отворилъ дверь и доложилъ, что Маргарита Михайловна не принимаетъ.

— Но меня она вѣроятно приметъ, отвѣчалъ Филаретъ,— скажи ей, что я желаю ее видѣть.

Когда онъ вошелъ, она встрѣтила его въ гостиной.

— Я оскорбилъ васъ жестокимъ словомъ, Маргарита Михайловна, сказалъ онъ, подходя къ ней—и пріѣхалъ просить у васъ прощенія.

Эти слова глубоко ее тронули и положили начало искренней дружбѣ между нею и митрополитомъ. Съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Руководясь его совѣтами или повинуясь новой потребности своего горя, она переселилась окончательно на Бородинское поле.

Между тѣмъ, около усадьбы Маргариты Михайловны начали строиться кельи добровольныхъ отшельницъ отъ міра, частію изъ дворянскихъ фамилій, а частію изъ зажиточныхъ купеческихъ семействъ; къ нимъ пріютились бѣдныя вдовы и дѣвицы, готовыя на честный трудъ съ молитвою. Такимъ образомъ, къ 1833 г. такихъ отшельницъ и труженицъ собралось до 53 душъ. Тогда, по просьбѣ Маргариты Михайловны и представленію Московскаго архипастыря, митрополита Филарета, Святѣйшимъ Синодомъ, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшено изъ собравшихся сестеръ устроить общежительную пустынь, подъ начальствомъ самой Маргариты Михайловны. Вслѣдъ затѣмъ, 1 января 1838 г. по Высочайше утвержденному докладу Св. Синода, пустынь эта обращена во второклассный женскій монастырь. Въ 1839 г. была построена и освящена небольшая зимняя церковь во имя праведнаго Филарета. Въ 1840 г., 28 іюня, Маргарита Михайловна пострижена была, въ Сергіевой Лаврѣ, самимъ

митрополитомъ въ монашество съ нареченіемъ имени Марія, а 29 числа возведена въ санъ игуменіи основаннаго ею монастыря*).

Черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ Наполеонскаго нашествія, русскія войска собирались на Бородинское поле для открытія памятника, воздвигнутаго въ честь воиновъ, которымъ оно служитъ кладбищемъ. За недѣлю до 26 августа пріѣхалъ сюда же Императоръ Николай съ нѣсколькими членами царскаго семейства и свитой. Военная музыка, пальба и видъ войска, выстроеннаго на полѣ, потрясли чуткій организмъ Маргариты Михайловны. Живо напоминали они ей знаменитый Бородинскій день, котораго она не видала, но который въ продолженіе столькихъ лѣтъ мерещился ей такъ часто во снѣ. Въ ней обнаружилось лихорадочное состояніе, однако она старалась превозмочь недугъ и принимала Государя и членовъ Императорскаго Дома, которые осматривали монастырь и посѣщали ее. Они ей оказывали постоянное уваженіе и дружеское расположеніе **). Государь пригласилъ ее присутствовать при соборной паннихидѣ и благодарственномъ молебнѣ въ день открытія памятника. Она отказывалась, боясь, что испытаніе превыситъ ея силы, но Императоръ настаивалъ: ему хотѣлось видѣть на предстоящемъ торжествѣ оставшихся дѣятелей Отечественной войны.

— «Пріѣзжайте, говорилъ онъ, — мы помолимся вмѣстѣ: нашу молитву услышитъ Богъ».

Между тѣмъ приготовленія шли своимъ чередомъ. Легко понять, какъ дѣйствовалъ на воиновъ двѣнадцатаго года видъ поля, на которомъ они отражали непріятеля четверть

---

*) Посвященіе Маріи въ санъ игуменіи совершено было по древнему чину посвященія въ діакониссы, съ возглашеніемъ словъ: „повели, повелите“..... и: „аксіосъ“— 3-жды.

**) Она была въ 1840 году воспріемницей Государыни Императрицы Маріи Александровны и вела съ ней переписку до своей кончины. Въ 1848 году она была опять вызвана въ Петербургъ для присутствія при муропомазаніи Великой Княгини Александры Іосифовны.

вѣка тому назадъ. Они отыскивали со слезами на глазахъ тѣ мѣста, гдѣ заряжали свои пушки, гдѣ пали ихъ братья. Но поле битвы до такой степени измѣнилось, что трудно было узнать его, и монахини указывали старымъ воинамъ остатки укрѣпленій, на которыхъ стояли орудія.

Воспоминанія отдаленнаго прошлаго оживляли сердца стариковъ: многіе повторяли стихи изъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». Самъ пѣвецъ (В. А. Жуковскій), погруженный мыслями въ былое, бродилъ по Бородинскому полю. Онъ описалъ намъ церемонію открытія памятника; послушаемъ его.

«Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть, теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣткѣ поднималась столпами. Войска (около ста пятидесяти тысячъ) были рано по утру сведены на мѣста, имъ назначенныя, они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, гдѣ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій и лежитъ Багратіонъ. Здѣсь *тогда* происходила самая жаркая битва... Явился Государь, проскакалъ мимо колоннъ; грянуло повсемѣстное «ура», и вдругъ все утихло: отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы и позади всѣхъ преосвященный митрополитъ Московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, предъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду: ни движенія, ни шороха, какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставъ въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ — этой минуты описать невозможно»*).

*) Отрывокъ изъ письма Жуковскаго къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Тутъ подъѣхала и остановилась недалеко отъ памятника карета. Изъ нея вышла блѣдная, переступая черезъ силу, игуменія Марія; въ ея лицѣ не было ни кровинки. Двѣ монахини слѣдовали за ней. Братъ ея мужа, Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, подалъ ей руку и провелъ ее на устроенное противъ монумента возвышеніе, обнесенное рѣшеткой и назначенное для дѣятелей Отечественной войны. Государь подъѣхалъ къ оградѣ и протянулъ руку Бородинской вдовѣ:

— «Кланяюсь вашему превосходительству, сказалъ онъ,— грустенъ для васъ этотъ великій день. Раздѣляю вашу скорбь. Да поможетъ вамъ Господь!»

И онъ прибавилъ на французскомъ языкѣ, обращаясь къ иностраннымъ принцамъ своей свиты:

— «Вотъ почтенная вдова храбраго генерала Тучкова; она предупредила меня, воздвигнувъ здѣсь безсмертный памятникъ.»

Послѣ водосвятія началась паннихида, потомъ загремѣли пушки. Замирало сердце Маргариты Михайловны; она держала съ трудомъ свѣчу, дрожавшую въ ея рукѣ. Все стихло снова, хоръ запѣлъ: «Тебе, Бога, хвалимъ», и всѣ опустились на колѣни. По окончаніи благодарственнаго молебна, митрополитъ окропилъ памятникъ святою водой, и крестный ходъ удалился. Государь во главѣ арміи, проѣхалъ мимо памятника и отдалъ ему первый честь.

Маргарита Михайловна поспѣшила возвратиться въ монастырь: силы окончательно ей измѣнили. На другой день у нея открылась нервная горячка.

При началѣ выздоровленія, въ Бородинской настоятельницѣ живо возобновилось горе, которое она давно уже носила въ сердцѣ: одинъ изъ ея братьевъ, горячо ею любимый, былъ замѣшанъ въ заговорѣ, который разыгрался на Петербургской площади 14 декабря 1825 года. Судъ приговорилъ виновнаго къ Сибири. Маргарита Михайловна получила извѣстіе о его ссылкѣ въ то время, когда плакала надъ свѣжею могилой сына, и предъ одною скорбью поблѣднѣла другая. Но между тѣмъ какъ время смягчало горе ма-

тери, оно оживляло горе сестры. По мѣрѣ того какъ она приходила въ нормальное состояніе, прежнія привязанности, поглощенныя первыми минутами ея отчаянія, вступали опять въ свои права. Сердце ея сжималось болѣзненно при мысли о другѣ ея дѣтства; она говорила съ горечью, что простилась съ нимъ заживо, вела постоянную переписку со ссыльнымъ и не распечатывала никогда безъ слезъ его писемъ.

Бородинскіе маневры подходили къ концу, и Государь пожелалъ предъ отъѣздомъ проститься съ настоятельницей.

Больная приняла его, полулежа въ постели. Императоръ, разспросивъ съ участіемъ о ея здоровьѣ, сѣлъ около нея и поцѣловалъ ея руку, которую удержалъ въ своихъ.

— Я былъ бы счастливъ, сказалъ онъ, — еслибы могъ исполнить какое-либо изъ вашихъ желаній: не нуждается ли въ чемъ монастырь? Прикажите, и все будетъ сдѣлано.

Слеза блеснула въ ея глазахъ, и слабый ея голосъ задрожалъ:

— Ваше Величество, молвила она,—что Вы можете сдѣлать для монастыря, то могутъ сдѣлать для него и другіе, но есть у меня просьба... Вы одни въ мірѣ можете ее исполнить... простите брата.

Эти неожиданныя слова его смутили, онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ ея блѣдную руку и отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Позвольте мнѣ подумать, Маргарита Михайловна.

Прошло нѣсколько времени.

Звучно гудѣлъ монастырскій колоколъ, и игуменья Марія во главѣ всѣхъ сестеръ обители братіи вошла во храмъ. Лицо ея сіяло выраженіемъ радости, отъ котораго оно давно отвыкло, и та же радость, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражалась на лицахъ сестеръ. «Матушка» получила извѣстіе о прощеніи своего брата, и всѣ пришли семейно слушать благодарственный молебенъ.

Но не скоро еще довелось ей обнять ссыльнаго: разныя обстоятельства замедлили его возвращеніе. Наконецъ пришло давно желанное письмо. Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ

былъ уже на пути въ Высокое, тульское имѣніе своей жены. Тамъ увидѣла его сестра, испросившая ему помилованіе.

Къ 1851 г. собралось въ монастырь до 200 сестеръ, и существующія церкви оказались невмѣстительными для такого числа подвизающихся въ обители и приходящихъ богомольцевъ. Поэтому игуменія Марія приступила къ сооруженію новаго, въ обширныхъ размѣрахъ, каменнаго храма; но ей не суждено было дождаться до окончанія построенія.

При постепенномъ умноженіи числа иночествующихъ въ обители, умножались для игуменіи Маріи труды, заботы и огорченія, а все это, при ея преклонныхъ лѣтахъ, неблагопріятно дѣйствовало на ея и безъ того не крѣпкое здоровье. Наконецъ отъ денноночныхъ молитвенно-аскетическихъ подвиговъ она окончательно изнемогла и 29 апрѣля 1852 года, на 73 г. отъ рожденія, скончалась, указавъ предъ смертію на преемницу себѣ въ лицѣ вдовы княгини Волконской, жившей около пяти уже лѣтъ въ ея монастырѣ *).

---

*) Княгиня Софія Васильевна Волконская происходила изъ рода князей Урусовыхъ. Послѣ домашняго тщательнаго образованія и воспитанія Софія Васильевна на 18 году отъ рожденія вступила въ бракъ съ отставнымъ гусарскимъ маіоромъ, княземъ Александромъ Андреевичемъ Волконскимъ. Въ теченіе двадцатилѣтней супружеской жизни, потерявши четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей и наконецъ лишившись въ 1847 году мужа, она увидѣла въ этихъ тяжкихъ лишеніяхъ перстъ Божій, указующій ей на уединенную монашескую жизнь.

Похоронивъ въ Спасо-Бородинскомъ монастырѣ своего мужа, она рѣшилась навсегда остаться здѣсь. Игуменія Марія съ радушіемъ приняла въ свою обитель благочестивую и высокообразованную княгиню—вдову. А эта послѣдняя, чрезъ 40 дней по смерти мужа, облекшись въ монастырское послушническое одѣяніе, со всею ревностію предалась исполненію возлагаемыхъ на нее монастырскихъ послушаній. Строгость жизни, при образованномъ умѣ, скоро обратила на нее особенное вниманіе какъ настоятельницы, такъ и сестеръ обители. Когда скончалась игуменія Марія, княгиня Софія Васильевна призвана была, по избранію сестеръ, занять ея мѣсто и продолжать ея труды по сооруженію начатаго храма и по внутреннему благоустройству обители. Хотя преосвященнѣйшій митрополитъ одобрилъ это избраніе, но не спѣшилъ дѣлать распоряженіе

Шесть сутокъ простояло тѣло игумени Маріи въ Филаретовской церкви. На монастырскомъ дворѣ толпились крестьяне, пришедшіе изъ ближнихъ и отдаленныхъ селъ поклониться праху подвижницы. Священники не успѣвали отправлять паннихидъ, и на бюро, гдѣ происходила свѣчная продажа, сыпались мѣдныя деньги: каждый хотѣлъ поставить свѣчку предъ иконою за упокой «ея душеньки». Въ Спасскомъ храмѣ были разобраны плиты надъ гробомъ Николая Тучкова, и около него вымѣрено мѣсто для другаго еще гроба.

Хотѣлось сестрамъ послужить въ послѣдній разъ «матушкѣ» и уложить ее въ могилу подъ звуки стройнаго хора. Погребальную обѣдню онѣ пропѣли на славу; но когда началось отпѣваніе, задрожали голоса, и повторились тѣ скорбныя сцены, которыя случается видѣть на похоронахъ матери семейства. Со многими монахинями сдѣлалась дурнота; ихъ вынесли изъ церкви, вмѣсто клирнаго пѣнія раздался у гроба громкій плачъ, и священники одни довершили отпѣваніе.

о постриженіи княгини Софіи въ монашество. Не ранѣе какъ 4 октября того же 1852 г. она пострижена была въ мантію, наречена Сергіею, и 5 числа самимъ митрополитомъ посвящена въ санъ игумени.

Въ Бородинскомъ монастырѣ она оставалась до 1871 г. и въ этомъ году, 15 марта, перемѣщена была въ Московскій Вознесенскій первоклассный монастырь, гдѣ и скончалась 29 октября 1884 г., на 76 г. отъ рожденія.

АГНІЯ,

монахиня. Она 20 лѣтъ провела въ иночествѣ по расколу, въ которомъ родилась, славилась строгостію жизни, около пяти лѣтъ состояла настоятельницею раскольническаго женскаго скита въ г. Казани и, хотя въ послѣдніе три года отказалась отъ управленія имъ, но пользовалась большимъ вліяніемъ въ средѣ своей монастырской общины. Примѣръ обратившагося въ 1869 г. къ православію инока Пафнутія, коего она прежде была духовною дочерью, произвелъ на нее весьма сильное дѣйствіе. Со времени присоединенія Пафнутія и подъ его вліяніемъ Агнія стала внимательно изучать догматическія понятія о церкви, провѣряла новопечатныя сочиненія объ этомъ предметѣ съ старопечатными книгами и, между прочимъ, съ этою цѣлію посѣщала библіотеку Казанской духовной академіи. Мысли и сердце ея уже тяготѣли къ церкви, но привычка, и особенно затруднительность устроить свое положеніе въ Казани, въ званіи единовѣрческой монахини, удерживали ее отъ рѣшительнаго шага. Въ этомъ положеніи я видѣлъ ее, посѣтивъ Казань лѣтомъ 1870 года. Предсмертная болѣзнь положила конецъ ея нерѣшительности. Предчувствуя близость смертнаго часа, она обратилась къ бывшему своему духовнику Пафнутію, умоляя его употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить ее погибнуть въ расколѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1870 года Агнія была присоединена къ православной церкви и затѣмъ чрезъ два дня скончалась съ глубокимъ чувствомъ благодаренія къ милосердому Господу, благоизволившему пріобщить ее къ Своему стаду послѣ долгихъ блужданій по распутіямъ раскола. По предсмертной просьбѣ новоприсоединенной, обрядъ ея погребенія совершенъ былъ самимъ преосвященнымъ Антоніемъ Казанскимъ при большомъ стеченіи православныхъ, единовѣрцевъ и раскольниковъ. Присоединеніе Агніи подѣйствовало весьма сильно на раскольническую женскую

общину, коей она была нѣкогда начальницею: три изъ бывшихъ ея сожительницъ, болѣе другихъ близкія къ ней при жизни, свидѣтельницы ея обращенія на путь истинной вѣры, рѣшились, въ знакъ духовнаго единенія съ нею, послѣдовать ея благому примѣру и изъявили желаніе присоединиться къ православной церкви. Такимъ образомъ обращеніе Агніи важно по тому, что имъ положено начало разрушенію давняго притона раскола—такъ называемаго скита въ Архангельской слободѣ г. Казани.

НИКАНОРЪ,

архіепископъ Херсонскій и Одесскій,

докторъ богословія (въ мірѣ Александръ Бровковичъ), родился въ 1827 году и воспитывался въ Могилевской духовной семинаріи. Изъ послѣдней, какъ лучшій ученикъ, онъ былъ отправленъ въ Петербургскую Духовную Академію, гдѣ принялъ монашество и окончилъ курсъ первымъ магистромъ (1851 г.). Вслѣдъ затѣмъ, оставленный при родной Академіи, молодой ученый занялъ каѳедру обличительнаго богословія. Возведенный въ санъ архимандрита, онъ состоялъ ректоромъ Рижской семинаріи и ректоромъ Казанской Духовной Академіи (1856—1871 гг.) Здѣсь онъ получилъ степень доктора богословія, и, судя по отзывамъ изъ Казани, сдѣлалъ много пользы для академіи во время непродолжительнаго своего ректорства. Послѣ того, рукоположенный 4 іюля 1871 года въ санъ епископа, былъ назначенъ викаріемъ Донской епархіи; затѣмъ былъ епископомъ въ Уфѣ и, наконецъ, въ Одессѣ (съ 1883 года), гдѣ и возведенъ въ санъ архіепископа.

Въ 1885 году былъ археологическій съѣздъ въ Одессѣ, при открытіи котораго преосв. Никаноръ совершилъ молебствіе и произнесъ краснорѣчивое слово. Я былъ представленъ ему на обѣдѣ, данномъ отъ города собравшимся археологамъ и послѣ того нѣсколько разъ бывалъ у него.

Преосв. Никаноръ былъ извѣстенъ, какъ замѣчательный ученый богословъ и весьма талантливый проповѣдникъ, обращавшій особенное вниманіе на всѣ уклоненія отъ ученія православной Церкви. Къ его научнымъ трудамъ принадлежатъ: «Разборъ римскаго ученія о главенствѣ папы», «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками», «Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви», «Вопросы о перстосложеніи для крестнаго знаменія», «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе». Многочисленныя же проповѣди, сначала помѣщенныя въ духовныхъ журналахъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: «Бесѣды и поученія» (Одесса 1884—1887 гг., четыре тома).

Послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни преосв. Никаноръ скончался въ полномъ сознаніи 27 декабря 1890 г., написавъ за два дня до смерти слѣдующее предсмертное слово:

„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцахъ благоволеніе“

«Въ сей великій міровой и премирный день небесными ангелами возглашается: слава въ вышнихъ Богу и на всей землѣ миръ и во всѣхъ человѣцахъ благоволеніе.

День такъ великъ и радостенъ, что даже намекъ на какую-либо частную скорбь неумѣстенъ. Приношу мою глубочайшую душевную благодарность всѣмъ благочестивымъ душамъ—какъ православнымъ христіанамъ, такъ и иновѣрцамъ, возсылавшимъ къ Богу молитвы о моемъ здравіи. Глубоко утѣшенъ не по заслугамъ.

Въ свою очередь, по заповѣди св. ап. Павла я возношу мои «моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки», во-первыхъ, за присныхъ въ вѣрѣ, какъ особенно состоящихъ въ общеніи вѣры и единодушной братской молитвы, а во-вторыхъ, и за всѣхъ и за вся, «да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити».

Человѣколюбивый духъ Христовъ не только уполномочиваетъ насъ, но и наставляетъ къ молитвѣ за всѣхъ людей, не только принадлежащихъ къ истинной Церкви Христовой, но и чуждыхъ ей, пока мы пребываемъ на семъ свѣтѣ. Но лишь только чуждая истинной Церкви Христовой душа отходитъ въ міръ неземной, св Церковь, усугубляя свои молитвы о своихъ, отходящихъ къ Богу, не своихъ, не принадлежащихъ къ общенію ея вѣры и таинствъ, всецѣло предоставляетъ домостроительству правосудія и милосердія Божія.

Прошу васъ, богобоязненныя души, помолитесь о мирномъ разрѣшеніи отъ грѣшнаго тѣла грѣшной души многогрѣшнаго архіепископа Никанора.

Да будетъ во вѣки слава въ вышнихъ Богу и на всей землѣ миръ и во всѣхъ человѣцѣхъ Божіе благоволеніе».

ГОЛУБИНСКІЙ

Ѳеодоръ Александровичъ,

протоіерей, ординарный профессоръ философіи въ Московской Духовной Академіи, членъ комитета для цензуры духовныхъ книгъ. Однажды (это было, кажется, въ 1820 или 1821 году) отецъ мой поѣхалъ изъ деревни въ Сергіевскій Посадъ за какими-то покупками и въ лавкѣ Тарбинскаго (тогда главнаго посадскаго негоціанта) встрѣтилъ молодаго академическаго наставника, ознакомился съ нимъ и зазвалъ къ себѣ въ гости. Это былъ экстраординарный профессоръ философіи Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ прогостилъ у насъ въ Каменкахъ, сколько помню, дня два или три и почти все это время провелъ въ библіотекѣ, бесѣдуя съ отцомъ моимъ о разныхъ ученыхъ предметахъ и литературѣ. Конечно, я, какъ ребенокъ, мало понималъ ихъ разговоры, однакожъ замѣтилъ одно: когда батюшка приводилъ въ разговорѣ кощунственные остроты Вольтера и другихъ французскихъ вольнодумцевъ, Ѳ. А. не отвѣчалъ ему ни сло-

ва, но принималъ на себя такой печальный и разстроенный видъ, что собесѣдникъ его скоро прекращалъ непріятный ему разговоръ. Еще помню, что я съ перваго взгляда полюбилъ новаго гостя, хотя наружность его вовсе не была привлекательна для ребенка: близорукій, некрасивый лицемъ, неловкій въ тѣлодвиженіяхъ, онъ сидѣлъ потупившись и не обратилъ на меня никакого вниманія. Говорятъ, что у дѣтей бываютъ предчувствія будущаго добра, какими не одарены взрослые люди; можетъ быть, и меня привлекало такое же предчувствіе къ будущему моему наставнику и благодѣтелю. И это предчувствіе не обмануло меня.

Предъ отъѣздомъ изъ Каменокъ, Ѳ. А. говорилъ со мною, и я попросилъ его написать мнѣ что-нибудь на память въ мой маленькій альбомъ. Онъ написалъ слѣдующіе стихи, которые у меня и теперь цѣлы:

„Что мнѣ желать, чтобы ты меня помнилъ любезный?
Помни и крѣпко въ сердцѣ держи Отца человѣковъ.
Помни и тѣхъ, кого, какъ ангеловъ добрыхъ,
Мирныхъ хранителей юности, окрестъ тебя Онъ поставилъ.
Вышній, во славѣ Своей, не сходитъ предъ взоры младенцевъ:
Въ образѣ добрыхъ родителей Онъ имъ себя открываетъ.
Ихъ научившись любить, научишься Бога любить".

Осенью 1824 года, родители мои были озабочены пріисканіемъ для меня домашняго учителя и обратились къ Ѳ. А. Голубинскому съ просьбой, нельзя ли пріискать кого-нибудь изъ учениковъ его по Академіи. Оказалось, что всѣ при своихъ мѣстахъ. Почтенный профессоръ предложилъ мнѣ въ наставники самого себя; родители мои охотно приняли его предложеніе. Они наняли домъ въ Посадѣ и собирались переѣзжать, какъ вдругъ отецъ мой тяжко заболѣлъ и 19 февраля 1825 года скончался. Переѣздъ нашъ состоялся на другой день послѣ его погребенія.

Вскорѣ началось мое ученіе. Конечно, при началѣ его, я не могъ постигать всѣхъ достоинствъ моего учителя; многія изъ нихъ открылись мнѣ позднѣе. Но уваженіе и любовь къ нему услаждали для меня и самое ученіе. Онъ приходилъ

ко мнѣ ежедневно, хотя и въ неопредѣленные часы, и каждый урокъ его продолжался не менѣе двухъ часовъ. Иногда, въ свободное, послѣобѣденное время, онъ гулялъ со мною на Корбухѣ (гдѣ теперь Геѳсиманскій скитъ) или по монастырской оградѣ; въ такихъ прогулкахъ назидательная бесѣда его съ избыткомъ дополняла классное ученіе.

Теперь достигнувъ старости, могу сказать искренно, что не встрѣчалъ въ жизни моей ни одного лица, болѣе достойнаго уваженія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе привлекательнаго, болѣе симпатичнаго, какъ Ѳ. А. Голубинскій. Уроженецъ г. Костромы, сынъ псаломщика (впослѣдствіи священника), Ѳ. А., родившійся въ 1798 году, поступилъ въ Академію, при самомъ открытіи ея, изъ Костромской Семинаріи, на 17 году отъ роду, и кончилъ курсъ по списку 3-мъ магистромъ. Въ то время профессоромъ философіи въ Академіи былъ В. И. Кутневичъ, который оставилъ по себѣ воспоминаніе какъ о весьма даровитомъ и трудолюбивомъ наставникѣ. Ѳ. А. былъ любимымъ его ученикомъ и первымъ его адьюнктомъ. Съ 1818 по сентябрь 1822 года Голубинскій преподавалъ исторію системъ философскихъ, а позднѣе—метафизику и нравственную философію. По выходѣ изъ Академіи Кутневича, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ философіи и съ тѣхъ поръ открывалъ каждый курсъ, состоявшій тогда изъ двухъ лѣтъ, въ такъ называемомъ «низшемъ отдѣленіи», чтеніемъ введенія въ философію; затѣмъ преподавалъ на первомъ году метафизику, а на второмъ исторію древней философіи.

Въ изслѣдованіяхъ о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣческой Голубинскій держался системы Канта, хотя и предпочиталъ ему Якобія; этотъ послѣдній, Баадеръ и Зайлеръ нравились ему особенно по религіозному направленію. Пробнымъ камнемъ мудрости человѣческой было для Голубинскаго Божественное Откровеніе. Первую лекцію онъ начиналъ чтеніемъ изъ книгъ Соломоновыхъ. Развивая начала древней мудрости, онъ признавалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми отцами и учителями Церкви, что все лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло

истекать изъ самостоятельной дѣятельности разума, но было заимствовано отъ Іудеевъ, получившихъ Божественное Откровеніе. Съ этой именно стороны замѣчательна особенная привязанность его къ философіи древнихъ Китайцевъ, Индусовъ и Зороастра. Эти трактаты были обработаны у него съ особенной тщательностью; при изученіи ихъ оказывались въ ученіи древнихъ Азіатскихъ мудрецовъ такіе проблески идей и нравственныхъ понятій, на которыхъ позднѣйшая философія основала свои выводы и нравоученія. При такомъ взглядѣ на науку Голубинскій не могъ питать исключительнаго довѣрія къ авторитету позднѣйшихъ основателей разныхъ философскихъ ученій и открывалъ вліяніе философіи Востока на многія новѣйшія системы. Слѣдя за современнымъ ходомъ науки, онъ обличалъ недостатки новыхъ германскихъ умствованій, облеченныхъ туманомъ отвлеченности. Такъ о Шеллингѣ говорилъ онъ, что этотъ философъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Когда система Гегеля надѣлала такъ много шуму въ Европѣ, и у насъ появилось не мало поклонниковъ ея, Ѳ. А. увлекательно говорилъ съ каѳедры, поражая новое ученіе оружіемъ слова, укрѣпленнаго зрѣлымъ знаніемъ мудрости всѣхъ временъ и силою Слова Божія.

Любимымъ предметомъ умственной психологіи для христіанскаго мыслителя было ученіе о безплотныхъ духахъ и о состояніи души человѣческой по разрѣшеніи отъ тѣла. Онъ собиралъ древнія преданія, разсѣянныя у послѣдователей Талмуда и Кабалы, разсказы о ясновидящихъ, о явленіяхъ изъ духовнаго міра, сочиненіяхъ Майера и Кёрнера. Книгу послѣдняго: *Die Seherin von Prevost*, онъ всю перевелъ на русскій языкъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ ставилъ мѣриломъ истины ученіе православной Церкви: въ домашнихъ его выпискахъ первое мѣсто между проявленіями загробной жизни занимаютъ видѣнія блаженной Ѳеодоры и отроковицы Музы.

Философскія изслѣдованія Голубинскаго отличались направленіемъ ѳеологическимъ; но это направленіе не имѣло ни-

чего общаго съ созерцаніями Бёма и Шведенборга, которымъ онъ никогда не сочувствовалъ, несмотря на то, что любознательность сблизила его съ современными ему масонами, почитавшими Бёма однимъ изъ лучшихъ своихъ учителей. Ученіе Голубинскаго ближе подходитъ къ духу Баадера, за исключеніемъ того, что нашъ мыслитель предоставлялъ разуму болѣе правъ на изслѣдованіе истины и не превращалъ философскаго ученія въ богословское; какъ религіозныя его убѣжденія никогда не встрѣчали противорѣчій со стороны изложенія предметовъ вышеопытныхъ, такъ и умственныя изслѣдованія его не были стѣсняемы богословскимъ догматизмомъ.

Таковъ былъ знаменитый мой наставникъ въ ту лучшую эпоху моей жизни, когда я началъ пользоваться его уроками хотя онъ еще не обладалъ тою извѣстностью, которую невольно пріобрѣлъ позднѣе не только въ Россіи, но и въ Европѣ; тогда еще не зналъ его Шеллингъ, который впослѣдствіи спрашивалъ каждаго Русскаго, приходившаго къ нему: «знакомы ли вы съ ученіемъ философа Голубинскаго?»

Незамѣтно протекли пять лѣтъ ученія подъ руководствомъ Ѳ. А. Голубинскаго, и приближалось время поступленія моего въ Университетъ, тяжело мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ моимъ наставникомъ; сердце мое было наполнено глубокимъ уваженіемъ, любовью и признательностью къ человѣку, которому я былъ такъ много обязанъ. И можно ли было, при такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Ѳ. А., не чтить и не любить его? Во всю мою жизнь я не встрѣчалъ человѣка равнаго ему по уму и сердцу.

Въ числѣ добродѣтелей его главное мѣсто занимало смиреніе. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ, онъ никогда не ставилъ себя выше другихъ, самого себя судилъ строго, но ко всѣмъ былъ всегда снисходителенъ; всегда готовъ былъ выслушать и внимательно обсудить мнѣніе каждаго, не настаивая упорно на своемъ собственномъ мнѣніи. Въ немъ сильно развито было человѣколюбіе и въ особенности уваженіе къ человѣческому достоинству: въ отношеніяхъ своихъ

къ людямъ онъ не обращалъ вниманія ни на различіе сословій, ни даже на уровень образованія: для каждаго было у него готово слово назиданія, добрый совѣтъ, сердечное участіе въ скорбяхъ или радостяхъ того, кто приходилъ къ нему. Онъ умѣлъ открыть нѣчто доброе въ каждомъ человѣкѣ, умѣлъ довести каждаго къ бесѣдѣ съ нимъ до поучительной мысли или до назидательнаго разсказа. Ни въ комъ не видѣлъ или не желалъ видѣть зла, никого не осуждалъ и всегда находилъ какія-нибудь облегчающія вину обстоятельства. Въ исполненіи своихъ обязанностей онъ былъ необыкновенно добросовѣстенъ: каждую лекцію обдумывалъ и обработывалъ по нѣсколько часовъ сряду; каждое студенческое сочиненіе или переводъ исправлялъ со всевозможною тщательностью; при занятіяхъ по цензурѣ духовныхъ книгъ онъ не ограничивался, подобно другимъ цензорамъ, строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ рукописи не оказалось чего-нибудь недозволительнаго, но исправлялъ въ ней мысли и слогъ, дополнялъ содержаніе и вообще старался придать ей возможно лучшій видъ. Нѣсколько разъ былъ онъ ревизоромъ семинарій и духовныхъ училищъ, и каждая изъ этихъ ревизій стоила ему огромныхъ трудовъ: послѣ каждой ревизіи онъ представлялъ образцовые отчеты, въ которыхъ выставлялъ на видъ, описывая яркими красками, всѣ заслуги начальниковъ и преподавателей обревизованныхъ имъ учебныхъ заведеній; не скрывалъ недостатковъ, но старался извинить виновныхъ, указывая притомъ на мѣры исправленія. Чувство корысти было чуждо благородной душѣ Ѳ. А.: при самыхъ скромныхъ средствахъ къ содержанію, онъ никогда не заботился о пріобрѣтеніи денегъ. Такъ напр. за ежедневныя занятія со мною (никогда не менѣе двухъ часовъ въ день, а часто и болѣе) онъ самъ назначилъ себѣ жалованье самое скудное—по 25 руб. ассигн. въ мѣсяцъ и никогда, несмотря на просьбы моей матери, не хотѣлъ согласиться на возвышеніе этого ничтожнаго оклада. Онъ любилъ помогать своимъ бѣднымъ роднымъ; охотно давалъ деньги, сколько могъ, приходившимъ къ нему бѣднымъ, знакомымъ и незна-

комымъ; нерѣдко давалъ взаймы оканчивающимъ курсъ бѣднымъ студентамъ и часто безъ отдачи.

Онъ не подозрѣвалъ ни въ комъ лукавства или обмана, и этою излишнею довѣрчивостью люди неблагонамѣренные пользовались для того, чтобы обмануть его. Человѣколюбіе не допускало его отказать кому-нибудь изъ приходившихъ къ нему: люди всякаго званія, въ особенности богомольцы и странницы, отнимали у него такъ много времени, что онъ принужденъ былъ просиживать ночи за работой. Еще больше времени отнимала у него цензура; стараніе обработать какъ можно лучше каждую рукопись, каждый рисунокъ (множество такихъ рукописей и рисунковъ представлялось отъ книгопродавцевъ) затрудняло его до такой степени, при другихъ болѣе важныхъ занятіяхъ, что цензурный матеріалъ накоплялся у него кучами и лежалъ безъ движенія цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы. Не мало получалъ онъ непріятностей отъ книгопродавцевъ и другихъ издателей за свою медленность. Нѣкоторые, какъ напр. А. Н. Муравьевъ, жаловались митрополиту, который, съ своей стороны, присылалъ выговоры. Отчеты по ревизіямъ также представлялъ онъ очень медленно; такъ по ревизіи двухъ семинарій въ 1832 году Ѳ. А. представилъ отчетъ только въ 1836 году, по настоятельному требованію владыки, и притомъ признавался, что «ничего не можетъ сказать въ извиненіе своей медленности.» По этому случаю митр. Филаретъ писалъ къ ректору Академіи: «Признающагося хочется покрыть. Непонятно зачѣмъ такъ долго дремалъ протоіерей на искушеніе себѣ и другимъ.» Въ другой разъ, при разсмотрѣніи вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ академическаго правленія, владыка противъ статьи о ревизіи 1832 года написалъ: «Вспомнилъ ли протоіерей Голубинскій свою неисполнительность, и прежде не разъ замѣченную? Думаетъ ли онъ, что недовольно испытывалъ терпѣніе начальства, и что не настало еще время испытывать, имѣетъ ли онъ послушаніе?»

Несмотря на такіе строгіе отзывы, Филаретъ очень хорошо зналъ трудолюбіе и добросовѣстность Голубинскаго и от-

лично уважалъ его; онъ зналъ, что Голубинскій никогда не пренебрегалъ дѣломъ и несъ огромные труды по преподаванію, по цензурѣ, по перепискѣ съ учеными русскими и иностранными. Зная все это, онъ хотѣлъ внушить ему, что нужно умѣть распоряжаться временемъ, которымъ такъ умно распоряжался Филаретъ. Замѣчательно, что при такомъ, повидимому, гнѣвѣ на знаменитаго профессора, Филаретъ высказалъ теплое и трогательное слово: «признающагося хочется покрыть.»

Настало наконецъ для меня время разлуки съ Лаврою. Послѣ напутственнаго молебна, при ракѣ мощей преподобнаго Сергія, благодѣтельный наставникъ мой передалъ мнѣ на память миніатюрную книжку Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Іисусу Христу», съ слѣдующею надписью: «Conservet te Dominus ab omni malo! Dignetur te Dominus eo pretiosissimo dono, ut regium, quod hic indicatur, iter amore amplectaris et introeas! Largietur tibi Dominus veram humilitatem, et cor purum castumque, quod illum Ipsum, vitae Fontem, amore plenum, avide quaerat ac diligat! Alliciat te Dominus ad Se Ipsum, eo modo eoque tempore, quo Ipsi placuerit. Tuus T. G.» (Да сохранитъ тебя Господь отъ всякаго зла! Да сподобитъ тебя Господь драгоцѣннѣйшаго дара—возлюбить указанный здѣсь царскій путь и вступить на него! Да даруетъ тебѣ Господь истинное смиреніе и сердце чистое, цѣломудренное, готовое искать и любить Его Самого, источникъ жизни, любовію преисполненный! Да привлечетъ тебя Господь къ Себѣ, такъ и тогда, какъ Ему будетъ угодно. Твой Ѳ. Г.)

Ѳ. А. былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ, родной сестрѣ учителя своего В. И. Кутневича, и имѣлъ дѣтей, но изъ нихъ одинъ только сынъ Димитрій Ѳедоровичъ остается въ живыхъ. Два сына Сергій и Петръ скончались еще при жизни отца. Дочь, Марія Ѳедоровна, была супругою профессора Виѳанской семинаріи Д. В. Разумовскаго, въ послѣдствіи протоіерея и профессора Московской Консерваторіи, извѣстнаго знатока церковнаго пѣнія и древнихъ крю-

ковыхъ нотъ. Она скончалась въ молодыхъ еще лѣтахъ. Всѣ дѣти Ѳ. А. были крестниками моей матери.

Конечно, по переселеніи моемъ въ Москву, я не могъ уже по прежнему часто видѣться и проводить время съ благодѣтельнымъ моимъ наставникомъ; но отношенія между нами оставались прежнія: Ѳ. А. писалъ къ одному знакомому своему, посылая составленное мною жизнеописаніе Св. Николая: «Эта книжка написана графомъ Т—мъ, нѣкогда ученикомъ, а теперь искреннѣйшимъ моимъ другомъ,» а я питалъ къ нему почтеніе, почти благоговѣйное и горячую благодарность. Ѳ. А. иногда гостилъ у меня въ Каменкахъ и постоянно останавливался у меня въ Москвѣ, когда пріѣзжалъ во время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Написавъ диссертацію на степень доктора медицины, я привозилъ ее въ Сергіевскій Посадъ и прожилъ тамъ нѣсколько дней, чтобы прочесть сочиненіе вмѣстѣ съ дорогимъ моимъ наставникомъ. Какъ отличный латинистъ, онъ поправилъ въ диссертаціи нѣсколько фразъ. Въ 1847 году я отъ души веселился на свадьбѣ Разумовскихъ.

Въ 1854 году, на крестинахъ втораго сына моего Петра я видѣлъ въ послѣдній разъ моего незабвеннаго наставника Ѳ. А. Голубинскаго; онъ благословилъ новорожденнаго небольшимъ образомъ св. Петра митрополита. Въ это время Ѳ. А., сильно пораженный потерею двухъ сыновей, чувствовалъ ослабленіе тѣлесныхъ силъ и пожелалъ успокоиться послѣ многолѣтнихъ трудовъ. Онъ подалъ уже прошеніе объ отставкѣ и собирался съѣздить въ Кострому, чтобы въ послѣдній разъ побывать на родинѣ, поклониться могиламъ родителей и повидаться съ оставшимися тамъ родными.

Между тѣмъ мы, когда жена моя оправилась послѣ родовъ, переѣхали мѣсяца на два въ Каменки, гдѣ послѣ того проводили каждое лѣто. Тамъ ожидалъ я посѣщенія Ѳ. А. Голубинскаго по возвращеніи его изъ Костромы. Но ему не суждено было возвратиться съ родины; скоротечный припадокъ холеры пресѣкъ эту драгоцѣнную и общеполезную жизнь (22 августа 1854 г.). Въ послѣднія минуты предъ

кончиною, незабвенный мой наставникъ сказалъ священнику, который напутствовалъ его таинствами исповѣди, причащенія и елеосвященія: «теперь я вижу истинный свѣтъ». Это были послѣднія слова знаменитаго философа-христіанина: переходя въ вѣчную жизнь, онъ ясно увидѣлъ то, чему вѣровалъ и чего искалъ въ земной своей жизни. Преосв. Филоѳей, епископъ Костромскій (въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій), одинъ изъ лучшихъ учениковъ покойнаго совершилъ отпѣваніе тѣла его въ каѳедральномъ соборѣ, почтилъ прахъ наставника своего земнымъ поклономъ и проводилъ гробъ до могилы, приготовленной подлѣ Богословской церкви въ Ипатьевской слободѣ, рядомъ съ могилами родителей почившаго. На могилѣ его Ст. Ал. Масловъ и я поставили скромный памятникъ съ надписями: на одной сторонѣ: «Смиряяй себе вознесется», а на другой: «Словомъ училъ любомудрію, примѣромъ жизни—смиренію».

ЧЕРКАССКІЙ

князь Владиміръ Александровичъ род. 2 февраля 1824 года. Принадлежа къ довольно богатому дворянскому роду, онъ очень рано поступилъ въ Московскій Университетъ. Въ Москвѣ сошелся онъ съ Хомяковымъ, Самаринымъ, Тургеневымъ. Блистательно окончивъ курсъ кандидатомъ, князь Черкасскій сталъ было готовиться даже къ каѳедрѣ, но разныя обстоятельства помѣшали исполненію этого желанія и, пріѣхавъ въ свое имѣніе Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, онъ сталъ заниматься хозяйствомъ, а главное—вопросомъ объ улучшеніи крестьянскаго быта, несообразное положеніе котораго онъ еще тогда принималъ близко къ сердцу. Первыя попытки на этомъ поприщѣ начались еще въ 1847 году.

Около князя Черкасскаго группировались уже тогда болѣе просвѣщенные помѣщики губерніи, и въ 1847 году нѣсколько лицъ, съ нимъ во главѣ, обратились къ правительству

съ выработаннымъ ими проэктомъ освобожденія крестьянъ. Правительство отказало имъ въ этомъ, но предоставило ходатайствовавшимъ лицамъ заняться улучшеніемъ быта собственныхъ крестьянъ и затѣмъ представить на этотъ предметъ проэктъ правительству. Вспыхнувшая въ 1848 году повсемѣстная революція въ Европѣ вынудила правительство недовѣрчиво отнестись къ съѣздамъ дворянъ въ Тулѣ. Предписано было немедленно прекратить эти съѣзды, а дворянамъ разъѣхаться по имѣніямъ. Но князь Черкасскій продолжалъ дѣятельно разрабатывать этотъ вопросъ не только въ теоріи, но и на практикѣ въ своихъ имѣніяхъ.

Наступилъ 1858 годъ и оживилъ всю Россію. Открылись губернскіе комитеты по вопросу объ улучшеніи крестьянскаго быта. Въ Тулѣ комитетъ раздѣлился, какъ и повсюду, на двѣ партіи: меньшинство, во главѣ котораго былъ князь Черкасскій, желалъ освобожденія крестьянъ *съ землей*; другая настаивала лишь на личной свободѣ. Въ 1858 и началѣ 1859 г. князь Владиміръ Александровичъ, совмѣстно съ членами меньшинства комитета, выработалъ первый проэктъ освобожденія крестьянъ съ землею, проэктъ, который легъ отчасти въ основаніе выработаннаго впослѣдствіи редакціонною коммиссіею въ Петербургѣ, куда князь въ 1858 г. и былъ призванъ.

Въ 1861 году онъ вернулся въ свое Веневское имѣніе и, въ качествѣ мироваго посредника, сталъ на практикѣ примѣнять то, что выработалъ. Лучше и дѣятельнѣе трудно было найти мироваго посредника. Польское возстаніе застигло его еще мировымъ посредникомъ, и прямо изъ Тульской губерніи князь уѣхалъ съ Н. А. Милютинымъ въ Польшу, гдѣ выработалъ извѣстный проэктъ освобожденія польскихъ крестьянъ отъ пановъ и былъ назначенъ директоромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Усиленная дѣятельность въ Польшѣ, вѣчная борьба съ Поляками, очень сильными тогда въ Петербурѣ, разстроили здоровье князя Черкасскаго, который не долго послѣ оставленія службы Н. А. Милютинымъ, самъ покинулъ Варшаву и,

пробывъ нѣкоторое время за границей, поселился окончательно въ Москвѣ. Выбранный московскимъ городскимъ головою и занимаясь дѣятельно городскимъ хозяйствомъ, онъ продолжалъ интересоваться также земскими дѣлами Тульской губерніи. Интересы славянскаго міра постоянно занимали его, и это проглядывало во всѣхъ его рѣчахъ при встрѣчѣ Славянъ въ Москвѣ, а также и позднѣе. Кому не памятна великолѣпная рѣчь князя Черкасскаго на юбилейномъ обѣдѣ М. П. Погодина, гдѣ онъ выразилъ надежду дожить до того времени, когда осуществятся слова Пушкина: «Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ...» Князю Владиміру Александровичу суждено было предъ смертью поработать при рѣшеніи и этого великаго вопроса. Назначеніе его въ Болгарію для ея организаціи, совмѣстно съ обязанностію главноуполномоченнаго отъ Краснаго Креста за Дунаемъ, предоставило князю Черкасскому широкое поприще дѣятельности, но и потребовало отъ него чрезмѣрныхъ трудовъ. Сопровождая главную квартиру, онъ переносилъ всѣ трудности похода и, распоряжаясь уходомъ за ранеными, нерѣдко бывалъ даже въ огнѣ, слѣдя за выносомъ раненыхъ, за что былъ самимъ Государемъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени съ мечами. Но походная жизнь при разстроенномъ здоровьи, съ вѣчною тревогой, были, видно, не подъ силу его организму. Онъ занемогъ въ Адріанополѣ тифомъ. Почувствовавъ себя лучше, онъ поѣхалъ въ Санъ-Стефано, гдѣ спутникъ тифа, параличъ легкихъ, положилъ конецъ его дѣятельной жизни...

Великій для Россіи день 19 февраля былъ днемъ кончины князя В. А. и онъ могъ сказать: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ...»

Съ самой университетской скамьи всѣ его помыслы, всѣ усилія были устремлены къ одной цѣли,—къ освобожденію крестьянъ, и когда онъ и Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, не въ качествѣ чиновниковъ, а въ качествѣ выдающихся представителей и дѣятелей общественныхъ, были призваны къ

составленію Положенія 19 февраля, они какъ поденщики работали до истощенія силъ, они вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ многочисленнымъ, могучимъ, озлобленнымъ большинствомъ противниковъ.

Перейдемъ прямо къ послѣднему земному служенію Черкасскаго. Едва стихла военная буря и настаетъ вожделѣнный миръ, и уже совершилось великое дѣло: не только уничтожена власть Турокъ, но и призваны къ новому бытію цѣлыя страны; не только освобождены Болгары, но и создана несуществовавшая дотолѣ Болгарія во всеоружіи гражданскаго строя. Кого къ этому великому, славному и трудному подвигу призвало довѣріе Государя? Князя В. А. Черкасскаго.

Онъ понесъ на себѣ всю скорбь, всю муку труда, по исполненію зиждительнаго призванія Россіи, вмѣстѣ съ арміей дѣлилъ и опасности и лишенія, на самомъ театрѣ войны залагалъ крѣпкій фундаментъ новаго государственнаго зданія; среди насилія и безправія, неизбѣжныхъ спутниковъ войны, силился водворять свободу, порядокъ и законность,— громадная, трудно разрѣшимая задача, которая едва ли кому иному была бы по силамъ. Но она и подломила его силы, въ самый послѣдній день подвига. Въ самый день подписанія мира, торжественно признавшаго независимое гражданское бытіе Болгаріи, въ дорогую, завѣтную для Черкасскаго годовщину 19 февраля, въ виду Царьграда, въ виду предѣла трудовъ и мученій, обрѣло себѣ предѣлъ и его земное поприще. Въ этотъ столь знаменательный въ его жизни день, Черкасскій какъ бы подвелъ истинный, дѣйствительный итогъ своей земной дѣятельности.

Князь В. А. Черкасскій былъ женатъ на Ек. Ал. Васильчиковой; потомства послѣ себя не оставилъ.

Мое знакомство съ Вл. Черкасскимъ началось очень давно; я встрѣчалъ его, еще молодаго студента, на дачѣ у родственницы его, М. А. Лонгиновой, жены моего начальника, статсъ-секретаря Н. М. Лонгинова; потомъ узналъ князя

короче, когда провелъ вмѣстѣ съ нимъ двѣ недѣли въ Костромской губерніи, на свадьбѣ милой кузины моей Вариньки Сумароковой съ роднымъ братомъ его, кн. Евгеніемъ Черкасскимъ. Но особеннаго, тѣснаго сближенія между нами не было.

КОСТОМАРОВЪ

Николай Ивановичъ, историкъ. Съ нимъ я случайно познакомился въ Петербургѣ, въ Публичной Библіотекѣ, и видѣлся не болѣе двухъ или трехъ разъ, а потому не могу судить о немъ, какъ о человѣкѣ. Но, какъ писатель, онъ былъ мнѣ всегда противенъ. Страстный любитель своей родины—Малороссіи и приверженецъ возникшей во время его молодости странной идеи малороссійскаго сепаратизма (за что онъ и пострадалъ), Костомаровъ изыскивалъ всѣ средства, чтобы унизить, хотя бы ничтожными мелочами, тѣхъ русскихъ людей, которые составляли собою славу XVII вѣка: Филарета Романова, князя Пожарскаго, Минина, Авраамія Палицына и др. Съ особенною злонамѣренностію поносилъ онъ память Димитрія Донскаго, выставляя героя Куликовской битвы какимъ-то жалкимъ трусомъ. Въ то же время Костомаровъ не щадилъ громкихъ фразъ для прославленія Малороссіянъ и даже Поляковъ. Такая пристрастная дѣятельность историка всегда возбуждала во мнѣ отвращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ оставалась для меня совершенно непонятной.

Но на дняхъ случилось мнѣ прочесть въ 10-й книжкѣ *Русскаго Архива* за нынѣшній годъ статью: «Н. И. Костомаровъ,» прекрасно и увлекательно написанную г. Корсуновымъ; въ ней нашелъ я нѣкоторое объясненіе превратныхъ мнѣній Костомарова. Г. Корсуновъ разсказываетъ, что Костомаровъ въ 1840 году, страдая отъ простуды болью въ горлѣ, но по мнительности своей вообразивъ, что у него болѣзнь заразительнаго свойства, угрожающая лишеніемъ носа,

сталъ лечиться у какого-то шарлатана и проглотилъ очень много меркурія. Слѣдствіемъ такого леченія были галлюцинаціи: больному казалось необходимымъ затвердить и помнить число палочекъ въ стульяхъ; ему представлялось, что красавицы изъ англійскаго кипсэка выскакиваютъ, чтобы мучить его. Весьма вѣроятно, что и впослѣдствіи эта нервная болѣзнь не совсѣмъ угомонилась и отзывы малороссійскаго историка о разныхъ лицахъ могли проистекать изъ подобныхъ галлюцинацій. Такъ напр. въ сочиненіи его объ Уніи, написанномъ на степень магистра, проскользнула фраза: «Константинопольскій патріархъ, несмотря на всю ничтожность своего сана, послѣ завоеванія Турками Византійской имперіи» и т. д.—О своемъ поэтическомъ сочиненіи, имѣвшемъ въ свое время значительный успѣхъ, самъ Костомаровъ позднѣе отзывается такъ: «Моя Переяславская Ночь по истинѣ произведеніе до крайности слабое во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ фальшивое до глубины своего существа; фальшивость эта произошла отъ того, что я тогда находился подъ зловреднымъ (въ научномъ отношеніи) вліяніемъ такихъ псевдо-исторій, какъ «Исторія Руссовъ», приписываемая никогда не сочинявшему ея Конисскому и такихъ сборниковъ псевдо-народныхъ произведеній, какъ «Запорожская Старина» Срезневскаго»*).

Вотъ и еще примѣръ странныхъ выходокъ Костомарова. Однажды онъ шелъ вмѣстѣ съ г. Корсуновымъ и разговаривалъ о пророкѣ Исаіи.

«Да! Великій Исаія!» Николай Ивановичъ останавливается на тротуарѣ и начинаетъ декламировать по славянски первую главу Исаіи, вмѣсто жестовъ размахивая палкою, то поднимая ее, то опуская, а гдѣ нужда указывала — поводя ею горизонтально... И пока не оканчивалась первая глава, не было никакой возможности остановить оратора. Это случалось нѣсколько разъ. Иногда, если декламація приходилась къ концу нашего путешествія, то-есть уже въ городѣ,

*) *Русскій Архивъ* 1890, кн. 10, стр. 208.

и Николай Ивановичъ чувствовалъ усталость въ ногахъ, онъ оканчивалъ свою «главу», сидя на тумбѣ.

Что же? Сказано, провинція, глушь! Никто изъ прохожихъ даже на минуту не останавливался, чтобы послушать оратора, у котораго особенно хорошо выходило: «Познà волъ стяжавшаго ѝ (тычекъ палкою въ одну сторону) и осля ясли господина своего (тычекъ въ другую сторону...) Израиль же мене не познà (горизонтальный размахъ)!» *)

Подобныя черты изъ дѣятельности Костомарова не обличаютъ ли въ немъ временныхъ нервныхъ припадковъ, которыми можно объяснить странныя и несправедливыя выходки въ историческихъ его сочиненіяхъ?

СПИРИТЫ.

При современномъ, очень разнообразномъ взглядѣ многихъ на явленія спиритизма, и на причины этихъ явленій, мнѣ кажется, необходимо обращать вниманіе на опыты, которые нерѣдко сами себя объясняютъ.

Сообщу здѣсь два опыта, въ первомъ изъ нихъ я былъ участникомъ, а во второмъ—только зрителемъ.

Въ 1854 году, въ домѣ покойной тещи моей княгини А. П. Волконской, я часто забавлялся, вмѣстѣ съ зятемъ моимъ, А. К. Грязевымъ, опытами спиритизма, не подозрѣвая въ нихъ никакой темной и враждебной силы. Орудіемъ служила для насъ тарелка съ приклееннымъ къ ней карандашемъ и подложеннымъ подъ нее листомъ бумаги. Мы клали руки на тарелку и она черезъ нѣсколько времени начинала двигаться и карандашъ писалъ отвѣты на вопросы, иногда намъ самимъ неизвѣстные, но задуманные другими лицами. Такъ наприм. однажды наши жены (онѣ обѣ были родныя сестры) придумали тайно отъ насъ вопросъ: кто изъ

---

*) Тамъ же, стр. 213.

насъ больше любитъ свою жену? Тарелка написала: «Мишель», т.-е. мое имя. На этотъ разъ она сказала правду.

Но послѣ многихъ подобныхъ, повидимому невинныхъ опытовъ, вышелъ наконецъ случай, который образумилъ насъ и указалъ на истинную причину необъяснимыхъ явленій. Однажды вечеромъ мы сидѣли въ томъ же домѣ. Наканунѣ теща моя съ младшею дочерью, тогда еще дѣвицею, была гдѣ-то на балѣ. Стали искать брильянтовыхъ серегъ, которыя наканунѣ надѣвала молодая княжна, но нигдѣ не могли найти ихъ. Намъ предложили, въ видѣ шутки, погадать объ нихъ на тарелкѣ. Вышелъ слѣдующій довольно длинный рядъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Вопросъ: «куда дѣвались серьги»? Отвѣтъ: «украдены». В.: «кто укралъ»? О.: «Дуняша». Нужно замѣтить, что въ числѣ прислуги было нѣсколько женщинъ съ именемъ Авдотьи: одну изъ нихъ, няню дѣтей Грязевыхъ, всегда звали по отечеству Савельевной и почти не помнили имени, даннаго ей при крещеніи. Мы продолжали опытъ.

В. «Какая Дуняша»? О. «Савельевна». В. «Куда спрятала»? О. «Отдала племяннику».

Всѣ знали старуху няню за честную женщину, но изъ любопытства справились и узнали, что часа за два передъ тѣмъ приходилъ къ ней мальчикъ, племянникъ, пробылъ не долго и ушелъ въ большомъ смущеніи. Невольно возбудилось подозрѣніе противъ Савельевны. Между тѣмъ воротилась домой уѣзжавшая на цѣлый день старшая сестра жены моей А. П. Грязева. «О чемъ вы тутъ хлопочете, чего ищете?» спросила она. Мы разсказали ей исторію о серьгахъ. «Онѣ у меня въ шкатулкѣ, сказала она, засмѣявшись. — Я увидала ихъ поутру на столѣ и нарочно заперла, чтобы не пропали» Дѣйствительно, серьги оказались въ шкатулкѣ.

Мы всѣ были поражены искусно сплетенною клеветой, съ которой не забытъ и мальчикъ, поспѣшившій уйти отъ строгаго выговора тетки за какую-то шалость. Съ того дня такая забава намъ опротивѣла, и мы ее бросили.

Другой опытъ случился зимой 1841 года въ Петербургѣ, въ квартирѣ зятя моего князя В. Д. Голицына. Тамъ собралось нѣсколько молодыхъ людей, пріятелей хозяина, которые занимались спиритизмомъ. Отвѣты на вопросы получались чрезъ удары подъ столомъ, на которомъ лежали руки участниковъ опыта.

Когда невѣдомый духъ далъ знать стукомъ о своемъ присутствіи, ему предложили вопросъ: кто ты? «Я Іосифъ Мудрый», отвѣчалъ онъ. Когда ты умеръ? «Въ началѣ 1516 г.» Что ты намъ скажешь? «Любите Бога и святыхъ Его».

Тѣ, которымъ духъ давалъ эти отвѣты, ничего не знали объ Іосифѣ Мудромъ. Спросили меня. Я припомнилъ, что нѣкоторые изъ учениковъ преп. Іосифа Волоколамскаго называли его Іосифомъ Мудрымъ, и что указанный годъ близокъ ко времени его кончины. Навели справку и оказалось. что представленіе преп. Іосифа означено въ святцахъ подъ 9 сентября 1515 годя. Разница въ годѣ могла зависѣть или отъ ошибки считавшихъ, или отъ счета новолѣтія съ 1 сентября. Видимо, что говорившій съ нами духъ хотѣлъ выдать себя за богоугоднаго праведника, много потрудившагося въ защитѣ православной вѣры противъ ересей.

Но какъ узнать, правду ли онъ говоритъ или обманываетъ? Апостолъ Іоаннъ подаетъ намъ вѣрный способъ для распознаванія духовъ, онъ говоритъ: «не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ Антихриста» (1 Іоан. 4, 1—3).

Основываясь на этихъ священныхъ словахъ, я попросилъ вступившихъ въ общеніе съ духомъ, спросить его, исповѣдуетъ ли онъ Сына Божія во плоти пришедшаго? Этотъ вопросъ неоднократно повторенный, остался безъ отвѣта.

Что можемъ мы заключить изъ этихъ двухъ опытовъ? Въ первомъ изъ нихъ духъ прибѣгаетъ къ клеветѣ, чтобы под-

вергнуть подозрѣнію невинную женщину. А мы знаемъ, что клевета и вообще всякая ложь истекаетъ отъ отца лжи, т.-е. діавола.

Во второмъ опытѣ дѣйствіе враждебной силы еще замѣтнѣе; здѣсь вызванный духъ принимаетъ на себя мнимый образъ угодника Божія, подаетъ душеполезный совѣтъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не хочетъ исповѣдывать Іисуса Христа, пришедшаго во плоти.

Послѣ такого разительнаго опыта, занятія спиритизмомъ въ домѣ зятя моего прекратились, а я рѣшился сообщить читателямъ, какъ этотъ случай, такъ и бывшій со мною. При этомъ я нарочно назвалъ полнымъ именемъ нѣсколько лицъ, которыя живы и могутъ засвидѣтельствовать правду моихъ словъ.

ДЕЛИЦЫНЪ,

Петръ Спиридоновичъ,

первый магистръ I курса Московской Духовной Академіи, профессоръ математики, протоіерей. Поступилъ изъ студентовъ Славяно-Греко-Латинской Академіи; по окончаніи курса былъ баккалавромъ математическихъ наукъ; а съ 1820 г.— ординарнымъ профессоромъ. Во время продолжительнаго служенія наукѣ онъ составилъ полные курсы алгебры и тригонометріи, написалъ объ аналитическомъ опредѣленіи кривыхъ линій и поверхностей, руководства по механикѣ, математической географіи и пасхаліи (всѣ сіи труды остаются въ рукописи). Въ преподаваніи Делицынъ отличался отчетливостью изложенія, строгимъ порядкомъ, логическою послѣдовательностію и связью. Сверхъ того, одно изъ достоинствъ его преподаванія, это—способность упростить рѣшеніе сложныхъ и трудныхъ задачъ математики, искусство облегчать слушателямъ усвоеніе цѣльной операціи въ ходѣ рѣшенія того или другаго вопроса,—искусство вести ихъ вниманіе, ничѣмъ не

отвлекая, къ результату выкладокъ, нерѣдко продолжительныхъ. П. С. Делицынъ положилъ основаніе физическому кабинету при Академіи; впослѣдствіи, когда для физики были назначены особые преподаватели, этотъ кабинетъ былъ значительно увеличенъ.

Но не труды по физико-математическимъ наукамъ составляли главную заслугу почтеннаго профессора: съ 1843 года началось при Академіи изданіе *Творенія св. Отцевъ* и редакція переводной части двадцать лѣтъ лежала исключительно на П. С. Делицынѣ. Если желаніе близости перевода къ подлинному тексту и заставляло иногда покойнаго редактора жертвовать чистотою языка и плавностію рѣчи; за то онъ надѣялся доставить своимъ переводамъ высшее достоинство— точность. Желая приблизиться къ духу отцевъ, онъ старался передавать ихъ рѣчь словами и оборотами, вполнѣ соотвѣтствовавшими строю греческаго языка; отъ того при невозможности найти въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ слова съ значеніемъ, равносильнымъ рѣчи греческой, у него по необходимости являлись въ переводахъ славянизмы и термины, заимствованные изъ языка церковнаго. Вслѣдствіе такой необходимости, для передачи извѣстныхъ словъ и выраженій греческихъ, онъ составилъ, можно сказать, свою терминологію, которая была плодомъ долгаго размышленія и внимательнаго изученія духа твореній отеческихъ. Конечно, трудъ редактора вдвойнѣ облегчился бы, еслибы онъ захотѣлъ идти по слѣдамъ французскихъ перифрастовъ, т. е. вмѣсто одного отеческаго слова употреблять два, три и болѣе, разсѣкать греческіе періоды, нерѣдко длинные, на нѣсколько отдѣльныхъ періодовъ и внести въ переводъ элементы легкаго языка, употребительнаго въ области мірскихъ сочиненій. Но это злоупотребленіе строгою и важною рѣчью св. отцевъ всегда казалось редактору посягательствомъ на искаженіе самаго смысла твореній отеческихъ, неуваженіемъ къ дорогому наслѣдію, завѣщанному ими Православной Церкви.

Отлично владѣя русскимъ языкомъ, П. С. имѣлъ большую способность къ стихотворству; онъ написалъ оду на пріѣздъ въ Лавру Императора Николая послѣ его коронаціи. Здѣсь представляется, что предки съ неба смотрятъ на Россію:

„Къ земной въ нихъ родинѣ любовь
Небесную волнуетъ кровь.“

Предки дивятся «безпримѣрной доблести» Цесаревича Константина, добровольно отрекшагося отъ престола, предлагаемаго ему великимъ княземъ Николаемъ:

„Не за корону споръ возсталъ,
Но каждый быть слугой желалъ.
Какія титла знамениты
Тому воздать, кто счель ничѣмъ
Сильнѣйшимъ въ мірѣ быть царемъ.“

Далѣе слѣдуетъ строфа:

„Какъ мощный левъ возлегъ у трона,
Нашъ витязь, дивный Константинъ,
Престола щитъ и оборона,
Средь Павловыхъ еще дружинъ,
На Альпахъ лавры пожиная,
Онъ Александрову велъ рать
Свободу міра искупать,
И Николаю сталъ десная.
Кто тамъ дерзнетъ извѣдать силъ,
Гдѣ онъ и бодрый Михаилъ?“

Эта ода не была напечатана; митрополитъ Филаретъ предпочелъ ей, можетъ быть изъ осторожности, стихотвореніе студента Знаменскаго.

Какъ членъ Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, Делицынъ былъ цензоромъ строгимъ и осторожнымъ. Онъ не тратилъ времени на исправленіе безграмотныхъ брошюръ и рисунковъ, представляемыхъ книгопродавцами, но тотчасъ же возвращалъ ихъ, требуя исправленія. Тогда книжники обращались къ студентамъ Академіи; послѣдніе, исправляя ошибки, получали полезную для нихъ, хотя и небольшую плату,

а досточтимый цензоръ сохранялъ время, нужное ему для другихъ, болѣе важныхъ трудовъ.

Съ благодарностію вспоминаю о снисходительномъ вниманіи П. С. къ моимъ сочиненіямъ. Цензуруя ихъ, онъ выставлялъ свои замѣчанія карандашемъ, предоставляя мнѣ воспользоваться ими по произволу. Конечно, я дорожилъ ими и не оставилъ ни одного безъ вниманія.

П С. Делицынъ былъ женатъ на дочери одного изъ московскихъ священниковъ, Аннѣ Петровнѣ Докучаевой и имѣлъ трехъ сыновей; старшій изъ нихъ, Петръ Петровичъ, магистръ XVI курса, былъ долго профессоромъ Виѳанской семинаріи.

Служба П. С. при Академіи продолжалась 45 лѣтъ Онъ скончался 30 октября 1863 года. Памятникъ надъ могилою его, за алтаремъ Успенскаго собора Лавры, замѣчателенъ по надписи: «Твой есмь азъ, яко оправданій Твоихъ взыскахъ.»

СМИРНОВЪ

Сергій Константиновичъ,

протоіерей, докторъ богословія, заслуженный профессоръ и бывшій ректоръ Московской Духовной Академіи. Онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ воспитанниковъ XIV курса Академіи (1840—44), между которыми пользуются особенною извѣстностію доселѣ здравствующіе преосвященные: Сергій Ляпидевскій, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, Амвросій Ключаревъ, архіепископъ Харьковскій, Амфилохій Казанскій, епископъ Угличскій; протоіереи: Д. И. Кастальскій, В. И. Романовскій; а изъ почившихъ: Инп. Мих. Богословскій-Платоновъ, Ст. Ив. Зерновъ и нѣкоторые другіе.

По окончаніи курса наукъ въ Академіи со степенью магистра, С. К. Смирновъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ питомцевъ ея, оставленъ былъ при самой Академіи въ зва-

ніи баккалавра по классу русской гражданской исторіи и греческаго языка; курсовое сочиненіе его, подъ заглавіемъ: «Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви Его въ Ветхомъ Завѣтѣ,» было послѣ напечатано (Москва 1852). Ревностно исполняя свои обязанности по званію баккалавра, С. К. Смирновъ несъ и особые труды по службѣ при Академіи. Въ 1854 году онъ опредѣленъ былъ секретаремъ комитета по изданію академическаго журнала *Творенія Св. Отцевъ*; а въ слѣдующемъ 1855 году на него возложено было преподаваніе, сверхъ двухъ упомянутыхъ, еще новаго предмета — исторіи рускаго раскола и полемики противъ его, въ миссіонерскомъ отдѣленіи. Всѣ эти обязанности исполнялъ онъ до преобразованія Академіи въ 1870 г., когда, согласно уставу 1869 года, изъ нѣсколькихъ предметовъ преподаванія долженъ былъ избрать лишь одинъ, и онъ избралъ греческій языкъ съ его словесностію, оставаясь до 1871 года и секретаремъ редакціоннаго комитета. Въ 1870 году онъ избранъ на должность инспектора Академіи; еще прежде того онъ былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ 1873 г. приготовилъ и публично защитилъ на степень доктора диссертацію: «Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія апостола Павла къ Ефесеямъ.» М. 1873. Эта диссертація, какъ очевидно уже изъ самаго заглавія ея, относясь близко къ предмету каѳедры докторанта, въ то же время носила прямо и богословскій характеръ. что требовалось отъ искавшаго степени доктора богословія. А въ 1878 году, принявъ санъ священства, указомъ Св. Синода отъ 10 апрѣля, назначенъ на высокую должность ректора Академіи, съ возведеніемъ его въ санъ протоіерея

Такова была оффиціальная дѣятельность С. К. Смирнова. Гораздо дольше, нежели на оффиціальной службѣ, С К. Смирновъ потрудился на томъ поприщѣ, которое, будучи въ тѣсной связи съ его занятіями по профессурѣ, доставило ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Разумѣемъ его учено-литературную дѣятельность. Эта дѣятельность, начав-

шаяся въ печати съ 1843 г., когда онъ былъ еще на студенческой скамьѣ, прекратилась лишь съ годомъ кончины его и слѣдовательно продолжалась 46 лѣтъ, тогда какъ служебная дѣятельность его продолжалась 42 года. Литературная дѣятельность С. К. съ самаго начала его службы была неутомима. Первымъ трудомъ его было: «Историческое описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря,» имѣвшее три изданія, за нимъ послѣдовали: «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи» (Демидовская премія), «Историческая записка о Московской Духовной Академіи по случаю празднованія ея 50-лѣтія»*), «Исторія Троицкой-Лаврской семинаріи» (Уваровская премія), «Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія ап. Павла къ Ефесеямъ,» «Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія» (Уваровская премія). Къ этимъ трудамъ нужно присоединить еще восемь болѣе краткихъ отдѣльныхъ сочиненій. До шестидесяти статей разнообразнаго содержанія были напечатаны въ прибавленіяхъ къ *Твореніямъ св. Отцевъ*, *Москвитянинѣ*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, *Временникѣ*, *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Душеполезномъ Чтеніи*, *Православномъ Обозрѣ-*

---

*) Эта „Записка“ еще въ рукописи была читана С. К. Смирновымъ митрополиту Филарету, и святитель отъ 15 сентября юбилейнаго 1864 года писалъ ректору Академіи, протоіерею А. В. Горскому, слѣдующее: „Прочитана мнѣ записка о Академіи. Она слушается съ занимательностію. Я посовѣтовалъ только говорить о недостаткахъ схоластическаго ученія безъ насмѣшки и презрѣнія и безъ схоластическихъ выраженій. Вѣкъ, смѣющійся надъ схоластикою, не платитъ-ли ей дань хуже прежняго, толкуя, даже не въ школахъ, туманно и тяжело, объ абсолютномъ и условномъ, объ абстрактномъ и конкретномъ, о субъективномъ и объективномъ, о категоріяхъ, объ отрицаніи, какъ объ умственномъ преступленіи,—хотя отрицаніе иногда есть высокое знаніе, — даже въ газетахъ, читаемыхъ простонародіемъ, звуча латынью: de jure, de facto, даже вопреки законамъ грамматики: statu quo? Также замѣтилъ я, что хвалить живыхъ рано и особенно въ глаза“. (Прибав. къ Твор. 1882, XXX, 64.)

ніи, Русскомъ Архивѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Сверхъ того остались неизданными: Полный курсъ литературы древне-греческаго языка и Учебникъ русской исторіи, доведенный до кончины царя Іоанна Грознаго. Въ области словесности С. К. началъ упражняться съ раннихъ лѣтъ и особенно упражнялся въ стихотвореніяхъ. Еще въ 1841 г., во время посѣщенія Сергіевой Лавры и Академіи Государемъ Наслѣдникомъ Престола, Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ, изволившимъ прибыть, вскорѣ послѣ своего бракосочетанія, съ Августѣйшею супругою своею, Цесаревною Великою Княгинею Маріею Александровною, 25 мая, «Государь Наслѣдникъ удостоилъ благосклонно принять отъ митрополита Филарета стихотвореніе, написанное по случаю радостнаго пришествія Ихъ Высочествъ въ Лавру студентомъ младшаго курса Академіи Сергіемъ Смирновымъ.» Равно также и когда сей Государь Наслѣдникъ сдѣлался Императоромъ, С. К. Смирновъ, будучи уже бакалавромъ Академіи въ 1856 году, написалъ стихотвореніе «на пришествіе въ Троице-Сергіеву Лавру Ихъ Величествъ послѣ коронованія». Вотъ двѣ строфы изъ этого стихотворенія:

„Грядетъ! Срѣтайте съ пѣснопѣньемъ!
Курись обильно ѳиміамъ!
Вступаетъ Царь съ благоговѣньемъ
Святыя Троицы во храмъ.
Грядетъ! къ святынѣ припадаетъ...
Святый! Царя благослови,
Да царствомъ Русскимъ управляетъ
Со славой мира и любви!

—

Отъ Бога съ горняго селенья
И отъ святаго алтаря
Да сходитъ въ вѣкъ благословенье
На Домъ вѣнчаннаго Царя!
Да процвѣтетъ Его Держава!
Да благоденствуетъ народъ!
И о Царѣ да прейдетъ слава
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ!“

При сорокалѣтнемъ знакомствѣ я глубоко почиталъ и сердечно любилъ Сергія Константиновича. Пріѣзжая ежегодно въ Лавру, я всегда съ нимъ видѣлся, а онъ въ лѣтнюю вакацію гостилъ иногда у меня въ деревнѣ. Когда же я, овдовѣвъ, въ 1881 г. поселился въ Сергіевскомъ Посадѣ и сталъ часто проводить съ нимъ вечернее время, наше знакомство обратилось въ искреннюю дружбу, которая побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о жизни и трудахъ почившаго отца-протоіерея, хорошо мнѣ знакомыхъ.

Какъ ученикъ и сослуживецъ старѣйшихъ и лучшихъ ея представителей (Ѳ. А. Голубинскаго, П. С. Делицына и А. В. Горскаго) С. К. заимствовалъ отъ нихъ традиціи, сохранившіяся со времени основанія Академіи. Несмотря на весьма скудный (въ особенности для человѣка женатаго и семейнаго), баккалаврскій окладъ, неутомимый труженикъ готовъ былъ отказываться отъ нѣкоторыхъ удобствъ жизни и не давать себѣ отдыха въ постоянной работѣ, лишь бы не разставаться съ Академіей. Въ эти годы онъ усиленно занимался переводами твореній св. отцевъ и нѣсколькими сочиненіями, исчисленными въ «Исторіи Московской Академіи» (стр. 133 — 136). Во время своего ректорства и инспекторства С. К. обращался отечески снисходительно съ студентами, не придавая никогда юношескимъ увлеченіямъ значеніе закоренѣлаго порока.

Цѣлыя поколѣнія студентовъ сохранили и сохраняютъ объ немъ свѣтлыя и благодарныя воспоминанія, какъ о человѣкѣ добромъ, хотя иногда вспыльчивомъ, мягкомъ, разсудительномъ, миролюбивомъ, всегда чуждомъ злопамятства и мертвящаго формализма. Несомнѣнно, что многіе изъ бывшихъ въ его время студентовъ сами сдѣлались такими же добрыми воспитателями юношества; доброе сѣмя, посѣянное почившимъ, принесетъ въ свое время добрые плоды; разсудительная снисходительность Сергѣя Константиновича, какъ ректора Академіи, сохранила для духовно-учебнаго вѣдомства многихъ полезныхъ дѣятелей. Замѣчательно, что въ

четеніе девятилѣтняго его ректорства ни одинъ студентъ не былъ исключенъ изъ Академіи.

Время ректорства Сергія Константиновича ознаменовано для Академіи ревностнымъ участіемъ его 1) въ возобновленіи журнала *Творенія св. Отцевъ* въ русскомъ переводѣ, издаваемыя при Академіи, 2) въ пріемѣ на содержаніе Троицкой Лавры 18 студентовъ и 3) въ открытіи Братства во имя препод. Сергія, имѣющаго цѣлью помогать своекоштнымъ студентамъ, а иногда и окончившимъ курсъ, но нуждающимся въ средствахъ жизни до полученія мѣста.

Частная жизнь С. К. во время его ректорства проходила почти постоянно въ стѣнахъ Академіи; онъ жилъ въ ректорской квартирѣ и только по вечерамъ посвящалъ нѣсколько часовъ своему семейству, сослуживцамъ и близкимъ знакомымъ, которыхъ принималъ въ своемъ домѣ. Здѣсь онъ являлся добрымъ семьяниномъ, окруженнымъ дѣтьми и внуками, радушнымъ, добрымъ и ласковымъ хозяиномъ. Онъ былъ женатъ еще въ началѣ своей службы на дочери бывшаго баккалавра Академіи, въ то время законоучителя Екатерининскаго института, Софьѣ Мартыновнѣ Ловцовой. Воспитанная въ Екатерининскомъ институтѣ съ отличными успѣхами (за которые награждена браслетомъ съ вензелемъ Ея Величества), она, какъ женщина высокообразованная, съ свѣтлымъ умомъ, твердыми убѣжденіями и добрымъ сердцемъ, была вѣрною помощницей своего супруга. При самыхъ умѣренныхъ средствахъ первые годы брачной жизни она не только вела домашнее хозяйство съ необыкновенною заботливостію и неутомимо пеклась о воспитаніи дѣтей, но помогала мужу и въ литературныхъ трудахъ, переводя для него съ иностранныхъ языковъ и переписывая цѣлыя статьи. И въ судьбѣ дѣтей ознаменовалось покровительство Промысла Божія: семь дочерей вступили въ бракъ съ достойными ихъ женихами и всѣ живутъ счастливо. Единственный сынъ этой высокочтимой четы окончилъ академическій курсъ, отслужилъ срокъ духовно-училищной службы и теперь священствуетъ въ Москвѣ.

Сергій Константиновичъ велъ обширную переписку и между прочимъ съ лицами духовно-учебнаго управленія; они были нужны ему преимущественно для устройства участи воспитанниковъ Академіи, окончившихъ курсъ, но еще нуждавшихся въ мѣстахъ. Между бумагами его, вѣроятно, найдется не мало переписки съ учеными и друзьями. Вотъ для образца письмо его ко мнѣ, присланное въ Ростовъ ко времени празднованія моего юбилея 28 апрѣля 1888 года: «Вотъ къ чему привело васъ знакомство съ Московскою Духовною Академіей, которою положены въ васъ первыя сѣмена образованія и дано вамъ ортодоксальное направленіе... Это направленіе въ первый разъ выразилось сорокъ лѣтъ тому назадъ въ первомъ вашемъ произведеніи: «Древнія святыни Ростова Великаго». Какъ благосклонно принято было это сочиненіе публикой, показываютъ частію отзывы о его достоинствѣ, частію то, что чрезъ 12 лѣтъ потребовалось его второе и потомъ третье изданія, которыя вами значительно были дополнены. Академія Наукъ дала такой отзывъ, что это трудъ добросовѣстный и для археолога очень любопытный (*Извѣст. Акад. Наукъ* 1860 г., т. 8, стр. 302. Слич. *Странникъ* 1862 г. Окт., стр. 194).

Примите же, графъ, мое сердечное поздравленіе съ сорокалѣтіемъ перваго ученаго труда вашего вмѣстѣ съ искреннимъ желаніемъ срѣтить вамъ столѣтній юбилей вашей полезной дѣятельности. Простите, что мое немоществованіе воспрепятствовало мнѣ быть на вашемъ праздникѣ и лично привѣтствовать васъ...

Во все время продолженія вашей ученой дѣятельности вы не переставали обращаться къ Московской Академіи и къ ея богатымъ книжнымъ запасамъ за учеными пособіями и справками, и непрестанно поддерживали сношенія съ ея наставниками, изъ которыхъ многихъ теперь уже нѣтъ, и отъ которыхъ остались теперь ученики. Пріятно при этомъ замѣтить одну ярко блистающую черту въ характерѣ отношеній вашихъ къ наставникамъ Академіи: можно ли было думать, чтобы вы—аристократъ по происхожденію и съ зна-

чительнымъ свѣтскимъ образованіемъ, не почуждались стать въ близкія отношенія съ людьми незнакомыми съ свѣтскою жизнію, съ свѣтскими манерами? Напротивъ, вы съумѣли поставить себя такъ по отношенію къ нимъ, что имъ не сторониться отъ васъ надлежало, но всячески стараться выразить вамъ благодарность за вашу обязательную любезность. Такое же пріятное впечатлѣніе вынесла изъ сношеній съ вами и Кіевская Академія, которой также, какъ и Московской, вы носите званіе почетнаго члена.»

Здоровье и силы Сергія Константиновича, несмотря на преклонныя лѣта, долго еще сохранялись въ полной свѣжести; но въ послѣдніе годы ректорства его въ Академіи онъ сталъ страдать хроническою болѣзнію сердца и подвергся двумъ апоплексическимъ ударамъ, а потому принужденъ былъ оставить службу и былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности ректора съ пенсіею 3.000 рублей. Монаршее вниманіе къ долговременной и отлично усердной службѣ его выразилось Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ ордена Св. Анны первой степени. Сослуживцы и почитатели С. К поднесли ему при этомъ случаѣ икону преподобнаго Сергія, прежніе ученики его—великолѣпное изданіе Библіи вмѣстѣ съ адресомъ, выражающимъ чувства благодарности къ прежнему ихъ наставнаку.

Вотъ отрывокъ изъ этого адреса: «Сорокъ два года продолжалось ваше неутомимое, честное служеніе наукѣ и дѣлу воспитанія. — Вы всегда твердо и съ любовію несли на себѣ обязанности служителя духовной науки и духовно-учебнаго дѣла. Ваши чтенія имѣли плодотворное вліяніе на вашихъ слушателей, возбуждая въ нихъ любовь къ занятію тѣми предметами, которые вы изучили и преподавали. Ваши многочисленные печатные труды оказывали и будутъ оказывать полезное вліяніе не только на бывшихъ вашихъ слушателей, но и на болѣе многочисленный кругъ читателей. О достоинствѣ вашихъ печатныхъ трудовъ достаточно свидѣтельствуетъ и то, что они были увѣнчаны преміями отъ выс-

шихъ ученыхъ учрежденій —Ваше вліятельное служеніе Академіи въ качествѣ профессора расположило высшее духовное начальство ввѣрить вашему управленію Московскую Академію. Здѣсь на новомъ обширнѣйшемъ поприщѣ служенія вы столько оправдали довѣріе высшаго начальства, что, оставляя службу при Академіи по состоянію вашего здоровья, вы къ истинному утѣшенію всѣхъ знающихъ васъ нынѣ взысканы вниманіемъ и милостью Монарха, съ которой мы отъ души привѣтствуемъ васъ. Вы сердечно привязали къ себѣ тѣхъ изъ насъ, которымъ пришлось воспитываться въ Академіи въ это время вашей дѣятельности. Ваше доброе сердце сроднило съ вами всѣ добрыя чувства нашихъ сердецъ. Ваше всегда милостивое отношеніе къ людямъ, для которыхъ вы были поставлены наставникомъ, руководителемъ, отцемъ, привязало насъ къ вамъ навсегда.» Адресъ подписанъ 169 бывшими воспитанниками Академіи изъ XXV курсовъ (съ XV по XLI). А студенты послѣднихъ при немъ курсовъ, выходя изъ Академіи, поднесли своему бывшему ректору икону Спасителя.

Чрезъ нѣсколько времени С. К. сталъ казаться выздоравливающимъ, такъ что близкія къ нему лица надѣялись на выздоровленіе; но третій апоплексическій ударъ положилъ конецъ всѣмъ надеждамъ. Напутствованный въ вѣчную жизнь Св. Таинствами, незабвенный старецъ видимо угасалъ, но сохранялъ сознаніе до послѣдней минуты, хотя не могъ уже говорить. Окружающіе замѣтили, что умирающій сложилъ пальцы правой руки, какъ будто для крестнаго знаменія, старался поднять руку, но рука упала и съ послѣднимъ вздохомъ прекратилась многополезная жизнь заслуженнаго старца.

Миръ душѣ твоей, достойный служитель алтаря Господня, неутомимый труженикъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія! Миръ тебѣ, благодушный старецъ, искренній, чувствительный (иногда подъ личиною суровости), твердый въ убѣжденіяхъ, всегда расположенный къ добру и никому не сдѣлав-

шій зла! Миръ праху твоему на избранномъ тобою мѣстѣ, въ саду Академіи, близъ могилы достойнаго твоего наставника, А. В. Горскаго! Да сохранится память о тебѣ въ Академіи, да переходитъ она изъ курса въ курсъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе студентовъ!

ПОПОВА,

Евѳимія Григорьевна, благочестивая старица. Она родилась въ Тамбовской губерніи, Лебедянскаго уѣзда, селѣ Каликинѣ; родители ея были однодворцы. Кто далъ духовное направленіе юной Евѳиміи, какъ душа ея развивалась въ постепенномъ движеніи отъ мірской жизни къ духовной—это осталось тайною ея дѣтскихъ лѣтъ. Съ четырнадцатаго года отъ рожденія Евѳимія стала скромно выдѣляться изъ среды другихъ. Тайкомъ уходила она изъ дому, иногда на нѣсколько дней, проводя ночное время на церковной паперти въ молитвѣ; начала постоянно ходить въ приходскую церковь въ часы богослуженія и въ извѣстныя времена держала строгій постъ, часто по два и по три дня не принимая пищи. Избѣгая всякихъ сельскихъ сборищъ, хороводовъ и ночныхъ, такъ называемыхъ, посидѣлокъ, она искала уединенія, и если входила въ совѣтъ благочестивыхъ, то больше любила слушать, чѣмъ говорить. Со всѣми держала себя тихо, скромно, была покорна родителямъ; рѣчь ея отличалась краткостію и свѣтлою, разумною мыслію; молилась она всегда подолгу и часто со слезами. Родители ея, видя въ дочери особенное призваніе Божіе, не мѣшали ея добрымъ наклонностямъ, но по достиженіи ею зрѣлаго возраста построили ей, близъ сельской церкви, небольшую хижинку, въ которой она и жила уединенно, принимая къ себѣ исключительно отца да мать, поперемѣнно приносившихъ ей хлѣбъ и воду. Въ этотъ періодъ жизни Евѳимія въ такой силѣ предалась своему духовному направленію, такъ далеко оставила за собою всѣ

мірскія заботы, что даже во время зимы рѣдко топила свою келью, хранимая и согрѣваемая Создателемъ, Который питаетъ и живитъ всѣ Свои твари.

Проживши нѣсколько лѣтъ въ добровольномъ затворѣ, изъ коего выходила только въ церковь, Евѳимія приняла на себя самый трудный подвигъ христіанской жизни — юродство Христа ради. Она стала являться на улицахъ своего села, ходила по домамъ, уличала крестьянъ въ безпорядочной жизни и порокахъ, и ревность ея иногда доходила до такого мужества, что охотно переносила отъ крестьянъ оскорбленія, даже побои, съ терпѣніемъ и безъ жалобы прощая обидчиковъ. Особенно въ селѣ своемъ она тяжко пострадала отъ волостнаго головы, обличеннаго ею при всѣхъ въ развратной жизни.

Даръ прозорливости открылся въ Евѳиміи при сильномъ пожарѣ, бывшемъ въ селѣ Каликинѣ. Когда загорѣлся первый домъ, на сельской колокольнѣ ударили въ набатъ, сдѣлалась всеобщая тревога. Евѳимія, съ посохомъ въ рукахъ, вышла изъ своей хижины и въ тревожномъ состояніи духа, бѣгая по селу, останавливалась предъ нѣкоторыми домами и, указывая на нихъ, говорила: «вотъ и этотъ домъ сію жъ минуту загорится: въ немъ живутъ грѣшники, Бога прогнѣвляютъ и въ грѣхахъ не каются.» Точно, головни въ то же время по воздуху прилетали съ пожара, и указанные дома сгорали, а стоявшіе рядомъ съ ними оставались цѣлыми, даже неповрежденными. Дошедъ до избы близкой своей родственницы, стоявшей за воротами съ грудным ребенкомъ на рукахъ, Евѳимія указала и ея домъ на сожженіе, но, обратясь къ младенцу, проговорила: «онъ невиненъ.» Тутъ, вблизи горѣвшаго дома, стояли скирды хлѣба, и Евѳимія, указывая на меньшій изъ нихъ, сказала: «этотъ останется для дитяти.» Указанный, дѣйствительно, остался цѣлъ, а прочіе сгорѣли.

Послѣ пожара у нея спрашивали: зачѣмъ она бѣгала по селу и предсказывала сожженіе нѣсколькихъ домовъ? Юродивая отозвалась: «я не помню, гдѣ была и что говорила и дѣлала.»

Съ 1808 года Евѳимія до самой смерти своей жила въ городѣ Задонскѣ. Благотворители выстроили особенный домъ, въ которомъ помѣщались съ нею собравшіяся изъ разныхъ мѣстъ вдовы и дѣвицы, искавшія спасенія. Благочестивая община эта занималась странноприимствомъ бѣдныхъ, и Евѳимія была между ними старшею. Жизнь ея здѣсь приняла другое, болѣе степенное и мирвое направленіе. Она перестала юродствовать, постоянно ходила въ Задонскій монастырь къ богослуженію и всегда молилась усердно; дома также большую часть времени проводила въ молитвѣ, съ поклонами.

За совѣтами и наставленіями она обращалась къ старцу Иларіону, проводившему истинно-подвижническую жизнь, въ селѣ Троекуровѣ, Лебедянскаго уѣзда. Съ глубокимъ уваженіемъ принималъ онъ старицу Евѳимію. Она не встрѣчала отказа въ наставленіяхъ и руководствѣ старца, тѣмъ болѣе что и самъ наставникъ Иларіонъ часто нуждался въ ея духовной опытности и въ ней искалъ для себя поддержки и совѣтовъ въ трудахъ затворничества.

Старица Евѳимія давала совѣты Иларіону въ важныхъ случаяхъ его жизни. Совѣты ея были такого свойства, что Иларіонъ если не слѣдовалъ имъ, то послѣдствія заставляли его раскаяваться въ излишнемъ довѣріи къ своей мысли и въ настойчивости въ своихъ рѣшеніяхъ. Такъ, напримѣръ, Иларіонъ имѣлъ непреодолимое стремленіе поступить въ общежительную пустынь. Евѳимія усиленно отклоняла его отъ этого намѣренія, предузнавая, что жизнь въ обители — не по его призванію и силамъ. Однакожь Иларіонъ устоялъ на своемъ и поступилъ въ монастырь. Но тамъ проживъ немного времени, онъ возвратился на прежнее свое мѣсто, къ прежнимъ подвигамъ *).

---

*) Блаж. Иларіонъ почиваетъ въ Троицкой общинѣ (Лебедянскаго уѣзда) и почитается, какъ мѣстными жителями, такъ и обитателями сосѣднихъ губерній, притекающими въ значительномъ числѣ для совершенія памяти и молебныхъ пѣній. Память его ублажается

Глубокая старость приблизила Евѳимію къ смерти: ей было уже сто десять лѣтъ. За полгода она получила извѣщеніе о своей кончинѣ и тутъ же, ни мало не медля, въ 12 часовъ ночи, вышедши изъ своей молитвенницы, собрала всѣхъ жившихъ съ нею сестеръ въ одну комнату и сказала имъ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ благоволилъ возвѣстить мнѣ о скоромъ моемъ отшествіи, и потому я болѣе не начальница вамъ, а вмѣсто меня главною да будетъ у васъ келейница сестра Анна Дмитріевна. Кланяйтесь ей въ ноги и цѣлуйте ея руку.» Затѣмъ она сама подошла къ ней и первая поклонилась ей, по библейскому обычаю, до земли; послѣ чего ушла въ свою молитвенную комнату. Съ тѣхъ поръ 70-лѣтняя добродѣтельная старица Анна Дмитріевна стала попечительницей въ Задонскомъ странноприимномъ домѣ старицы Евѳиміи, устроенномъ близъ монастыря.

Съ января 1860 года старица Евѳимія замѣтно стала слабѣть въ силахъ; но духъ ея горѣлъ и бодрствовалъ. Она стала приготовляться къ смерти. 9-го января, въ субботу, надъ нею, по ея желанію, совершено таинство Елеосвященія; 15-го числа, послѣ ранней литургіи, она, исповѣдавшись, сподобилась принятія Св. Таинъ въ напутіе вѣчной жизни. Вслѣдъ за причащеніемъ у нея открылся слухъ, котораго по старости лѣтъ давно лишена была. Черезъ три дня сподобилась принять вторично Святыя Тайны и просила прочитать надъ ней отходную. Затѣмъ, выпивъ немного святой воды, она сама опустилась на одръ свой и предала духъ Господу, Котораго отъ юности возлюбила всею дѣвственною чистотою души своей.

Въ усыпальницѣ Задонской обители, гдѣ въ ряду прочихъ подвижниковъ покоится тѣло благочестивой старицы Евѳиміи, часто слышатся заупокойныя молитвы о блаженномъ ея

на ряду съ именами Питирима епископа Тамбовскаго, Саровскаго іеросхимонаха Серафима и Іоанна затворника, почивающаго въ Созоновскомъ женскомъ монастырѣ Тамбовской же епархіи (*Тамбов. Епарх. Вѣдом.* 1861 г., № 5. Стр. 39—40).

успѣніи, возносимыя къ Богу по желанію богомольцевъ, стекающихся туда изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Мнѣ случилось одинъ только разъ видѣть старицу Евѳимію, въ первый пріѣздъ мой въ Задонскъ и Воронежъ, въ 1848 году. Она лежала на лавкѣ, съ закрытыми глазами и тихо читала псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго.» Тогда же и позднѣе я много слышалъ о ней отъ отца Димитрія, архимандрита Задонскаго, прежде бывшаго казначея Сергіевой Лавры.

УВАРОВЪ,

графъ Алексѣй Сергѣевичъ,

сынъ извѣстнаго ученаго филолога, министра народнаго просвѣщенія, президента Академіи Наукъ, получилъ отличное воспитаніе и обширное образованіе. Еще въ дѣтствѣ и юности въ домѣ отца, онъ жилъ въ сферѣ и науки, и искусства: превосходная библіотека, музей, лекціи профессоровъ, ученые споры о предметахъ науки и литературы—вотъ тѣ впечатлѣнія, среди которыхъ онъ развивался. Далѣе—петербургскій историко-филологическій факультетъ и лекціи Грефе, пребываніе въ заграничныхъ университетахъ—Берлинскомъ, Гейдельбергскомъ, кружокъ профессоровъ и ученыхъ археологовъ и нумизматовъ, съ которыми сблизился графъ А. С. по возвращеніи изъ-за границы—всѣ эти благопріятныя условія рѣшили дальнѣйшее направленіе его дѣятельности, сдѣлали изъ него сначала любителя археологіи, потомъ основательно подготовленнаго ученаго, передъ которымъ открывалось, благодаря блестящему матеріальному и общественному положенію, широкое поприще дѣятельности. Природная энергія, привычка къ труду, обширное образованіе, даже помимо знатнаго происхожденія и высокаго положенія отца, открывали предъ молодымъ графомъ Уваровымъ блестящую карьеру и дѣлали его желаннымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго попри-

ца государственной службы. Онъ отдался лишь своему призванію. И вотъ мы видимъ, что онъ является равнодушнымъ зрителемъ среди вихря свѣтской жизни, ищетъ удовлетворенія на засѣданіяхъ Археолого-Нумизматическаго Общества, въ основаніи котораго въ 1846 году онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе, и не колеблется промѣнять блескъ с. петербургской жизни на утомительную поѣздку въ южно-русскія степи и Крымъ ради археологическихъ разысканій. Въ 1847 году предсѣдатель Арх. Общества герцогъ Лейхтенбергскій возбудилъ вопросъ о способахъ болѣе полнаго изученія классическихъ памятниковъ на побережьи Чернаго Моря и назначилъ коммиссію для разработки этого вопроса. Тогда графъ А. С. предложилъ Обществу выполнить его желаніе на собственный счетъ. Предложеніе было принято съ благодарностью, и въ 1848 г. молодой ученый отправляется къ устьямъ Днѣпра и отсюда проѣзжаетъ все побережье Чернаго Моря на западъ до устьевъ Дуная и на востокъ до Тамапскаго полуострова. Всюду онъ собираетъ свѣдѣнія, производитъ раскопки, дѣлаетъ замѣтки, пріобрѣтаетъ древности. Результаты поѣздки 27-лѣтній археологъ обнародываетъ въ своемъ первомъ капитальномъ трудѣ: «Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго Моря» (2 вып. in 4° съ атлас рисунковъ 1851—56). Здѣсь представляется множество цѣнныхъ данныхъ для археологіи Новороссійскаго края, Бессарабіи и Молдавіи.

Освѣтивъ въ археологическомъ отношеніи огромную область южной Россіи, графъ Уваровъ переноситъ свои изслѣдованія на сѣверъ въ область древнихъ городовъ Суздаля и Ростова, и въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1851—54, въ сообществѣ съ археологомъ-нумизматомъ Савельевымъ и другими лицами, раскапываетъ множество кургановъ, съ цѣлью опредѣленія географическаго распространенія вымершаго финскаго племени Мери и уясненія его культуры. Огромная масса добытаго археологическаго матеріала обработывалась имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и результаты изслѣдованій появились въ его трудѣ, считающемся классическимъ въ

археологической наукѣ: «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» (напеч. въ «Трудахъ 1-го Археол. Съѣзда» въ Москвѣ 1869). Этотъ трудъ можетъ служить образцомъ для археологическихъ изслѣдованій, знакомя читателей съ методомъ, пріемами и научными требованіями раскопокъ, и показывая, какимъ образомъ можно возстановить культуру цѣлаго племени, о которомъ письменныя историческія свидѣтельства крайне скудны.

Смерть отца (въ 1855 г.), устройство домашнихъ дѣлъ, основаніе своего музея и богатой библіотеки, затѣмъ двухлѣтняя служба по министерству народнаго просвѣщенія въ должности помощника попечителя московскаго учебнаго округа на время отвлекли графа отъ прежнихъ упорныхъ археологическихъ занятій, но уже въ 1859 году, вступивши въ бракъ съ княжной Прасковьей Сергѣевной Щербатовой, онъ навсегда оставляетъ оффиціальную службу и отправляется на два года за границу, преимущественно въ Италію, и тамъ уже съ полной свободой отдается своему влеченію. Въ Римѣ его преимущественно занимаетъ изученіе христіанской символики: онъ усердно изучаетъ византійское искусство, просматриваетъ въ Ватиканѣ греческія рукописи и византійскія миніатюры. Съ богатымъ запасомъ свѣдѣній и матеріаловъ для дальнѣйшихъ работъ возвращается графъ въ свое имѣніе Порѣчье, гдѣ, служа по выборамъ въ должности предводителя можайскаго дворянства и вводя земскія учрежденія, устраиваетъ свою богатую библіотеку и музей. Съ зимы 1864 года начинаетъ графъ А. С. приводить въ исполненіе давно задуманное дѣло—сплоченіе московскихъ археологовъ, историковъ и любителей старины въ тѣсный кружокъ съ цѣлью совмѣстной разработки археологической науки. Въ сообществѣ съ небольшимъ сначала кружкомъ ученыхъ, онъ вырабатываетъ уставъ Москов Археологическаго Общества, которое уже съ октября того же года начинаетъ свою дѣятельность. Всѣмъ извѣстно, насколько покойный предсѣдатель Археологическаго Общества содѣйствовалъ его процвѣтанію всѣми средствами—учеными трудами, ходатайствомъ передъ

правительствомъ, матеріальными пожертвованіями. Упомянемъ только, что въ девяти томахъ трудовъ Общества въ I томѣ Археологическаго Вѣстника (1867) помѣщено до 20 изслѣдованій графа Уварова, главнымъ образомъ по вопросамъ древне-христіанскаго искусства и первобытной археологіи, и болѣе тридцати статеекъ въ Археологическомъ словарѣ, котораго составленіе, по его иниціативѣ, приняли на себя члены Общества.

Уже одинъ краткій обзоръ дѣятельности гр. Уварова показываетъ, какого выдающагося дѣятеля въ его лицѣ утратила русская наука. Мы находимъ въ немъ рѣдкое соединеніе способностей—съ одной стороны къ упорному, усидчивому, кабинетному, ученому труду, съ другой — къ организаціи ученыхъ предпріятій, къ хлопотамъ и ходатайствамъ объ ихъ успѣхѣ, къ занятіямъ, для которыхъ необходимъ практическій умъ и, если можно такъ выразиться, хозяйственныя наклонности. При изученіи изслѣдованій графа Уварова, возникаетъ удивленіе количеству затраченнаго труда, богатству матеріаловъ, строгости въ обработкѣ, обширности свѣдѣній. Еще болѣе, конечно, цѣнили въ немъ качества ученаго и труженика тѣ, кому случилось вступать съ нимъ въ личныя сношенія. Видно было по всему, что наука составляла первый и главный интересъ его жизни. Уже въ зрѣломъ возрастѣ и съ разстроеннымъ здоровьемъ, онъ увлекался ею съ юношескимъ жаромъ и, постоянно занятый мыслію о новыхъ научныхъ предпріятіяхъ, о новыхъ экспедиціяхъ, изслѣдованіяхъ, забывалъ въ живомъ разговорѣ физическіе недуги Еще за двѣ недѣли до кончины онъ былъ занятъ мыслію о будущемъ Археологическомъ съѣздѣ.

Графъ А. С. Уваровъ обладалъ необыкновеннымъ, можетъ быть единственнымъ въ своемъ родѣ, счастіемъ: въ достойной супругѣ своей онъ нашелъ не только вкусъ къ той наукѣ, которой посвятилъ онъ труды цѣлой жизни, но и способность трудиться самостоятельно и возбуждать къ трудамъ другихъ. На всѣхъ Археологическихъ съѣздахъ (кромѣ Петербургскаго и Одесскаго, въ которыхъ графиня Прасковья

Сергѣевна не принимала участія) она являлась живымъ средоточіемъ общаго труда: около нея всѣ члены, старые и молодые, вдохновляемые ею, трудились, соревнуя другъ другу. А по кончинѣ супруга, избранная единогласно въ предсѣдатели Общества, графиня доказала и въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ и на двухъ съѣздахъ—Ярославскомъ и второмъ Московскомъ, что невозможно было сдѣлать выбора болѣе счастливаго.

Но этимъ не ограничивается счастіе знаменитой четы: видимъ съ радостію, что и въ дѣтяхъ ея живетъ та же любовь къ наукѣ. Никогда не забуду, какъ на выставкѣ, устроенной въ Историческомъ музеѣ, во время послѣдняго Московскаго съѣзда, двѣ юныя графини, фрейлины Высочайшаго Двора, въ простенькихъ платьяхъ, въ передникахъ, съ любовію занимались разборомъ и установкой предметовъ древности ..

Впрочемъ, увлекшись чувствомъ за предѣлы заповѣди—не говорить о живыхъ,—я долженъ теперь умолкнуть. Могу только, изъ глубины сердца, высказать горячее желаніе: да сохранится навсегда въ семьѣ графовъ Уваровыхъ та любовь къ наукѣ, какую мы видимъ теперь въ третьемъ поколѣніи этого достославнаго рода!

ЛЯПИДЕВСКІЙ,

Павелъ Степановичъ,

протоіерей, родился въ Тульской губерніи и, по окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, получилъ высшее богословское образованіе въ Московской Духовной Академіи.

Окончивъ тамъ въ 1832 году курсъ ученія и удостоенный степени магистра богословія, П. С. первые годы посвятилъ преподавательской дѣятельности, сначала въ Казанской, а затѣмъ въ Виѳанской духовной семинаріи. Въ немногіе годы, проведенные въ должности наставника семинаріи, почившій успѣлъ заявить себя другомъ дѣтей и горячимъ усердникомъ къ дѣлу. Лучшіе изъ учениковъ его по семинаріи въ настоящее время извѣстны отечественной церкви, какъ просвѣщеннѣйшіе архипастыри и ревностные служители алтаря, какъ, напримѣръ, высокопреосвященные архіепископы: Сергій—Одесскій, Амвросій—Харьковскій, и многіе другіе.

Почившій былъ возведенъ въ санъ священника Скорбященской, что на Ордынкѣ, церкви святителемъ Московскимъ Филаретомъ и болѣе полувѣка несмѣняемо исполнялъ высокія и многотрудныя обязанности при этомъ храмѣ; лишь незадолго предъ кончиной онъ былъ отчисленъ за штатъ. Болѣе двѣнадцати лѣтъ онъ былъ преподавателемъ Закона Божія въ Симоновской школѣ Московскаго Благотворительнаго Общества, гдѣ заслужилъ общую любовь и оставилъ навсегда благодарное воспоминаніе о себѣ. Проходя тогда должность правителя дѣлъ Общества, я ежегодно посѣщалъ экзамены во всѣхъ его школахъ (ихъ было тогда 12) и не могу умолчать, что преподаваніе катихизиса и священной исторіи въ Симоновской школѣ было несравненно выше, нежели въ прочихъ школахъ: почтенный преподаватель давалъ уроки свои съ любовію, и ученицы его учились усердно и отвѣчали на вопросы не безотчетно наизусть, а со

смысломъ, и всегда полнѣе нежели по классной книгѣ. Это замѣтила и Великая Княгиня Ольга Николаевна, посѣтившая, вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, Симоновскую школу въ 1849 году: Ея Высочество съ удивленіемъ сообщила августѣйшимъ своимъ Родителямъ, что она встрѣтила въ Москвѣ такого законоучителя, какого не видала въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого отзыва, П. С. Ляпидевскій черезъ нѣсколько дней посвященъ митрополитомъ Филаретомъ въ санъ протоіерея, безъ доклада Св. Синоду, по именному повелѣнію императора Николая Павловича. Мнѣ пріятно вспомнить, что и всѣ предыдущія награды (отъ набедренника до наперснаго креста) досточтимый отецъ протоіерей достойно получилъ по представленіямъ Совѣта того же Общества.

Въ различныя времена епархіальное начальство возлагало на него званія депутата или члена различныхъ коммиссій и комитетовъ. Но особыя симпатіи къ себѣ отъ духовенства почившій заслужилъ въ званіи благочиннаго, которое онъ несъ болѣе четверти вѣка.

Будучи самъ образцомъ точности, исполнительности во всемъ, честнаго отношенія къ дѣлу, почившій требовалъ, чтобы и другіе поступали точно такъ же. Высоко понимая свое званіе, онъ старался утвердить въ подвѣдомственныхъ ему лицахъ согласіе, миръ и любовь, дѣйствуя всегда въ духѣ кротости и терпѣнія. Поступая всегда прямо, въ полномъ согласіи слова съ дѣломъ, почившій отецъ протоіерей пріобрѣлъ себѣ репутацію человѣка нелицепріятнаго.

П. С. Ляпидевскій скончался въ маститой старости, 15 февраля 1891 года. Тѣло его погребено на Даниловскомъ кладбищѣ.

НИЛЪ,

архіепископъ Ярославскій.

Въ мірѣ Николай Исакóвичъ, по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, въ 1825 году, со степенью магистра (6-го курса), былъ постриженъ въ монашество и, по рукоположеніи въ іеромонаха, опредѣленъ инспекторомъ Черниговской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ; въ 1828 году перемѣщенъ на ту же должность въ Кіевскую Духовную Академію, а въ 1830 году, возведенный въ санъ архимандрита, назначенъ ректоромъ Ярославской духовной семинаріи и настоятелемъ Ростовскаго Богоявленскаго Аврааміева монастыря. Вызванный въ 1835 г. на чреду служенія въ С.-Петербургъ, архимандритъ Нилъ, имѣя только 35 лѣтъ отъ рожденія, былъ хиротонисанъ 8 декабря во епископа Вятскаго и Слободскаго. Обширная и густо населенная Вятская епархія была наполнена расколомъ и представляла для архипастырской дѣятельности не малое поприще. Здѣсь впервые проявилъ онъ свою плодотворную дѣятельность, возвративъ въ два съ небольшимъ года (1835—38) въ лоно Св. Церкви болѣе 6.000 душъ изъ раскола. Въ 1838 году преосв. Нилъ былъ перемѣщенъ на Иркутскую каѳедру, которая въ то время обнимала всю восточную Сибирь и сѣверо-восточный уголъ и острова Сѣверной Америки, нынѣ заключая въ себѣ сверхъ того епархіи: Забайкальскую, Якутскую, Камчатскую и Алеутскую.

До вступленія его на Иркутскую каѳедру, восточная Сибирь была бѣдна св. храмами, многія церкви оставались по нѣскольку лѣтъ безъ священнослуженія; пастыри, большею частію, были необразованы и, конечно, не могли противостать расколу и обращать язычниковъ ко Христу; миссіонеровъ почти не существовало. На все это было обращено

первопачальное вниманіе преосв. Нила; имъ были выписаны пастыри изъ великороссійскихъ губерній, учреждены миссіонерные станы и образованы миссіонеры, изъ числа которыхъ прославился протоіерей Іоаннъ Веніаминовъ (впослѣдствіи архіепископъ Камчатскій и, наконецъ, митрополитъ Московскій Иннокентій) и другіе, построено множество церквей и число ихъ въ періодъ съ 1838 до 1853 года возросло съ 214 до 286, и нѣкоторыя изъ нихъ построены на глубокомъ сѣверѣ, въ землѣ чукчей и камчадаловъ. Расколъ, гнѣздившійся за Байкаломъ и распространившій вокругъ свои вѣтви, по вступленіи преосв. Нила, будущаго преемника «раскола искоренителя» (святителя Димитрія Ростовскаго), долженъ былъ притихнуть. И вотъ за Байкаломъ мало-по-малу образовались многолюднѣйшіе приходы, основанные на правахъ единовѣрія.

Но еще болѣе трудился владыка надъ обращеніемъ язычниковъ. Эта нива представляла еще болѣе обширное поле для дѣятельности На громадпѣйшемъ пространствѣ (150 т квадр. миль) разсѣянно жило болѣе 400 тыс. язычниковъ: тунгусовъ, камчадаловъ, бурятъ, якутовъ, чукчей и другихъ инородцевъ, которые и понятія не имѣли о вѣрѣ христіанской. И вотъ началось обращеніе язычниковъ ко Христу. Въ управленіе епархіею Иркутскою преосв. Нила обращено до 30 тыс. душъ. Сами тайши (т.-е. главы родовъ), ламы (духовенство) съ множествомъ народа приходили креститься. «Утѣшительно было видѣть,» пишетъ очевидецъ, «это зрѣлище: двѣ купѣли были устроены на рѣкѣ Ангарѣ, осѣненныя знаменіемъ креста, и къ нимъ совершено крестное шествіе съ сонмомъ крещаемыхъ. Старцы и дѣти, мущины и женщины, по обычномъ священнодѣйствіи, погружались въ купѣль крещенія. Это умилительное зрѣлище невольно исторгало слезы изъ очей, а душу исполняло тѣми не земными ощущеніями, сладость которыхъ можетъ постигать только испытавшій ихъ. Въ это время крестилось въ рѣкѣ Ангарѣ болѣе 400 человѣкъ.» Другой очевидецъ пишетъ: «Начиная отъ бандидо-хамбы до послѣдняго ховарка (причетника) всѣ

обращались къ архипастырю. Въ дорогѣ сонмы буддистовъ его сопровождали, при капищахъ предъ нимъ являлся легіонъ ламъ, а въ Гусинозерьѣ самъ бандидо срѣтилъ его со всею помпою язычества. Не видѣвъ сего зрѣлища, заключаетъ очевидецъ, трудно вѣрить сказанію о немъ, но оно истинно.» При преосв. Нилѣ ламизмъ и шаманство шли къ исчезновенію, одолѣваемые всемогущею силою креста Господня. Англійскимъ миссіонерамъ воспрещено было дѣйствовать въ Сибири; въ Иркутскѣ построены: новый семинарскій домъ, училище для дѣвицъ духовнаго званія; основана, въ 260 верстахъ отъ Иркутска, Нилова пустынь, на содержаніе которой ревностный архипастырь пожертвовалъ значительную сумму и до самой своей кончины присылалъ значительное пособіе; собрано до 250 тысячъ руб. серебромъ на построеніе въ Иркутскѣ новаго каѳедральнаго собора, причемъ преосвященный пожертвовалъ съ своей стороны значительный капиталъ; устроено для новообращенныхъ до 70 церквей. Но главный трудъ и главная забота преосвященнаго Нила состояли въ томъ, чтобы утвердить въ православіи новообращенныхъ, дать имъ Священное Писаніе на ихъ народномъ языкѣ; для этой цѣли владыка, изучивъ монгольскій и бурятскій языки, самъ собственными своими трудами переложилъ на эти языки не только нѣкоторыя богослужебныя книги, но даже и церковныя ноты. Этими по истинѣ апостольскими трудами преосв. Нилъ оставилъ по себѣ незабвенную память во всей Сибири.

На ярославскую каѳедру преосвященный Нилъ былъ переведенъ 24 декабря 1854 года, послѣ удалившагося на покой добродѣтельнаго архіепископа Евгенія. Въ маѣ 1854 года архіепископъ Нилъ оставилъ Иркутскъ среди всеобщаго о немъ сожалѣнія православнаго народа, провожавшаго со слезами нѣсколько верстъ своего знаменитаго владыку. Вступивъ на ярославскую каѳедру, преосвященный Нилъ продолжалъ заниматься по прежнему переводами богослужебныхъ книгъ на монгольскій и бурятскій языки, заботился о возобновленіи обветшавшихъ зданій ростовскаго кремля, а также

ростовскаго митрополичьяго дома и приписаннаго къ нему Бѣлогостицкаго монастыря, произвелъ капитальныя перестройки архіерейскаго дома въ ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ и духовной консисторіи; построилъ на берегу Волги, въ Ярославлѣ, училище для дѣвицъ духовнаго званія, съ церковію, которую и освятилъ въ 1863 году и устроилъ новый домъ для семинаріи.

Перечислить все, что̀ сдѣлано преосв. Ниломъ въ 20-лѣтнее управленіе Ярославскою епархіей невозможно; одно только можно сказать, что какъ въ Вятской и Иркутской епархіяхъ, такъ и здѣсь преосвященный употреблялъ всѣ свои старанія къ искорененію раскола и, благодаря ему, въ Ярославской губерніи расколъ значительно ослабѣлъ. Открыто нѣсколько единовѣрческихъ приходовъ для бывшихъ раскольниковъ, число школъ при монастыряхъ и церквахъ за послѣднее время управленія преосв. Нила возросло до 311 при 6 584 учащихся. Библіотекъ при церквахъ находилось 876, т.-е. болѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ епархій въ Россіи.

Въ 1856 году архіепископъ Нилъ былъ вызванъ для присутствія въ Св. Синодѣ, и тамъ присутствовалъ два года. Въ это время онъ удостоился принять участіе въ священномъ коронованіи Государя Императора Александра II въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ 1858 году, 30 мая, участвовалъ въ освященіи въ Петербургѣ Исаакіевскаго каѳедральнаго собора. Въ 1867 году, 5 августа, преосв. Нилъ, во главѣ собравшихся въ Свято-Троицкую Сергіеву лавру архипастырей Русской Церкви, приносилъ поздравленіе приснопамятному первосвятителю Московскому Филарету съ 50-лѣтнимъ торжествомъ архипастырскаго его служенія и первенствовалъ въ юбилейномъ священнослуженіи, а въ ноябрѣ того же года принималъ участіе, вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ и другими архипастырями, въ отпѣваніи и погребеніи великаго іерарха Московскаго, котораго онъ весьма глубоко любилъ и уважалъ. Привязанность преосв. Нила къ митрополиту Филарету была до того вели-

ка, что онъ плакалъ, провожая гробъ его изъ Москвы и проливалъ слезы на его могилѣ. Въ 1870 году, 8 декабря, ярославская паства праздновала 35-лѣтній юбилей его архіерейства, причемъ духовенство Ростова и Ярославля въ лицѣ соборныхъ протоіереевъ поднесло ему адресы и учредило двѣ стипендіи въ духовной семинаріи. Во время празднованія юбилея вполнѣ высказалась привязанность паствы къ своему знаменитому архипастырю.

Въ заключеніе не можемъ пройти молчаніемъ стараніе архипастыря обезпечить духовенство Ярославской губерніи. Его стараніями собрано съ прихожанъ до 680 тысячъ рублей въ пользу духовенства, вслѣдствіе чего Ярославская губернія одна изъ немногихъ избѣгла значительнаго сокращенія приходовъ.

Глубокая ревность, съ какою въ Бозѣ почившій архипастырь подвизался въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи къ озаренію душъ свѣтомъ вѣры Христовой, пастырскіе труды въ обращеніи десятковъ тысячъ изъ язычества и раскола и переложеніе богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки — сдѣлали имя Нила извѣстнымъ во всей Россіи.

Заслуги и подвиги преосвящ. Нила были высоко цѣнимы Русскими Монархами: онъ получилъ двѣ драгоцѣнныя панагіи, алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго и алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ *).

Изъ сочиненій архіепископа Нила извѣстны: Собраніе его словъ и проповѣдей, говоренныхъ въ епархіяхъ: Вятской, Иркутской и Ярославской; книга «О будущемъ» и «Записки о путешествіи по Сибири», напечатанныя въ *Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* Послѣ почившаго архипастыря остался замѣчательный по собранію и высокой цѣнности ми-

*) Драгоцѣнныя панагіи, брилліантовые орденскіе знаки и алмазный крестъ на клобукѣ почившій архипастырь завѣщалъ Ярославскому попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія съ тѣмъ, чтобы капиталъ изъ вырученныхъ за нихъ денегъ, въ билетахъ, оставался неприкосновеннымъ, а проценты употреблялись на пособіе бѣднымъ семействамъ духовенства.

нералогическій кабинетъ, который онъ завѣщалъ въ кабинетъ Петербургскаго университета, котораго былъ почетнымъ членомъ.

Вспоминаю съ благодарностью, что ко мнѣ лично преосв. Нилъ былъ всегда благосклоненъ и внимателенъ; многократно пользовался я назидательною его бесѣдою и гостепріимною трапезою. При напечатаніи втораго изданія книги моей о древностяхъ Ростова онъ выписалъ 700 экземпляровъ для церковныхъ библіотекъ Ярославской епархіи. Примѣру просвѣщеннаго владыки тогда же послѣдовали блаженной памяти митрополитъ Кіевскій Арсеній и еще нѣкоторые архипастыри, такъ что книга напечатанная въ числѣ 2400 экз., разошлась въ двѣ недѣли.

Знаменитый архипастырь скончался на 75 году отъ рожденія, 21 іюня 1874 года*). Могила его—въ склепѣ Печерской церкви Ярославскаго архіерейскаго дома.

*) Преосв. Нилъ не дожилъ одного года до 50-лѣтняго юбилея священства и 40-лѣтняго архіерейства.